

A dark, gothic-style illustration of a castle interior. The scene is dominated by a large, ornate arched doorway in the center. The architecture is highly detailed with pointed arches and intricate carvings. The lighting is dramatic, with a warm, orange glow from a window or opening in the background, and a purple light emanating from a small window above the doorway. The overall atmosphere is mysterious and foreboding.

Проклятие
Матери Тар

Что может быть страшней отлучения со двора? Хуже тоскливого пребывания в удаленном владении у Сумрачных Гор? Да что угодно: угодить в ловушку, подготовленную местными злопыхателями; стать свидетелем человеческого жертвоприношения; попасть в окруженную магическим кольцом Долину Смерти, где проклятый и забытый всеми колдун бесцельно рыщет в облике нелепого сказочного чудовища...

А может это только игра воображения? Эх, говорила же ему Миранда: «Вино и женщины погубят тебя, Грогар...»

Проклятие Матери Гор

...на звук он обернулся
И увидал при теплом свете жизни
Пылающие прелести ее
Сквозь покрывало, сотканное ветром,
Нагие руки, кудри цвета ночи,
Сияющие очи и уста
Отверстые, трепещущие пылко.
Он мощным сердцем дрогнул в преизбытке
Любви, рванулся к ней всем телом, руки
Простер, дыханья не переводя,
К желанным персям; отшатнулась дева
И сразу же, охвачена восторгом
Неудержимым, вскрикнула, приемля
Его телесность в зыбкие объятия,
Которые при этом исчезали,
И черный мрак ему глаза подернул,
Ночь поглотила призрачную грезу,
И непроглядный сон окутал мозг.

Перси Биш Шелли

«Аластор, или Дух одиночества»

1

На беспокойно дремлющего молодого человека с потолка упала капля. Капля была ледяная и попала прямо в ухо. Молодой человек взвизгнул и проснулся.

Через плохо подогнанные друг к другу доски запертой двери пробивался призрачный лунный свет.

— Боги, — сказал молодой человек, встряхнув головой. — Как же горло болит. И голова... Э-э-э... Лунга? Ты где, дорогой мой?

— Я здесь, мой господин, — прозвучал в полумраке строгий и немного меланхоличный голос.

— Где мы, черт побери, находимся? И почему у меня так сильно дерёт горло? Я как будто проглотил наждачный камень. И почему так темно? И почему так воняет? И почему...

— Мы в плену, мой господин. Заперты в пещере.

— Что?!

— В плену, ваша милость.

— Это что, шутка?

Лунга промолчал.

— Да, я понял. Ты никогда не шутишь. Тем хуже для тебя. Так и помрешь черствым сухарем, никем не надкусанным, ха-ха-ха!.. Кхм, ну ладно.

Лунга, слуга ярла Грогара Хтойрдика — того самого молодого человека, — был убежденным холостяком, более того — приверженцем до занудства строгого и аскетичного

образа жизни. Он и выглядел соответственно: высокий и худой до изнеможения, лет сорока; обветренное, тщательно выбритое продолговатое лицо словно высечено из камня — и категорически лишено эмоций. Он всегда ходил в диковинной широкополой, порядочно потрепанной фетровой шляпе; длинной, до пят, тунике, сильно смахивавшей на монашеское одеяние, и вот в чем штука — она всегда была идеально чиста.

Единственное, что хоть немного разбавляло это горькое вино благонравия и нравственного подвижничества, — так это большие и печальные-печальные голубые глаза.

Шутка ярла Грогара рассеялась, точно дым.

— Не сопи, раздери тебя гром, выкладывай, что вчера случилось! И дай выпить чего-нибудь, и зажги свет, и почему я лежу на каком-то колючем гнилье и мне холодно...

Лунга деликатно кашлянул.

— Ну чего ты там кряхтишь?

— Ничем не могу помочь, мой господин. Увы.

— Что, даже вина нет?

— Только немного воды. Совсем немного.

Лунга зажег лучину, осветив небольшую сырую пещеру, на полу которой кое-где была рассыпана солома. У стен — небрежно разбросанные, сгнившие от ветхости и сырости ящики, набитые, судя по всему, шерстью и кожами домашних животных. От них несло падалью.

Грогар презрительно фыркнул: он считал, он был убежден, что вода предназначена только для умывания, купания, стирки и прочих тому подобных процедур, но ни в коем случае не для приема внутрь. А стирка или, на худой конец, какая-нибудь чистка сейчас бы точно не помешала, так как его костюм — красный кафтан с фестонами и золотыми пуговицами, желтые штаны до колен и белые (когда-то) чулки — выглядел, мягко говоря, плачевно. Черные лакированные туфли с большими серебряными пряжками, казалось, тоже утратили свой лоск навсегда, что ввело Грогара в еще большее уныние. Оглядев себя, он подумал, что стал похож на обнищавшего дворянина, вопреки невзгодам все еще воображающего себя франтом и потому донашивающего безнадежно истрепанные одежды. Он сам насмешливо называл таких господ «мочалками».

«Мочалка я. М-да», — несколько обреченно подумал он.

— Что ж, — изрек ярл, приподнявшись, и тут же почувствовал сильное головокружение, — тогда рассказывай, что с нами стряслось.

— Хм. Я вас предупреждал, ваша милость. Это не наши владения.

— Не мои, ты хотел сказать.

— Простите, господин, не ваши.

— Ну и что? Это владения барона Фрейра! А он, между прочим, должен мне полторы сотни золотых! Сто пятьдесят полновесных дукатов! Шарахни меня молния! Что он там болтал? «Какая отличная партия подвернулась моей дочери, доченьке-красавице», — помнишь? Залез, старый пьяница, по уши в долги, чтобы устроить пышную — не по средствам, скажу я тебе, явно не по средствам, — свадьбу. «Зачем?..» — задавали мы вопрос и ему, и себе. Все равно его полоумная дочь сбежала с каким-то прохвостом из Олмарда, прожив всего-то пару недель с молодым мужем-рогоносцем! И этот ее молодой муж-рогоносец... как его звали?.. какое-то странное имя... Туин, Дуин? В общем, этот прыщавый идиот повесился с горя! Влезть в такие долги — и все ради чего? Ради растаявшего, как утренний туман, счастья мерзавки Алисии, у которой между ног зудело день и ночь — ведь

там побывал и я, и боги знают кто еще! И ты думаешь, что после всего этого старый болван посмеет мне что-либо возразить? Я сам, как конченный дуралей, ссудил ему на свадьбу и помогал ему. А ведь Миранда мне говорила: «Что же ты, братец мой ненаглядный, делаешь?» Но я, видишь ли, человеколюбец, сострадалец и все такое! Какой же я идиот! Так-то вот, Лунга, дорогой мой! Имею полное право охотиться в его владениях, ибо Фрейр, этот старый болван — и тебе это известно не хуже меня, — обнищал, вследствие чего платить, разумеется, не собирается. Нагло, я бы сказал, не собирается.

Грогар немного промолчал, потом задумчиво произнес:

— Кстати, ты помнишь слугу этого... слугу мужа-рогоносца, ныне благополучно покойника? Ну как же его звали-то? Туин? Дуин? Неприятный такой тип у него был, такой... со шрамом у рта?

Лунга как-то странно фыркнул.

— Ходили слухи, — продолжал Грогар, — что он поклонялся богам Тьмы. — (Лунга нервно завозился и что-то глухо забормотал). — Утверждали, что он убил свою мать, а одна полубезумная старуха рассказывала мне, что он ее не только убил, но и съел. Словом, редкостный гад, мерзкий тип. М-да.

Некоторое время спустя Лунга опять деликатно кашлянул.

— Ну что еще?

— Земли барона дики. Здешний народ погряз в ужасе язычества...

— Начинается...

— Я неоднократно вас предупреждал, — продолжал Лунга. — Но, как всегда, вы остались абсолютно глухи к моим доводам. Уйти в одиночку в эти леса, да еще вот так, как вы, налегке — безумие, ваша милость. Безумием было отпускать Рийго и всех остальных: дескать, пикник, зачем мне стража... Все говорили вам, что не стоит, но вы, простите, мой господин, были весьма даже пьяны. Да и никакие фазаны и золотые куропатки, даже размером с волка, не стоят того. И вообще, я сильно сомневаюсь, что они существуют, мой господин. К тому же вы утопили свое ружье... кхм... в пруду, помните?

— Всё? Выговорился? Теперь рассказывай, что стряслось вчера.

— Да вы убежали с пикника. Никто и не предполагал, что вы всерьез пойдете... как вы изволили выразиться: «Бить фрейровских золотых фазанчиков». Я едва успел за вами. А дружки ваши только смеялись. Мы быстро заблудились, ружье вы, не сделав ни единого выстрела, утопили, как я вам уже сказал. Потом вам стало плохо, вас вырвало и я, можно сказать, нес вас на себе. Вы были в беспмятстве. А очнулись уже близ этого богомерзкого местечка. Нас внезапно окружили местные... хм, дикари. Весьма агрессивно настроенные. Боюсь, мы ввязались в неприятности, мой господин.

Тут слуга неожиданно замолчал. Грогар улыбнулся.

— Ага! Припоминаю, припоминаю, гореть мне в аду! Ты получил по морде. Что губами чмокаешь?

— Не смешно, ваша милость. Я пытался их вразумить, взывал к их совести...

— Да! Теперь вспомнил! Несколько грязных типов с пиками и топорами окружили нас и велели идти за ними! И от них несло дерьмом! Я так и сказал им, и, что удивительно, на меня они совсем не обиделись, даже пальцем не тронули, зато твое нытье сразу же взбесило их!

— ...призывал их одуматься и, пока не поздно, сжечь в себе семя зла, но... это лишний раз подтверждает слова великого Брейха Благочестивого о том, что истинное добро,

бескорыстно делаемое людям, режет, словно острый нож, и только храбрый сердцем и духом способен выдержать...

— ...но я, да сгниют мои потроха, не понимаю! Они, значит, напоили меня своей редкостной дрянью... забыл... как они ее называли? Не то масло или... пробка... не помню... Затем отвели нас... а дальше я забыл. Да, я чертовски нажрался. И вроде ночь уже была. Наверное, специально меня напоили, подлецы. Помню, улыбались... Эй, любезнейший мой слуга! Кончай скулить! Твой Брех и иже с ними уже в печенках сидят. Налей вина!.. Да, нету, я знаю. Так что, как выбираться будем?

— Я убедительно прошу вас не коверкать имя великого...

Тут Грогар окончательно вышел из себя и швырнул в слугу первый попавшийся камень. Не попал. И еще камень подвернулся какой-то липкий. «Надеюсь, это не говно», — подумал он, обнюхивая пальцы.

Лунга минуту помолчал, съезжившись и испуганно хлопая глазами, но потом упрямо закончил:

— Имя святого, верного слуги богов, упоминать все, праздности ради либо же в издёвку — неприемлемо. И я готов пострадать, но никогда не сверну с пути истины...

Грогар вздохнул.

— И почему я тебя до сих пор терплю?

2

Спустя несколько часов рассвело. Похолодало, и у обоих не осталось никаких сил сыпать проклятьями — с одной стороны, и смиренно молить богов — с другой, только ёжиться и кутаться в насквозь промокшие одежды, ловя ускользающие крохи тепла.

Наконец дверь, визгливо проскрипев по полу, открылась. В пещеру вошел здоровяк в меховом жилете, надетом прямо на мускулистое голое тело. За поясом — устрашающего вида нож.

«Циклоп, — подумал Грогар, взглянув на него. — Нет, циклоп-людоед».

На скуластом отечном лице красовался единственный, навывкате, глаз. Другой был прикрыт кожаной повязкой телесного цвета, почти незаметной под рыжевато-соломенной шевелюрой. Это, а также пухлые губы и кривые зубы, и придавало здоровяку сходство со сказочным чудищем, о чем ярл не замедлил сказать:

— Ну ты и страшен, приятель! А еще говорят, циклопов не существует. Так вот же он! Много людей съел? Всегда хотел знать, какова человечина на вкус. Говорят, похожа на курятину.

Здоровяк подошел к Грогару и, пристально, с подозрением, посмотрев на него, медленно, с расстановкой, произнес:

— Ты обижаешь Бро? Бро не любит, когда его обижают. Бро не любит циклопов и людей не ест. Людей нельзя есть.

Сказав это, Бро врезал огромной шершавой ладонью Грогару по уху — тот кубарем покатился по полу и с глухим охом врезался в стену.

— Не обижай Бро, — пророкотал здоровяк, бросив на скорчившегося от боли ярла обиженный взгляд, — и будешь цел. Пойдемте, хозяин ждет.

Алое солнце только-только выглянуло из-за острых зубцов неприступной горной гряды, полукругом охватывавшей залитую светом, чуть тронутую осенью долину сказочной красоты. На ее лесистых склонах, прижавшись к чахлому ручейку, ютилась крохотная

деревня. Дома, сложенные из горного камня и покрытые соломой, свисавшей чуть ли не до самой земли, загоны для овец, лай собак, — всё это настроило Грогара на благодущный лад.

Он потянулся и зевнул, опьяненный чистотой прохладного утреннего воздуха.

— Благодать, черт подери! — выдохнул он, потирая саднящее ухо. — Пожалуй, выкуплю я у барона этот клочочек земли. Уж слишком тут красиво. А вон там, на возвышении, построю замок. — Грогар указал на стоящий поодаль, за деревней, добротный дом из дубового бруса. Дом этот расположился на холме, прямо под огромным раскидистым вязом, заботливо обнесенным низким забором. К ветвям дерева во множестве были привязаны разноцветные ленточки. — Отличное место для небольшого замка. Дерево спилю. Жаль, конечно, губить такое красивое...

Не успел он договорить, как Бро неожиданно ударил его в живот. Грогар согнулся, отчаянно хватая ртом воздух, и скатился бы по крутому откосу, если б не расторопность Лунги, вовремя придержавшего своего ярла.

Лунга посмотрел на здоровяка — на глуповатом лице того смешалась масса эмоций: удивление, ярость, подозрение.

— Святой Вяз! — собравшись наконец с мыслями, произнес Бро. — Это Святой Вяз. Нельзя его пилить. Ты, — он ткнул пальцем в Грогара, понемногу приходящего в себя, — нехороший, нехороший, очень нехороший человек. Нехороший! Я скажу хозяину о твоих плохих словах. Я всё скажу! Скажу!

— Валяй, говори, — ответил Грогар. И, посмотрев на угрожающе нахмурившегося здоровяка, поспешил добавить: — Так уж и быть, не спилю. Оставлю. Обнесу его мраморной плиткой и поставлю рядом клетки с соловьями, дабы они своим дивным пением не давали ему увянуть. Удовлетворен, приятель?

Бро стоял, сжав кулаки и размышляя, обижает ли его этот нехороший человек или нет.

— Может, хватит, ваша милость? — шепнул Лунга. — Не стоит дразнить...

— Ты прав. Не стоит. Ну, веди, любезнейший, к своему хозяину.

3

Одноглазый здоровяк Бро привел Грогара и Лунгу, всё время упрямо смотревшего в землю, к грубо сколоченному жилищу, служившему здесь таверной, где, кстати, ярл вволю повеселился намедни.

Внутри, в темном зале, где сильно пахло дешевым вином, пережаренным мясом и какой-то скисшей дрянью, за длинным исцарапанным столом сидело три человека — кряжистые бородатые дядьки в потертых кожаных куртках. Физиономии хмурые и упрямые, на мозолистых ручищах — почерневшие потрескавшиеся ногти.

Они важно взглянули на пришедших и кивком указали пленному ярлу на скамью.

— Э-э-э, а где пиво, эль? — спросил Грогар. — Только не наливайте, пожалуйста, то пошло, вчерашнее — от него у меня горло дерет. Простите, не помню ваших имен... э-э-э... как вас, любезнейшие? Это вы так уделали моего слугу? — Грогар насмешливо покосился на Лунгу, прижавшего ладонь к распухшей щеке. — Эх, не видит тебя Миранда! Упала бы со смеху!

Мужики молчали, невозмутимо глядя на беззаботно щебечущего гостя. Лунга с досадой думал, что большего позора им переживать еще не приходилось. «Они думают, что мой господин — полный дурак. — Грогар широко улыбался своей особенной, лучезарной улыбкой, редко покидавшей его точеное лицо, обрамленное густыми каштановыми

волосами, небрежно ниспадавшими на плечи. Острые усики — по последней моде — и лукаво прищуренные, выразительные карие глаза придавали ему озорной вид, так зливший сейчас Лунгу. — Горцы лишней раз убедились, что жители равнин — мальчишки и неумехи».

Но дальше мысли Лунги потекли по более привычному богобоязненному руслу, и так мучительно захотелось поразить всех собравшихся очередной гневной отповедью — он уже предвкушал их залитые слезами просветления лица, — что Лунга открыл было рот, но вовремя одумался. Как-никак, пять лет служения «мальчишке» кое-чему его научили.

Между тем «мальчишка», если можно так называть одного из самых богатых людей во всем Форнолде — королевстве весьма и весьма обширном и богатом, управляемом славным добрым королем Блейддуном Премудрым, — продолжал болтать, не давая несколько смутившимся мужикам вставить хоть слово.

— В горле, ребятки, окончательное пересохло! Налейте, загрызи вас вошь! Какой-нибудь медовушки, чтоб полегче влилось!

Воспользовавшись паузой, кою Грогар допустил ради поглощения кислого пива, преподнесенного угрюмым типом с лицом, похожим на оплывшую свечу, один из мужиков — тот, что сидел посередине, — хорошенько прочистив горло, торжественно возвестил:

— Итак, господин, хотим тебя рашть... раштря... ну, как там? Короче, плохи твои дела, господин. Короче... тебя Владыка Леса выбрал. Значит, в жертву. Но твоего придурковатого дружка мы отпустим. Пушай идет на все, как говорится... э-э-э... сколько там?

— Четыре, — подсказал тот, что справа.

— На все четыре стороны. Возблагодари Владыку за милость его.

Грогар остолбенел. Лунга сжался.

— В жертву? — переспросил Грогар. — Владыке Леса? То есть как жертвенного барашка? Вскроете мне брюхо, нальёте кровь в священный сосуд и омоете им лоно девственниц, дабы они непременно понесли мальчиков, и мужескость юношей — для придания им храбрости?

Все трое уставились на Грогара непонимающим взглядом.

— Да вы знаете, кто я такой? — воскликнул, подбоченившись, Грогар. — Я — ярл Грогар Аурелио Мирабель Бранд-и-Дьюрсон, владелец замков Хёмбург и Хюг, действительный член ордена Белых Рыцарей, первый префект Гордари и Дюнкшвальба, почетный магистратор королевского университета, советник короля...

Тот, что посередине — видать, старейшина, — грустно покачав головой, произнес:

— Многие так говорили...

— Во-во, — поддакнул тот, что слева. — Тот чудной, с брюшком и жидкой такой бороденкой, болтал, што он бекон и перст и живет на дереве.

Старейшина сурово глянул на него, отчего тот скуксился, и хмуро повторил:

— Н-да, многие так говорили. Язык бы им оттяпать...

Грогар, услышав эти слова, осекся, но потом со все возрастающим гневом продолжил:

— Вы глупцы, если думаете, что можете безнаказанно убить меня. Я принадлежу к одному из знатнейших родов королевства, ибо я не кто иной, как прямой потомок самого Хтойрда Свирепого — того самого героя, упоминаемого в «Симбиотических Ведах» Святы Отцов! Если вы, недоумки, не знаете, скажу, что «Веды» описывают Эпоху Богов, и Хтойрд там — один из ближайших сподвижников бога Войны Прара Разящего. Вы понимаете, убогие? Моему роду шесть тысяч лет!

— Пять тысяч семьсот, — деловито поправил Лунга. — Согласно новым исследованиям...

— Замолкни! — рявкнул Грогар, и слуга покорно умолк. Но старейшина и бровью не повел, лишь снисходительно улыбнулся.

— Мы накормим тебя, — сказал он, — и сызнава в пещеру. Вечером — обряд. Так што... Етого, — старейшина ткнул пальцем в Лунгу, — проводим восвосяи. Пущай ступает себе, нам ссориться с чужими богами нужды нет.

— Разумно ли это? — тихо спросил тот, что справа.

— Я знаю, что делаю, — отрезал старейшина. — С чужими богами ссоры быть не дóлжно.

— Владыка...

— Он... — Старейшина внезапно умолк и, не сумев что-либо возразить, раздраженно махнул рукой, упрямо повторив: — С чужими богами ссоры быть не дóлжно.

— Как знаешь...

— Ты еще пойд, поябедничай ему...

— Я не таков, — немного обиженно ответил тот, что справа.

— А вот который перст... — начал было тот, что слева.

— Умолкни, дурак! — проревел старейшина и стукнул кулаком по столу, отчего деревянная кружка с остатками пива опрокинулась. — Нам ссоры...

— С чужими богами? — не выдержал Лунга. — Вы называете веру в Пантеон Святы Отцов чужой?

— Заткнись, Лунга, — мрачно сказал Грогар. — Скачи домой со всех ног. Ты понимаешь?

— Понимаю! — визгливо ответил слуга. — До последнего лагеря с полдня пути по непролазной чащобе, и не факт, что я там найду Рийго! К тому времени вас, мой господин... вас... — Губы Лунги затряслись, а на глаза навернулись слёзы. — Я же говорил вам... а вы... как всегда...

— Отомстишь.

— ...это кара... за грехи ваши. О боги! Смилуйтесь! Как я смогу уйти?!

— Иди, я сказал!

— Мой долг — принять смерть рядом со своим господином!

— О, я тронут, конечно. Ты верный слуга, но воля господина — превыше всего. Мучеником стать успеешь. Поставишь столб в горах и будешь стоять там после моей смерти сколь угодно долго, питаешься дождевой водой, землей, листьями и червяками, покуда не почувствуешь себя лучше. Но сначала ты, дурья твоя башка, вернешься в Хюг и снарядишь там войско! Понял, разрази тебя гром? Ты понял?!

Лунга, глотая слезы, покорно кивнул. Глаза его загорелись — видно, мысль о столпничестве пришла к нему по вкусу.

— Пусть Рийго с Ладислао сожгут здесь всё! На виселицу всех до единого!!!

Старейшина снова грохнул кулаком по столу.

— А ну закрой пасть, дурак! Ишь, раскричался. Мы к тебе по-доброму, а ты — орать! Сожгут, видишь ли. Не сожгут, не бойся. Многие так пели... А ну, Птыр, позови-ка одноглазого. Пущай отведет ево в пещеру, да ноги ему пущай там скуёт колодкой. До вечера на хлеб и воду, едрыть ево в жопу. Не люблю горлопанов.

Вопреки всему, избавиться от Лунги оказалось не так-то просто. Он скорчил скорбную мину, крупные слезы лились из его больших и печальных-печальных голубых глаз, а он все брел, словно приговоренный, за своим господином, которого одноглазый Бро выволок на улицу, будто нашкодившего пацана. В конце концов сельские бабы и ребятня, шумя и сквернословя, прогнали бедного Лунгу камнями и палками.

А он все плакал, и, глядя на его пронзительные глаза, Грогар почувствовал себя весьма скверно.

По дороге в пещеру пленник попытался помириться с Бро.

— Ты не обижайся на меня за циклопа, братец. Язык мой — враг мой.

Бро в ответ сплюнул.

У самой пещеры Бро, надев на Грогара колодки, неожиданно сказал:

— А вот тебе... э-э... замок, Дурсон-Мирабель, — и пнул Хтойрдика.

Какое-то время Грогар потерянно сидел прямо на полу. Отрешенно постучал камнем по колодкам из двух засаленных досок, скрепленных длинной ржавой цепью под навесным замком. Замок ощутимо вонял нечистотами, а камень раскрошился.

Ярл брезгливо вытер руки о сухую солому у выхода, разломил данный ему циклопом черствый ржаной хлеб и, вкусив его, начал, по своему обыкновению, разглагольствовать, словно обращаясь к невидимому собеседнику:

— Так-так. Что называется, влип. Представляю, как будут шептаться при дворе: «Вы послушайте только — кошмар! — ярл Грогар Хтойрдик был убит дикарями-фанатиками во владениях барона Фрейра». — «Какого такого Фрейра?» — «А того, соседа Грогара, Фрейра Гудштайна, чей замок находится на самом краю мира, у Сумрачных Гор. Изломанные Земли, знаете ли. Дикая глушь!» — «Ах, этот! Он, кажется, алкоголик и совсем обнищал?» — «Какая жестокая и глупая смерть!» — и так далее. И потянула же меня нечистая в эти треклятые леса! Взял бы с собой Рийго с парнями, так нет же — захотелось острых ощущений, решил, дурень, слиться с природой! Или что я там удумал?

Хлеб был совершенно безвкусный и сухой. Грогар поневоле запил его водой из кувшина — еще одного подарка Бро. Вода отдавала тухлятиной.

— Никогда больше не буду пить воду, дай только выберусь. Итак, значит, я влип. Хм. Начинаю повторяться. Однако голова моя совершенно пуста. Как же выбраться? Не представляю. Может, Лунга... а, что от него ожидать. Кстати, а о чем же эти туземцы говорили? Какой такой *перст*, что *живет на дереве*? Еще и *бекон* к тому же? Хм... И что значит, *многие так говорили*? И что за *Владыка Леса*? Какой-нибудь сумасшедший культист? Совершенно непонятно. И голова моя совершенно пуста. Винца бы...

Вскоре уныние сменилось скукой, а спустя три или четыре часа Грогар совсем позабыл о грозящей ему жестокой и глупой смерти, принявшись развлекать себя перечислением всех своих любовных побед:

— Барбаретта — старая любовь! Я был еще мальчишкой, когда мы с ней на сеновале... Э-эх! Славные были времена! Клотильда, Эоля... Габолейя — на редкость скучная бабенка, хоть и красивая; Лотоссия — умерла от чахотки, бедняжка; Одра... О, Одра! Гаратка. Южанка. Смуглянка. Ручаюсь жизнью, ни у кого в Форнолде не было связи с гаратскими женщинами. Одра так боялась всего, что связано с любовью — нельзя то, нельзя сё, — но ведь я ее уломал, не будь я Грогар Хтойрдик! И потом мы вытворяли такое! Интересно, это правда, что ее безумный отец отрубил ей голову?

Сестры Елена и Мэа — две чудные, восхитительные близняшки. Надо бы нанести им визит как-нибудь, ибо они всегда рады позабавиться, никогда ничего не требуют и ни о чем не спрашивают, и вино у них в погребах отменное.

Мюриетта! Ох, вот это тоже — женщина! Именно женщина! А как сладко пахла! Та ночь, когда я возлѣг с ней прямо на ложе ее отца, где сам он и спал, вдрызг пьяный, — это было что-то! Мы спихнули его на пол и всю ночь веселились под аккомпанемент его слюнявого храпа. Мы напялили на него чепчик и нарумянили ему щеки. Ха-ха-ха! Эта разукрашенная рожа, когда он проснулся и увидел нас голыми на своей кровати, — я чуть не лопнул со смеха! Да... правда, тогда мне пришлось прыгать с высоты... м-м-м... метра три, наверное. Благо там были кусты... Оцарапался, как бездомный кот... Ах, Мюриетта...

А потом была Мара, настоящая дьяволица, несносная девка, черт ее дери. Мне никто не верил, когда я рассказывал, что она по-настоящему возбуждалась, только водрузив на себя рогатый шлем своего геройского деда, Белла Могучего. Идиотка. «О дедушка, ты видишь меня? О дедушка, я кончаю! Да здравствует Форнолд! Смерть проклятым гаратам!» — в шлеме ее голос звучал как рычание додена-демона. У меня неизменно мурашки бежали по коже. Идиотка.

А Актосия? Соседка из Вековечного Древа. Никогда у меня не было такой толстушки. Но что поделать — провинция! Приходится иметь дело с тем, что есть. Толстушка, шарахни меня молния, — у нее на пузе три складки, и, надо признаться честно, они меня чертовски возбуждали! И пугливая, словно курица, — первый раз, увидев моё блистательное мускулистое тело, зажмурилась и расплакалась, дуреха.

Зато Агнесс! Ах! Агнесс. Любовь всей жизни. Никогда не забуду, как я овладел ею прямо во время пира в тронном зале. Мы скрылись за гобеленами, — папаша-король вѣл долгие нудные беседы с магами и астрологами, дворяшки дремали, а я, согнувшись в три погибели, обливаясь потом и глотая пыль, набившуюся в гобелены, трахал эту, бесспорно прелестную, волшебную, но и чрезвычайно похотливую даму.

Агнесс, Агнесс... Как коварно нас разлучили завистники! — Король, узнав об интрижке принцессы, велел удалить от двора, по его словам, «этого распутника и мошенника». С тех пор вот уже год Грогар томился одиночеством в своем имении, у «черта на куличках». — Ведь я любил тебя... да, это я сейчас понимаю как никогда. — На самом деле Грогар не очень любил ее, это, вообще-то, было ему несвойственно, но в ожидании грядущей смерти многое воспринимается несколько иначе, чем обычно. — Выберусь... хотя теперь уж вряд ли... а вдруг? — но, тем не менее, если выберусь из этой передраги, поеду в столицу и добьюсь, возьми меня холера, руки Агнесс. Упаду на колени...

Тут Грогар, приосанившись, начал сочинять стихи, помогая себе изящными взмахами руки:

— О благородная принцесса! Позволь... позволь... э-э... позволь припасть к твоим стопам! И поцелуями покрыть твои бархатные ручки! Поцелуями покрыть твои бархатные ручки... Что-то нескладно. Ну и ладно. Дальше: любовь сжигает мое сердце и лихорадит разум — мне нет спасенья!..

В конце концов и это ему надоело; он почувствовал усталость. Придвинувшись к двери, где солома была посуше, он заснул там сном младенца, согретый лучами заходящего солнца, пробившимися сквозь щели и вместе с тенями украсившими пещеру причудливыми фантастическими узорами.

Проснулся наш герой, когда почти стемнело: над горной грядой виднелась лишь узкая красная полоса. Кто-то тихо скрѣбся в дверь.

— Пришли, палачи! — воинственно воскликнул Грогар. — Заходите, сегодня вы воочию убедитесь в том, что Хтойрды сделаны из стали! Я плюю на вас, слышите вы, уроды!

— Тише вы, господин, — раздался знакомый голос. — Это я, ваш слуга.

— Лунга? Лунга! Что ты там делаешь?

— Вас спасаю.

— Не поздно ли?

— Что? А... Нет-нет, время еще есть. Они хотят вас... ну, вы понимаете... в полночь. Время есть. Сейчас я отпру дверь и мы убежим. Скроемся в темноте.

— Ну так отворяй побыстрей! Чего ты возишься?

— Думаете, легко гвоздиком вскрыть замок?

— Гвоздиком? Эх, Лунга, приятель, сразу видно, что ты девственник. Замки только гвоздиками и вскрываются. И еще как вскрываются!

— Очень смешно, — раздраженно буркнул Лунга и наконец открыл дверь.

Он где-то отыскал обломанный кусок пилы с тупыми погнутыми звеньями. Помучившись, перепилил одну из половинок колодки — и освободил своего хозяина. Тот, радостно взвизгнув, хлопнул его по плечу.

— Молодец, дорогой мой, верный мой слуга! Смываемся отсюда.

И они спешно покинули это злосчастное место — пещеру.

Запах мокрой гнили еще долго преследовал обоих.

Грогар потихоньку раздражался, что случалось с ним крайне редко. Они прыгали, будто горные козлы, по обрывистым склонам, цепляясь за углубления в камнях и кусты, поскальзываясь, скатываясь и чертыхаясь.

Через полчаса беглецы спустились в лес, темневший чуть внизу, и сразу почувствовали облегчение — им казалось, что на склонах они были как на ладони и что вся деревня пристально следила за ними.

Сначала все шло хорошо, Грогар успокоился и даже начал насвистывать непристойную песенку. Ярко светила луна, благодаря чему беглецы неплохо ориентировались во тьме. Но вскоре все изменилось — Лунга повел себя странно, а его хозяин забеспокоился.

— Ты уверен, что мы идем в нужном направлении? — спросил Грогар.

— Уверен, ваша милость. Мы взяли чуть в сторону, но в целом идем верно, на юг.

— Хорошо. Теперь скажи мне, пожалуйста, что ты делаешь?

Лунга постоянно останавливался, подбирал с земли какие-то палочки, ветки, камушки, часть засовывал в карман, часть присыпал землей, при этом что-то злоеще нашептывая. Из-за этого беглецы почти что топтались на месте.

— Не мешайте, ваша милость, — ответил слуга, повалившись на колени и уткнувшись лбом во влажную прелую листву. Его шляпу посеребрил свет луны, и весь лес показался Грогару в этот миг старым заброшенным кладбищем. Ял вздрогнул, слегка пнул слугу и повторил свой вопрос.

— Я молюсь, мой господин, — послышался ответ.

— Нашел время!

— Я хочу спастись, ваша милость. Немного терпения, это необходимо.

— Потом помолишься! — рывкнул Грогар, но Лунга уже не слышал его.

— Златовласый Диан, — шептал он, — нашли на ворогов наших сон, ослепи светом забытья очи их; черноокая Уйнна укажет нам путь, черноокая Уйнна укажет нам путь, черноокая Уйнна укажет нам путь... В сумрак ночи выплывет серебро священного пепла — основы мироздания; засияет величественный Тайан, и в храмы Святых Отцов сойдет огонь Небес... мы будем ждать знака...

— О боги! — воскликнул Грогар. — Ты что, всем ста двадцати богам будешь молиться? Лунга метнул на господина яростный взгляд.

— Ста двадцати одному! — прошипел он, но, получив смачный подзатыльник, замялся и виновато посмотрел на господина.

— Клянусь! — проревел Грогар, схватив его за ворот. — Я выбью из тебя эту дурь! Каленым железом выжгу! Идем!

Всё-таки то был не их день, а вернее, ночь. Не прошло и десяти минут, как под ногами беглецов внезапно что-то треснуло, раздался щелчок, — и щиколотки обоих в мгновение ока опутала крепкая веревка. Ярл и Лунга стремительно взмыли вверх, под нижние ветви высокого дуба, при этом больно стукнувшись лбами, да так и остались болтаться на дереве головами вниз.

Шляпа Лунги спланировала на землю.

— Ну что? — потирая ушиб, язвительно поинтересовался Грогар. — Это называется наслать сон на ворогов? Черноокая Уйнна укажет нам путь? Куда? В преисподнюю?

— Не святотатствуйте, ваша милость. Я не виноват.

— Еще как виноват!

— Эй вы! — услышали они хриплый голос. — Захотели сбегнуть? От старика Ольо не больно сбегнешь-то! Тут у нас повсюду ловушки — никто еще не сбёг от старика Ольо, никто. Ну-ка, идите ко мне, детки! Щас я вас угощу пирожками-то!

Их ждали. Вдоль дороги, ведущей к дому на холме, выстроились жители деревни — и стар и млад. Лица мрачны, смотрят враждебно, у каждого в руках факел. Старейшина, как показалось Грогару, выглядел виноватым. Хромоногий старик Ольо, загадочно улыбаясь, сбросил связанных вместе Грогара и слугу с телеги, точно пару дохлых кляч.

— Я их нагайкой погрел! — словно оправдываясь, сказал он. Толпа молча взидала на пленных. Из дома на холме вышло два человека. — Один раз, для профь... профь... тьфу! Ну, шоб знали, паскуды. Ну бывайте, други, я пошел.

И старик, взяв лошадь под уздцы, торопливо заковылял прочь.

— Так-так, — пробормотал Грогар, увидев приближавшуюся к ним пару. — Похоже, намечается преоригинальнейшая забава. Интересно было бы посмотреть — только в качестве зрителей, разумеется, — на предстоящее действие. Ты не находишь, дорогой мой?

— Не нахожу, — проворчал Лунга, отплевываясь. При падении с телеги он с испугу глотнул ком грязи. Кто-то, посмеиваясь, напялил на Лунгу его уже порядком пострадавшую шляпу. — Я нахожу, что мы попали в богомерзкое место, где все сплошь — грешники, святотатцы, убийцы и аспиды! Великий Таб придет за ними и спалит огнем их души!

Кто-то пребольно ткнул его в бок носком сапога.

— Замолчи, дурак! — услышал он. — При Владыке низзя говорить. Владыка... он того... о-хо-хо!

Последние слова человек произнес в кулак. Блеснули глаза, полные ужаса. Женщины тихо заохали, заплакал ребенок.

Люди, подошедшие к распластавшимся в дорожной грязи беглецам — мужчина и женщина, — были облачены в белые балахоны, лица их скрывали жутковатые маски из древесной коры: узкие и высокие, с прорезями для глаз.

— Развяжите и поднимите их, — приказал мужчина. Два дюжих парня, стоявшие позади пленников, с готовностью исполнили повеление. — А теперь — пора, — холодно сказал он, развернулся и невесомой походкой зашагал по тропинке, ведущей в горы. Женщина тенью двинулась следом, за ними — селяне, грубо подталкивая вперед пойманных беглецов.

Узкая тропа, петлявшая меж деревьев и утесов, плавно поднималась. Грогар оглянулся — за ним тянулась, словно сказочная змея, цепочка огней, дрожавших в чаще леса.

— Поразительное зрелище, — мечтательно проговорил он. — Это можно назвать похоронной процессией в нашу, дорогой мой Лунга, честь. Вся деревня провожает нас в последний путь, гордись!

— Ступай, неча болтать! — бросил идущий сзади мужик.

Грогар вздохнул, еще раз посмотрел вниз и побрел дальше. Лунга, на чьем лице застыло не сулящее ничего хорошего выражение мрачной брезгливости, неумолчно бормотал. Его сухой ноющий баритон, чем-то напоминавший перекатывание гольшей в сумке, навевал на Грогара дрему.

Между тем процессия, возглавляемая Владыкой и его спутницей, все шла и шла — через леса, мимо каменистых пустырей, где, как в море, растворялась тропа, снова через леса...

В конце концов они пришли в курчавую рощицу у входа в узкое ущелье. Высоченные и

совершенно отвесные скалы тут почти касались друг друга — как будто горную гряду разрубил гигантский топор, оставив проход, куда человек едва мог втиснуться.

У устья этой щели громоздился бурелом. Там и остановились таинственные люди в масках. Селяне бесшумно замерли неподалеку. Грогар, поначалу не обративший внимания на бурелом, присмотрелся и с большим удивлением обнаружил в беспорядочном нагромождении обветшавших гнутых бревен нечто похожее на избу: из руин поднимался еле заметный дымок, в темноте тускло мерцал крохотный огонек, похожий на подслеповатый старушечий глаз.

Владыка воздел к небу руки и торжественно провозгласил:

— Матерь Гор! Прощу тебя, покажись!

Некоторое время ничего не происходило, но затем из избы вышло темное смердящее существо. Дюжие парни-служки по знаку Владыки подвели Грогара со слугой поближе.

Перед ними была безобразная старуха: черная и кривая, хромая, но невероятно подвижная, да еще и слепая — два бледных бельма не оставляли в этом сомнений. Кроме того, старуха была практически нага — ее истощенное уродливое тело прикрывал ворох спутанных засаленных веревок и лоскутков. Весь ее облик — неправдоподобно страшный, отталкивающий, сказочный, — заставлял пялиться на нее и обливаться холодным потом.

— Матерь Гор! — осторожно сказал Владыка. — Скоро полнолуние — ночь, когда Тьма выходит из своего логова, дабы вкусить плоды жизни, испить кровь добродетели и посеять чуму. Благослови же жертву нашу, — он церемонно простер руку в сторону пленных, — чтобы насытить зверя и сомкнуть его всепронзающие очи!

Но старуха, казалось, не слышала его. Она зашипела и заметалась. Подпрыгивая на одной ноге и тряся косматой головой, «Матерь Гор» кидалась то к одному дереву, то к другому; обхватывала стволы руками и, пуская пузыри, рычала. Селяне при ее приближении отбегали, как от страшилища, коим она, собственно, и являлась.

Владыка явно растерялся. Просительно протянув руки, он все поворачивался за ней, повторяя свои слова насчет тьмы, полнолуния и ненасытного зверя. Женщина в маске раздраженно дергала его за рукав, шепча на ухо:

— Брось ты ее! Она совсем спятила.

И тут Матерь Гор внезапно остановилась. Женщина в маске, видимо, испугавшись, что ее слова услышали, схватилась за сердце. Старуха, согнувшись, как перед прыжком, обвела всех собравшихся невидящим взглядом, всего на мгновение остановив его на стоявшей чуть в стороне девушке, державшей за руку маленькую девочку.

Этого хватило.

— Вот она! — как гром среди ясного неба прозвучал зычный голос Владыки. Грогар вздрогнул, Лунга перестал бормотать и вытаращил глаза.

Девушка покрепче прижала к себе девочку — лет пяти, не более — и попятилась.

— Хватайте ее!

В гробовой тишине слышался лишь треск факелов. На скалах плясали их гротескно вытянутые отсветы. Где-то сверху тоскливо завывал ветер.

Служки подскочили к бедняжке, вырвали девочку, швырнули на землю — Грогар заметил, что над ней склонился какой-то старик, — и поволокли девушку к людям в масках. Безобразная старуха стояла все это время неподвижно, вскинув голову и словно принюхиваясь к чему-то.

Парни бесцеремонно кинули потерявшую от страха сознание жертву к ногам Владыки.

— Чашу, — негромко произнес он, вынимая из складок своих белых одежд узкий нож из заостренной кости. И Грогару показалось, что он уже где-то видел этого человека, ему показался знакомым голос. Однако происходящее настолько ужасало, что Хтойрдик напрочь лишился дара речи.

Владыка мягко присел, аккуратно приподнял за подбородок голову девушки — и спокойным уверенным движением перерезал ей горло: предусмотрительно подставленная глиняная чаша вмиг заполнилась теплой дымящейся кровью. Селяне хором охнули, истошно завопила женщина — крик эхом прокатился по ущелью.

— Вышей, Мать Гор. — Человек в маске с поклоном преподнес старухе чашу.

Она медленно повернула к нему голову и неожиданно выбила из его рук подношение. Балахон окрасился алым, и Владыка отшатнулся.

— Грядет последний день проклятья, — прошамкала карга. — Грядет. Худо будет всем. Скоро.

С этими словами она заковыляла к своей избе и скрылась за дверью.

Воцарилась тишина. Наконец Владыка сказал:

— Вы слышали ее, братья. Горе нам. Жертву надо.

— Жертву, — зашелестели перепуганные голоса. — Жертву... что же будет с нами-то...

— Жертву, — продолжал Владыка, — омытую кровью невинных. Жертву, символизирующую богатство и бедность, начало жизни и конец ее. Не отчаивайтесь, братья. Мать Гор сказала свое веское слово, и мы готовы, готовы достойно вынести это испытание. Только твердость духа нас спасет. — И его палец зловеще указал на старика с девочкой. — Начало жизни и конец ее, богатство, — палец повернулся в сторону Грогара и Лунги, — и нищета, справедливость и обман. Наберите еще чашу. Омоем их, сестра. А вы, братья, — обратился он к толпе, — молитесь, громко молитесь!

— Может, не надо малышку... — растерянно сказал Грогар и замолчал. Он вдруг, как никогда четко, ощутил, насколько враждебны ему эти безумцы.

И сжался, слепо отдавшись страху.

Владыка, набрав еще чашу крови, вылил ее на головы Грогара, Лунги, старика и девочки.

Лунга горько плакал, теребя в руках свою широкополую шляпу. Кровь тонкими струйками стекала по его лицу.

— А теперь вы отправитесь в путь. Идите. Идите же!

И жертвы обреченно двинулись к ущелью. У входа Грогар бросил взгляд назад — крестьяне, что-то скорбно бормоча, обступили мертвую девушку. Владыка же со своей спутницей и служками степенно пошли прочь.

Старейшина, растерянно потирая седую голову, поплелся им вслед.

7

Узость ущелья пугала. Казалось, что громады, нависшие с обеих сторон, никогда не кончатся. Плечи упирались в скалы, острые грани камней рвали одежду, пыль щекотала ноздри. Было жарко.

И здесь царила полная тьма.

Грогару не хватало воздуха, да и не только ему, всем остальным, наверное, тоже. Ярлу казалось, что он тонет, — однажды в детстве он испытал это до крайности неприятное чувство.

Девочка всхлипывала, а старик глухо, одиноко успокаивал ее.

И, когда Грогар уже готов был завопить в приступе истеричного страха и бессильного бешенства, земля вдруг ускользнула из-под ног и вся четверка скатилась во внезапно открывшийся грот.

8

«Тьфу. И здесь воняет», — подумал Грогар и открыл глаза.

Безжизненный лунный свет заливал пещерку, выхватывая из мрака угрожающие призрачные очертания чего-то, громоздившегося у стен. Прохладный ветер залетал сюда — тот самый ветер, что властвует в диких Изломанных Землях. Он прикоснулся к перепачканному кровью и грязью лицу ярла, заставив мужчину вздрогнуть, и затих.

Только сейчас Грогар почувствовал, как близок этот пресловутый и осмеянный им же край мира, населенный сказочными доденами, двархами, шнеями и прочей нечистью.

Пленившись величию момента, Грогар вышел из грота.

Перед ним простирался лес: волнующееся, шумящее море, окруженное ровной, будто рукотворной цепью высоких заснеженных гор. В самом центре леса темнел замок — многочисленные узкие башни, увенчанные копьями-шпилями, вздымались к небу, словно отчаянно моля о помощи. За замком, чуть справа, простиралось круглое озеро, и его черные мерцающие воды напоминали вход в бездну.

Грогар обернулся. Лунга, морщась и стелая, старательно вытирал лицо крохотным платочком, отряхивал безнадежно испорченное платье. Вездесущая его шляпа лежала на валуне. Закончив приводить себя в порядок, Лунга со скорбным выражением лица начал ее чистить. Старик приобнял девочку и осматривался вокруг блуждающим взглядом человека, привыкшего повиноваться и принимать судьбу такой, какая она есть.

Грогар рассмеялся. «Несколько вымученно», — подумал он.

— Ну! Мы живы! Мы живы, и не все так плохо, клянусь печенью мадам Пепелины!

(К слову, мадам Пепелина, или вдовствующая королева-мать Элоиза Марируэлла Кастелла... тра-та-та... герцогиня Ровальская и Брахтендорденская... еще что-то там... славилась своим ужасно сварливым и неукротимым нравом. Однажды она прилюдно — в присутствии сановных послов из Пагорга и Вууденроха, на глазах у всей форнолдской знати, — отстегала тридцатилетнего сына-короля по, простите, голому заду. Представьте себе, мадам Пепелина, будто волчица, вцепилась в штаны короля мертвой хваткой и, несмотря ни на что, умудрилась стянуть их, а после крепко пройтись по царственной попе кожаной плеткой, бывшей всегда при ней. Скандал, скандал! Между прочим, попа-то у короля была нежная и розовая, как у младенца, уж это все заметили).

Это забавное воспоминание, а также полные глубокой тоски вздохи Лунги, рассматривавшего свою шляпу так, словно от нее зависела его жизнь, заметно приободрили Грогара. Его всегда веселили нарочитые благочестие и печаль слуги.

— Чего вы радуетесь? — спросил Лунга.

— Ты что, не замечаешь очевидного? Может быть, ты думаешь, будто уже попал на небо, в чертоги... э-э-э... кого там... ну, ты понял. Тогда ущипни себя, ущипни, авось очнешься.

— Простите меня, ваша милость, но вы ведете себя, как неразумное дитя. Неужто эти... дикари сунули нас сюда просто так?

— Ну... на то они и дикари.

— Я далеко не так уверен, мой господин. — Лунга кивнул в сторону стен. — Присмотритесь.

О боги! Фигуры, те самые призрачные фигуры, — с них спала пелена мрака, и Грогар увидел... скопление костей.

Нагромождение человеческих костей и черепов — древних, вросших в землю; более свежих, вокруг которых виднелись остатки истлевших внутренностей; и совсем новых, наспех обглоданных, — около них днем наверняка роились мухи и пищали крысы.

— Пока ночь, — неожиданно сказал старик, — надо уходить. Подальше. Как можно дальше. Ибо утром *он* придет.

Речь старика — правильная и мягкая — выдала в нем человека ученого. Он нежно прижимал к себе вздрагивающую девочку и смотрел на Грогара грустными, глубоко посаженными глазами.

Грогар покосился на старика, и на секунду ему стало страшно. Эти глаза... старик многое пережил, и облик его хранил в себе мудрость... Или хорошо замаскированное безумие?

— Кто ты? Как тебя зовут?

— Дьярв Лёлинг, исследователь древностей из королевского университета, к вашим услугам, ваша милость. Для меня честь... если, конечно, сейчас уместно...

— Да бросьте! — махнул рукой Грогар и призадумался. — Лёлинг, Лёлинг... Что-то знакомое... Вы, кажется, пропали года три... или... четыре тому?

— Два с половиной, господин Грогар.

— Два с половиной... хм. Ах да! Я вспомнил! Итак, любезнейший мой Лунга, ты имеешь честь лицезреть Дьярва Лёлинга из Бобродока, того самого ученого, что отыскал гробницу Бранда Великого, расшифровал надписи в пещерах Элма и совершил еще множество замечательных дел.

— Очень рад, — с поклоном сказал Лунга. — Большая честь.

— Но, позвольте спросить, что вы делаете здесь?

— Это длинная история, — ответил ученый. — И поверьте, у вас еще будет время ее послушать. Если только мы немедленно уберемся отсюда. Вы даже не представляете себе, какая опасность нам угрожает.

И все тут же отправились в дорогу.

Выйдя из грота, товарищи по несчастью спустились немного, потом ученый повернул направо и углубился в скалы.

Путь был тяжелый: мешала темнота, осыпающиеся каменистые склоны, неожиданные пропасти и завалы. Несчастную девочку — маленькую, с волнистыми каштановыми волосами и курносый носиком, по имени Лилия, — Грогару и Лунге приходилось по очереди нести на руках. Она перестала плакать, но все еще находилась в оцепенении.

Вскоре они оказались в узкой долине, по дну которой струился небольшой ручей.

— Мы должны вымыться, — тяжело дыша, сказал Дьярв. — Полностью раздеться, искупаться и тщательно выстирать одежду.

— Ты хочешь сказать, уважаемый Дьярв, — уточнил Грогар, — что мы остановимся здесь?

— Нет, господин Грогар, — покачал головой старик, — нет. Мы оботремся листьями дым-куста; вон он, видите? Листья пахнут скверно, не скрою, но их запах напрочь заглушит наш собственный. Зверь пойдет на запах крови — вот почему нас вымазали кровью той

бедняжки. Медлить нельзя, снимайте одежду; как все сделаем, наденем мокрое и будем искать убежище на день.

— Постой, — сказал Грогар. — Мы-то наденем мокрое, а как же дитя? Ночка ведь холодная. Не простудится?

— У нас нет выхода. Либо смерть, либо сопля. Но я не стал бы так беспокоиться — деревенские дети гораздо крепче и выносливей господских. Они с люльки на улице — и в непогоду, и в снег, да еще и голышом. Так что выжмем хорошенько одежду и наденем, ветер мигом обсушит. И не забудьте сначала попить — вряд ли нам скоро вновь предоставится такая возможность.

Сделав все, как велел исследователь древностей, путники пошли прямо по ручью — еще одна мера предосторожности. Через час, уже основательно продрогнув, они отвернули от него и стали карабкаться в гору, по пути набрав диких ягод — голубику, дикие финики, яблоки; Лунга нарвал какие-то пахучие травы: «Съедобные», — пояснил он, хотя Грогар сильно в этом сомневался. Дьярв Лёлинг, ученый, отыскавший гробницу Бранда Великого, долго искал подходящее место для укрытия и только под самое утро, начиная уже паниковать, наконец выбрал место — пещеру с маленьким входом, притаившуюся меж двух гладких отвесных стен. С трудом пробравшись туда, ученый облегченно вздохнул и объявил, что они останутся здесь до следующей ночи.

— Вам слово, господин Дьярв, — сказал Грогар, устроившись на охапке веток и трав, которые они с Лунгой предусмотрительно натаскали внутрь пещеры. Рядом спала, положив ручки под голову, Лилия, — мужчины накормили девочку самыми сладкими ягодами, а Лёлинг рассказал сказку, которая ей, кстати, не понравилась — она назвала ее скучной нудятиной.

Ученый как-то неловко улыбнулся, посмотрел на девочку и вздохнул.

— Это... длинная история, — повторил он.

— Валяйте, рассказывайте, — небрежно бросил Грогар, сунув соломинку в рот. — Впереди у нас целый день безделья. Покушать... — Грогар скривился, взглянув на «съедобные» травы Лунги, — у нас есть. Денек, в общем-то, неплохой, солнечный. Можно будет, в крайнем случае, выйти и заколоть какую-нибудь зверушку — зажарим на костре молодое мясо, пожуюем как следует. Жаль только, вином нельзя сдобрить жаркое...

— Нет! — закричал, вскакивая, Лёлинг, но, покосившись на Лилию, сразу же беспокойно зашевелившуюся, тут же понизил голос: — Нет, ни за что! Даже не думайте выходить наружу — это смертельно опасно! Как стемнеет, поохотимся... — ученый внезапно обмяк и опустился на пол. — Не думал, что окажусь здесь...

Грогар пожал плечами.

— Хорошо, как прикажете. Нет так нет. Но вы все же соберитесь с мыслями. Нечего понапрасну горевать, нам всем несладко пришлось. Поведайте нам свою, уверен, весьма увлекательную историю, потешьте нас. Стораю от любопытства, дражайший господин Дьярв, я весь внимание, и мой верный слуга тоже; не так ли, дорогой мой?

Лёлинг несколько минут подумал, при этом что-то еле слышно нашептывая, потом, несколько неуверенно, начал:

— Два с половиной года назад я, собрав необходимые средства на новую экспедицию — продав кое-чего и устроив дела, — отправился в путь. Надобно бы вам знать, что я путешествую налегке, без слуги, с одним лишь мешком за плечами, вот таким же, как и у почтенного Лунги. В мешке провизия, фляга с добрым вином — очень хороший помощник в общении с людьми, знаете ли, — перо, баночки с красками да большой свиток пергамента. Как говорится, крепкие сапоги, посох — и в дорогу!

Отправился я в Утнодок, самый северный город нашего королевства, на северо-запад отсюда. Он находится глубоко в горах — в сердце массива, известного у нас под названием Сумрачные горы. Многие меня предостерегали, говорили, что Утнодок — граница цивилизации и государства, а за ним — нечисть: демоны, варвары, людоеды. Ум ученого всё подвергает сомнению, и, простите, байки про доденов с горящими огнем глазами у меня неизменно вызывали скептическую усмешку. С другой стороны, нет дыма без огня. Уж такова моя специфика — отыскивать истину в самых, знаете ли, неправдоподобных сказках.

Итак, прибыв в Утнодок, я остановился у тамошнего бурмиистра Шандвана Гроха — человека образованного и даже, осмелюсь утверждать, утонченного, но имевшего такой воинственный и свирепый вид, что я долго не мог привыкнуть к мысли, что он и есть, знаете ли, городской глава.

Сразу скажу, что никаких чудищ я там не обнаружил, но тот край — э-эх! — просто

сокровищница. Год я прожил там, собирая легенды, рыская по горам. В окрестностях Утнодока проживает более десятка различных национальностей — и все со своим эпосом, мифологией. Горы облеплены древними крепостями, языческими храмами, — есть где развернуться такому человеку, как я! Знаете ли вы, что в незапамятные времена древняя цивилизация, образовавшаяся там, была весьма могущественна? Ее владения простирались до равнин Ровала — иными словами, имели выход к морю! Феноменально! И мы ничегошеньки о них не знаем! Я первый, прознавший о них хоть что-то, и у меня есть ценнейшие артефакты, свидетельствующие об их существовании. Ну да ладно, я, кажется, немного отвлекся.

Как раз там я впервые услышал о проклятии Матери Гор. Поначалу я считал эту историю мистификацией, но один из ряда вон выходящий случай, свидетелем коего я стал, убедил меня в обратном.

Это произошло в одном селении, несколько южнее Утнодока, в живописном местечке: представьте себе громадные пастбища, раскинувшиеся на склонах гор. Я приехал туда, как всегда, заинтересовавшись руинами. Они находились на вершине горы, кою местные жители — в основном пастухи и охотники — называли Голова Вождя. Гора и впрямь чем-то напоминала голову великана с пышными усами, а развалины древней крепости на ее вершине выглядели подобием царского венца. Пик этот стоял особняком, в центре долины; у подножия его протекала небольшая речушка, а к руинам вела длинная полуосыпавшаяся каменная лестница.

Меня встретили очень хорошо: шультейк, то есть староста, по имени Волох накрыл стол, созвал гостей, и меня попотчевали ячменным пивом, ржаными лепешками, вяленой рыбой, жареной бараниной, медом горных пчел — и множеством интересных историй.

Но когда я признался, что хочу исследовать руины на Голове Вождя, все разом приумолкли и нахмурились. В недоумении я принялся расспрашивать их о причине такого поведения. Наконец шультейк нехотя поведал мне следующую историю.

— Однажды, — молвил он, — годка уж три тому назад, пришла к нам женщина... девушка. Молодая и весьма пригожая собой. Попросилась на ночлег, но мы, согласно нашим обычаям, усомнились в ее, так сказать, порядочности. Спросили у нее: «Кто такова, откуда и есть ли кто из уважаемых людей, может, из соседних сел, кто поручится за тебя?» (Замечу, у горцев Утнодока женщины, можно сказать, бесправный народ). В ответ девушка сказала: «Я путешественница. Мне нужно только лишь пристанище на ночь». Всех изумил этот ответ: как так-то, женщина одна — и путешественница? Некоторые даже зашептались, что, дескать, ведьма это... Впрочем, не это важно. Важно вот что. До меня был шультейком Як — старый бездетный дядька. Много жен он поменял, и только последняя — Аинн — родила ему долгожданное дитя. Мальчику тогда исполнилось лет пять. Конечно, чего греха таить, Як с Аинн были скверными людьми: жадными, нечестными, жестокими. Решили они надругаться над путницей — завели ее в сарай и там... ну... избili... Пат, слуга ихний, такие ужасы рассказывал — что они всю ночь над нею и так и сяк, а потом и вовсе зарезали — вслепую, топором, порубили, будто зверя какого.

Но что странно — Пат клялся всеми богами, — гостя за все время не издала ни звука, а утром Як, заглянув в сарай, обнаружил... пустоту.

Исчезла, значит, таинственная гостя, без следа, исчез и мальчик-то шультейков. Бросились искать их — говорили же, колдунья она, ведьма, — унесла мальчика-то! Глядь, а он стоит на вершине Головы Вождя, на самом краю стены, окружающей крепость, и глядит

куда-то вдаль. Подойдешь к нему, он и говорит: «Она ушла, она ушла туда», — и кажет рукой на север.

Так и стоит он там, ибо нельзя снять его оттуда: любой человек, попытавшись схватить его, теряется, будто с ума сходит. Три года уж. Завтра, ежели хотите, можете сами посмотреть. Страшное зрелище.

— А что же с Яком случилось? — спросил я у Волоха.

— Прогнали мы их. Что с ними случилось, нам неизвестно. И поделом. Навлекли, лиходеи, на нас гнев Матери Гор. Мы, дурни, уже потом поняли. Старики нас просветили. Никакая это не ведьма, а Мать Гор.

Вот так в первый раз я услышал о Матери Гор.

Как же выглядела Мать Гор? Никто не мог ответить на этот вопрос вразумительно. Пат видел ее мельком, в темноте, а вблизи только залитые кровью останки. Як с Аинн вообще мало что помнили — так были пьяны. Высокая женщина в темном платье до земли и с длинными, густыми черными волосами — единственные приметы незнакомки.

Я поинтересовался, пробовали ли они, так сказать, снять заклятие?

— Пробовали, а как же, — с грустью отвечал Волох. — Были монахи из Храма Великого Таба, что в Утнодоке. Были и эйхатны, и всяческие шарлатаны — никто не помог. Зато бабы наши теперь в почете, это уж точно, после такого-то.

Как только рассвело, я пошел в то злосчастное место. Постараюсь точнее передать то, что я увидел, ибо это воистину устрашающее и необычное зрелище.

Мальчик — почти голый, в одних только подштанниках, — стоял на краю стены, вытянутый, точно стрела. Как смог он забраться на высоту в два человеческих роста — уму непостижимо. Я с превеликим трудом вскарабкался туда, хотя подо мной осыпались камни, а крутой обрыв, внизу коего плескалась река, кружил голову.

Приблизившись, наконец, к несчастному и отдышавшись, я всмотрелся в него.

Повторяю — ребенок находился на самом краю стены, он буквально висел в воздухе. Облик его поразил меня в самое сердце — мальчик, именно мальчик, ребенок — был... стар. Круглое личико сморщилось, щеки покрыла жесткая щетина, волосы поседели, тело исхудало, обнажив ребра. Никак не отреагировав на меня, не повернув головы, не дрогнув, он проговорил тихим голосом: «Ты слышишь?». От неожиданности я вздрогнул так, что чуть не упал, и спросил: «Что... слышу?» — «Ее. Она там, она ушла туда». И указал на север своей маленькой худой рукой. Меня прошиб пот, я застыл, вцепившись в камни. Ветер дико завывал в руинах. Спустя минут пять, немного придя в себя и исполнившись жалости, я сказал: «Пойдем со мной, мальчик». — «Она там, — повторил он. — Там...»

Я подполз к нему, попытался до него дотянуться, и...

До сих пор не понимаю, что со мной произошло, но я словно... заснул.

Странные видения посетили меня. В том состоянии — меж явью и сном — я видел ускользящие, размытые картины своего прошлого, какие-то кровавые сцены (должно быть, события той злополучной ночи), еще что-то...

Видел, как падаю со стены, качусь, поднимая тучи пыли, как бреду куда-то. День сменялся ночью, а я будто плыл или... летал, — ничего подобного мне в жизни не довелось испытать.

Я пришел в себя в совершенно незнакомой местности. Оказалось, что каким-то неизвестным, немислимым способом я очутился гораздо севернее, в диких, малоисследованных землях за Сумрачными Горами...

Тут Грогар прервал Лёлинга, воскликнув:

— И дёрнул же вас, дражайший господин Дьярв, огненноокий доден попытаться облапать того мальчишку!

Ученый недовольно сморщился, видимо, негодуя, что его так бесцеремонно перебили, и незамедлительно продолжил, причем Грогар заметил, что чем дальше, тем во всё большее возбуждение приходит старик. Создавалось впечатление, что он излагает содержание некой поэмы, а не рассказывает о своих приключениях.

— Да, вы правы, — быстро проговорил он. — Конечно же, правы. Я много думал о причинах моего поступка (ведь меня предупреждали!), и не могу объяснить его, как и то, каким образом я оказался там, в Изломанных Землях. Итак, очнулся я в ледяной пустыне. Жестокий холод, пронизывающий ветер, унылая однообразная местность, тусклое солнце, скрытое за плотной пеленой туч, привели меня в отчаяние. Я понял, что если сейчас же не найду людей, теплый очаг, приют, то умру.

Спустя два часа бесцельных блужданий, а может, и три, я упал, обессилив. Вознеся молитву богам, приготовился уже принять смерть, но судьба распорядилась иначе.

Откуда ни возьмись окружили меня всадники — воины, с ног до головы одетые в меха, вооруженные мечами, копьями и секирами. Выглядели они весьма внушительно: грубые, обветренные татуированные лица, топорно изготовленное оружие, вонь от плохо обработанных шкур и залитые кровью глаза, глядящие на вас со всею возможною свирепостью.

Один из них выкрикнул что-то на незнакомом лающем языке, указал на меня, и, не успев я и глазом моргнуть, как меня схватили, будто мешок с овсом, и бросили поперек лошади.

Как ветер мы помчались и вскоре оказались в селении — всего-то с десятков конусообразных, со стенами из оленьих шкур шалашей-чумов, прилепившихся к одинокому пологому холму — чрезвычайно унылое, на мой взгляд, место.

К тому времени я совсем ослабел и едва держался на ногах, потому мало что могу рассказать. Помню, как на меня кричал местный вождь, — пламя костерка, горевшего в углублении в центре шалаша, освещало его сальную физиономию, с которой ни на миг не сходило выражение ярости и самодовольства; помню маленького сморщенного старичка — шамана, видимо, — говорившего с вождем. Затем меня отвели в какой-то чум на окраине села и две раскосые, скуластые девушки ухаживали за мной — укутали, напоили кобыльим молоком, дали поспать.

Того, кто меня приютил и, как оказалось, спас от гибели — почему-то вождь хотел меня убить — звали Сагхе. Он и правда был шаманом. К моему безмерному удивлению, Сагхе бегло говорил на форнолдском, на одном из диалектов, распространенном в районе Утнодока. Накормив меня, он сказал:

— Тебя привела Силла.

— Кто такая... Силла?

Сагхе нахмурился.

— Дух. — Старик как будто раздумывал, стоит ли говорить на эту тему. Тогда я, представившись и объяснив, что со мной произошло, принялся его горячо расспрашивать о том, что он знает и что слышал.

Мой рассказ об убитой девушке и проклятом ею мальчике очень и очень беспокоил шамана. Не ответив на мои вопросы, он куда-то ушел и не появлялся два дня.

Вернувшись, Сагхе торжественно, словно присутствуя на некоем таинственном обряде, возвестил:

— Я получил ответ от духов. Они сказали мне, что ты был послан Силлой. Ты хочешь знать истину — я помогу тебе.

И Сагхе начал свое длинное повествование. Во всех подробностях описав мне великое множество богов и духов их племени, места их обиталища, обряды и суеверия, он ненадолго умолк и, пристально посмотрев на меня, велел поведать мою историю. От обилия корявых имен голова моя распухла, и я, путаясь в мыслях, кое-как выложил все, что знаю о моем мире и целях моих странствий.

Удовлетворив, таким образом, своё любопытство, Сагхе наконец-то, предварительно помучив меня продолжительным молчанием, начал говорить о Силле.

— Даже самые старейшие в нашем племени не помнят такое божество, — сказал он. — Силла не из нашего мира, не наш бог, не наш дух-предок. Она обитает в собственном пространстве, в небольшом мирке, который тянется за нею следом всюду. Всякий, попадающий туда, видит все в ином свете, подчас в таком искаженном и причудливом, что не найдется слов, способных описать это. Люди, коснувшиеся Силлы, сходят с ума. Ты тоже коснулся ее, и тебе несказанно повезло, что ты остался в своем уме. Впрочем, того хотела Силла. Нельзя сказать, зло она или добро, ибо поступки ее зачастую лишены всякого смысла. Снять заклятие, наложенное ею, очень трудно — тут и магия, и камлание бесполезны. Силла странна, парадоксальна. Некоторые думают, что она вестница Веннына — бога Смерти.

Если бы не несчастный мальчик, так и стоящий там, на Голове Вождя, я не был бы так потрясен услышанным, попросту не поверил бы. А Сагхе, будто желая окончательно добить меня, внезапно сказал:

— Пойдем со мной, и ты все увидишь сам.

Мы спустились в яму, или погреб, накрытый шкурами. Внутри было жарко, как в бане. В четырех углах горели лучинки, едва-едва пробиваясь сквозь плотную завесу пара, поднимавшегося из большого чана над очагом, — и дыма от курящихся пучков трав, которыми размахивал худой юноша. Глаза юноши лихорадочно горели, и он, как мне показалось, пребывал в трансе. Шаман ввел меня туда и велел сидеть, прибавив, что ежели я безмолвно вытерплю все страдания, каковые поначалу будут терзать меня, то получу видения.

Ах, дорогие друзья! Какой же гадкий запах царил в том погребе, если б вы знали! Я претерпел жуткие муки — дым драл горло, пар жег кожу и вызывал дурноту. Лишившись чувств, а может быть, достигнув того состояния, при коем возможны «видения», я и вправду увидел нечто интересное.

Суть тех беспорядочных и обрывочных картин, промелькнувших передо мною в то время, вкратце можно свести к следующему: женщину, в дождливый непогожий день пришедшую в ту самую долину, где я уже имел честь побывать, приютил шультейк Як. Он постелил ей в сарае, мальчик (заметьте, мальчик!) принес путнице молока и хлеба. В полночь к ней явился Як, действительно пребывавший в небольшом подпитии, и пять минут с ней мирно о чем-то разговаривал.

Рано поутру путница, не дождавшись пробуждения хозяев, ушла восвояси, перед этим заглянув в окно, где спал ребенок.

— Ищи отца ребенка, — сказал мне шаман тем вечером. — В ее словах, что он услышал в полночь, кроется разгадка тайны.

Погостив еще недельку у Сагхе, я отправился в путь — назад, в долину, к Волоху. Шаман, внешне человек черствый и хитрый, был весьма добр ко мне: дал коня, одежду, съестные припасы и провожатых.

Через месяц я прибыл в Голову Вождя (а село, кстати, так и называлось). Мои приключения возымели успех — послушать меня собрались, кажется, все жители. А потом Волох поклялся, что найдет Яка, они вместе разгадают тайну и снимут заклятие с мальчика.

Не знаю, получилось ли у него задуманное, ибо вскоре меня свалила жестокая лихорадка. Полгода я провалялся в лазарете в Утнодоке, и бурмистр Грох лично, через собственного лекаря, выхаживал меня.

Боги были милостивы — я поправился. Чистый горный воздух, целебные высокогорные травы и здоровая пища излечили мое дряхлеющее тело. Попрощавшись с добрым бурмистром и со всеми остальными, я отправился в ваши, господин Грогар, края.

По пути я совершенно случайно наткнулся на место обиталища святого Гарро...

— Святой... Гарро! — задыхаясь, воскликнул Лунга.

— Заткнись, — сказал Грогар, — не перебивай человека.

— О! — не обращая на своего хозяина никакого внимания, продолжил слуга. — Это великий человек, подвижник, мудрец, чей отшельничий подвиг достоин всяческого поклонения... Он написал молитвы ко всем богам и основал на острове Вакуа легендарный монастырь...

— Заткнись, я сказал! — повторил Грогар. — Если разбудишь Лилию...

Лунга, в величайшем возбуждении прыгая по пещере на корточках, точно обезьяна, остановился и посмотрел на Грогара несчастными глазами. Тот, театрально нахмурившись, жестом велел ему сесть и не двигаться. Лёлинг, будучи свидетелем всей этой потешной сцены, озадачился и в раздумии потер щеку.

— Не обращайте внимания на этого скомороха, — благосклонно улыбнувшись, сказал Грогар. — Пожалуйста, продолжайте!

— Не знаю, стоит ли рассказывать о Гарро-отшельнике... — засомневался ученый.

— Все, что знаете, — сверкая глазами, проговорил Лунга. На его лбу выступил пот, парень покраснелся, словно проглотил лягушку и сейчас изо всех сил старался удержать ее внутри.

— Хорошо, — сказал Лёлинг. — Итак, ехал я лесною дорогой на старом сонном муле, милостиво подаренном мне в одной деревушке добрым человеком. Остановившись у ручья, я спешился и устроил привал. Места те были дикие, необжитые; ближайшее поселение — Дротр, это где-то между вашим Хёмбургом и Корнелиусом. По левую руку от меня легли Сумрачные горы; по правую, за лесом, — торфяные болота, то бишь — Великая Трясина. Признаюсь честно, хоть я и поехал той полузаброшенной дорогой с целью разыскать легендарное убежище Багга-разбойника, свирепствовавшего там триста лет назад, но более всего хотел найти именно Гарро.

— Мудрость Гарро беспредельна, — изрек Лунга.

— И я так подумал, друг мой Лунга, — кивнул Лёлинг. — Я, привыкший находить всему разумное объяснение, столкнувшись с... хм, не люблю это слово, но придётся его все же произнести... так вот, столкнувшись с волшебством, магией, знаете ли, я решил испросить совета одного из самых почитаемых людей в нашем королевстве — Гарро-отшельника.

Итак, устроив привал и привязав коня к ближайшему деревцу, я взял котелок и спустился к ручью.

И там я увидел человека, стоявшего на валуне, посреди ручья. Старый, взлохмаченный, худой, горбатый, он был гол — в одной лишь скрученной повязке, опоясывавшей чресла. Стоял неподвижно, глубоко дыша, вскинув голову так высоко, что борода торчала, будто метла, указуя на небеса.

Несколько мгновений я с интересом разглядывал его, потом он вроде как заметил меня. То и был Гарро-отшельник.

Гарро вел крайне аскетичный образ жизни: обитал в дупле большого дуба (там легко могло разместиться два взрослых человека), к коему вела хрупкая, скрипучая березовая лесенка; питался водой, какими-то кореньями, ягодами — словом, всем, что мог дать лес, кроме, разумеется, мяса. Также у него имелась землянка, прикрытая ветками, где он хранил разный хлам: палки, камни, ржавые ножи, глиняные котелки... зачем — не знаю.

К сожалению, друг мой Лунга, я так и не смог установить с ним сколь-либо разумный, ежели таковое выражение подходит, контакт. И да простят меня боги, но, по моему убеждению, Гарро...

Лунга, дрожа, как осиновый лист, вытаращил глаза и подался вперед.

— Гарро, — осторожно продолжил Лёлинг, — не в себе. Он явно не в себе. Он словно не замечал меня, разговаривал сам с собой, нес всяческую околесицу...

— Не может быть!

— Гарро сошел с ума. Поверьте мне, я немало видел таких блаженных. Как мне показалось, отшельник всецело погрузился в себя, в свой внутренний мир. Я махал пред его ликом ладонью, но он никак не реагировал. Поверьте, я покинул старца с грустью и тяжким грузом на сердце.

— Не может быть!!! — заорал шокированный Лунга, но Грогар отвесил ему увесистую затрещину, и он обиженно умолк.

— Кхм, — кашлянул Лёлинг и взглядом указал на девочку. Та проснулась и недовольно протирала глазки.

— Спи, малышка, — сказал Грогар и погрозил слуге кулаком. — Спи, мы больше не будем шуметь. Плохой дядя Лунга не будет шуметь, не правда ли, любезнейший мой?

Лунга глухо что-то буркнул в ответ.

— Ложись, Лиля, — ласково добавил Лёлинг. — Ты должна поспать, потому что ночью нам предстоит трудный путь.

Когда девочка опять заснула, Лёлинг продолжил свой рассказ. Но Лунга его уже не слушал, забившись в угол, или делал вид, что не слушает, — Грогар хорошо знал своего слугу, имевшего привычку совать свой нос куда не следует и регулярно получать за это тумаки.

— На чем же я остановился? — Лёлинг почесал бороду. — Ах, да! Вспомнил. Итак, я покинул беднягу Гарро. Однако следующей ночью, с горечью вспоминая безумие Гарро, я... как бы это сказать... нашел в лепете отшельника несколько интересных... м-м... выражений. И чем больше я думал о нем, тем сильнее утверждался в мысли, что покинул старца несколько преждевременно.

— Вот-вот! — Лунга был тут как тут. — Ум Гарро превосходит всяческое разумение...

— Опять... — вздохнул Грогар.

— Расскажите же! — Лунга вцепился в рукав ученого. — Расскажите же, что он говорил вам.

— Да-да, конечно, — ответил Лёлинг, отстраняясь от назойливого слуги. — Наберитесь

терпения, друг мой Лунга. Пробыл я с отшельником три дня, три самых странных, в некотором роде, дня.

Интересно было наблюдать за ним. Гарро вел себя как малое дитя: бегал по поляне, размахивая руками так, словно хотел взлететь; бросал камни в ручей с какой-то чудной улыбкой на устах — мне думается, бедняга предавался воспоминаниям. Часто старец — весьма вероятно, по многолетней привычке — молился, а вернее, выдавал миру лишённые связи и смысла словеса, почерпнутые из святых книг и таинств. Успокоившись, отшельник садился отдыхать, и в этот миг разум его немного светлел. Он пил, по его словам, чай, в чем я сильно сомневаюсь, и улыбался мне. Я всё ждал, что он вот-вот заговорит со мной, но нет... ничего подобного.

То, что меня так заинтересовало, случалось каждый вечер, у костра. Признаюсь, в первый раз я сильно испугался — не каждый день, знаете ли, видишь «вещающего». Гарро, казалось, засыпал, но затем резко выпрямлялся, глаза его загорались жутким нечеловеческим огнем, и он быстро-быстро проговаривал цепь на первый взгляд бессмысленных фраз. Каждый вечер одно и то же. Я взял на себя труд записать всё, что он говорил. Со временем я выучил наизусть это... пророчество. Да, наверно, так. Пророчество — то, чем сильны святые люди.

Вот оно:

И будет знамение: дочь Тьмы войдет в дом,
Впущенная Паихни, что обречен стоять у дверей, —
Тем, кто несчастен в своих извечных стремлениях;
Тем, кто мечется меж Светом и Тьмой, меж выбором и проклятьем,
Меж игрой и плачем, вымыслом и реальностью.
И каждое слово дочери Тьмы зародит в душах смятение,
Невидимым покровом растворится она в полуденном мире,
Ожидая своего часа.

Эти слова прокатились по пещере тихим эхом. Грогар подумал: странно, что они раньше не замечали необычную акустику их временного пристанища. Лёлинг подметил эффект, произведенный пророчеством, и усмехнулся.

— Иногда на самые простые вещи смотришь по-иному, — сказал он. — Но я, с вашего позволения, продолжу, ибо рассказ мой подходит к концу. Оставив Гарро-отшельника в одиночестве, я вернулся в Корнелиус и нанес визит моему другу и коллеге — ученому Вилле Лёрдану, специалисту по древним языкам, символам и религиям мира. Вместе мы достаточно продолжительное время изучали все таинственные события, в которые я, так или иначе, вляпался, и долго не могли решить, что означает пророчество Гарро — да и пророчество ли оно, — откуда совершенно неожиданно не услышали от — только представьте себе! — кухарки господина Лёрдана историю о колдуне из Круга Смерти.

Не увлечься этим я просто не мог, тем более что это оказалось правдой. И вот результат: два месяца назад я очутился здесь и поселился у Илмара — человека уважаемого в Старом Вязе. Его дочь Инесс, бедная, несчастная Инесс, да примут боги ее душу, была, кажется, тёткой Лилии или что-то вроде того. Мать Лилии умерла при родах, знаете ли. Сиротка она, понимаете? Собственно, у Илмара я бывал редко, предпочитая все время проводить в странствиях возле Круга Смерти, собирая по крупицам информацию, так меня

интересовавшую. Три дня назад я вернулся и с горечью узнал, что Илмар умер, а в селе, на том холме, где стоит тысячелетний вяз, в доме священника-табиита Филалея, поселились те демоны в масках. Никто, даже Инесс, не пожелали, побоялись рассказать мне, кто они и что случилось с Филалеем, и с ее отцом, Илмаром, и еще многими людьми. Потом, как на беду, заявили вы, господин Грогар. Ну, на этом приключения мои окончились, остальное вам известно.

— Не совсем, почтеннейший, — задумчиво промолвил Грогар, — не совсем.

— Хм, вы правы, — ответил Лёлинг. — Кажется, они только начинаются. М-да. Ну да ладно, чего уж тут горевать. Позвольте, я изложу вам все, что знаю о колдуне из Круга Смерти, где мы и имеем честь находиться.

Дьярв Лёлинг снова умолк, собираясь с мыслями, потом, заметно волнуясь, продолжил:

— В доме у Илмара уже лежат кое-какие наброски этой истории — я постарался облечь все разрозненные, часто противоречащие друг другу слухи и домыслы, касающиеся этого дела, в более или менее пристойный вид, придать, так сказать, им литературную форму. Поэтому я с легкостью и превеликим удовольствием перескажу ее вам.

Лет сто назад, во время царствования Кнуда Смутьяна, жил в провинции Дюнкшвальб некто по имени Ришард Хорн. И было у него три сына — Эгиль, Торбринд и Виктор. Жил господин Ришард купечеством, и дела его шли день ото дня лучше — он начал посещать разные страны и стал желанным гостем в самых богатых домах родного города, даже вошел в городской совет. И чем богаче становился, тем сильнее тяготился своею женою — женщиной красивой и статной, но вроде как сварливой и неверной. Ходили слухи, что она — куда ж без этого — ведьма. Впрочем, что тут удивительного — о всякой красивой и гулящей женщине у нас говорят, будто она ведьма.

— О, да! — сказал Грогар, мечтательно вздохнув.

— Вскоре после рождения младшего — Виктора — господин Ришард окончательно решился на поступок неблагоразумный, подлый с точки зрения совести, но выгодный с точки зрения политики и престижа: прогнал Ингу (так звали жену) из дому, без объяснения причин и даже не дав ей попрощаться с детьми, после чего немедленно женился на богатой наследнице.

Время прошло, сыновья свыклись с потерей родной матери, помирились с отцом и мачехой. Все пошло своим чередом, а про Ингу и вовсе забыли.

Когда сыновья подросли, дал Ришард каждому подарки, привезенные из заморских стран: старшему — меч в золотых ножнах, изукрашенный драгоценными камнями; среднему — сундучок, полный разных монет со всех концов света; младшему — книги, самые ценные по его представлению. Таким образом, Ришард указал им путь, который сыновьям предстояло пройти по жизни; не обидел никого, ибо выбирал подарки с умом, руководствуясь желаниями и наклонностями сыновей: Эгиль должен был стать военным, Торбринд — пойти по стопам отца, а Виктор — избрать ученую стезю.

Так, в общем-то, все и вышло, и жизнь покатила своим чередом. Ничто не предвещало беды, а между тем она уже давно стояла у дверей, поджидая своего часа.

Виктор и правда сильно увлекся науками, поступил в королевский университет (к тому времени все семейство перебралось в столицу). И была у него любимая книга (из отцовских подарков), с которой он никогда не расставался: сборник детских сказок — богато изукрашенный том в переплете из свиной кожи, с золотым тиснением... словом, дорогая штука. Странно было видеть юношу-студента, всюду таскающего с собой подобную вещь —

и все над ним насмеялись, но Виктор не обращал на это никакого внимания.

Отец с мачехой намекнули сыну, что негоже потакать своим слабостям, множа нехорошие слухи и подтачивая тем самым репутацию дома Хорнов (вот с такой щепетильностью, граничащей с крайностью, относилась чета Хорнов к собственной чести и благородному имени). Но Виктор проигнорировал просьбу родителей. Тогда мачеха, видя, что пасынок сходит с ума, замыкается в себе, подолгу проводит время в одиночестве, решила сжечь ненавистную книгу, посчитав ее — сборник детских сказок! — источником всех бед.

И вот зашла она как-то ночью в комнату Виктора и тайком, стараясь не разбудить его, взяла со стола книгу, спустилась вниз и только-только подняла руку, дабы швырнуть ее в огонь, горящий в камине, как в тот же миг... окаменела.

Господин Ришард той ночью пробудился от истошного вопля — такого страшного и отчаянного, что у купца разом похолодело нутро. Выскочив из покоев прямо в том, в чем был, он стремглав сбежал по лестнице, и в зале, освещенной мерцающим светом камина и несколькими свечами, расплывшимися толстыми потеками воска по каменным полкам, его изумленному взору предстала жуткая картина.

Виктор, рвя на голове волосы и плача, вопил что есть силы, глядя перекошенным от ярости лицом на странную серую глыбу, невесть откуда взявшуюся здесь. Ришард собрался прикрикнуть на спятившего сына, спросить строго, но тут, приглядевшись к статуе, понял, что то — его собственная жена, застывшая в неестественной, согнутой позе. В вытянутой руке она держала ту... ту книгу...

И как только Ришард осознал, что произошло, статуя треснула и рассыпалась, подняв столб пыли.

Не помня себя от страха и потрясения, бедный купец добрал до своей комнаты, лег в постель и испустил дух.

Прознавши о горе, постигшем их семью, старшие сыновья, уже женатые на тот момент, призвали Виктора и сказали ему: «Не простим мы тебе смерти отца и той женщины, что все это время пыталась быть нам матерью. Но и зла тебе не хотим, не будем клясть тебя — только лишь в память о настоящей матери нашей, с коей отец, как ни крути, обошелся так жестоко. Поделим же поровну все, что нажил батюшка наш, и езжай-ка ты отсюда подбру-поздорову, да подальше. Ежели есть у тебя на плечах голова, в чем мы сильно сомневаемся, будешь ты обеспечен отцовским наследием на всю жизнь». Виктор со слезами на глазах отвечал, что не хотел смерти родителей, просил прощения и пообещал непременно уехать и никогда больше не тревожить покой старших братьев.

Настал день расставания. Виктор, получивший свою долю наследства и выгодно пристроив деньги в самых солидных банках, распрощался с братьями и, пообещав, что непременно отыщет родную матушку, укатил из столицы в карете в сопровождении двух слуг и с проклятым сборником сказок под мышкой.

Десять лет о нем ничего не было слышно. Чем он занимался, где жил — сие покрыто тайной. Но по истечении вышеуказанного срока объявился Виктор здесь, в Старом Вязе, с чем свидетельствуют записи в приходских книгах, сохранившихся в Хюге и Освальддуне. Именно в Старом Вязе и проживала всё это время Инга, батрачила у тогдашнего шультейка, ведя крайне бедный образ жизни.

Появление загадочного незнакомца произвело переполох среди местной знати. Мрачный необщительный человек, одевавшийся во все черное и всюду таскавший с собой старый облезлый рундучок, тут же заслужил славу колдуна и чернокнижника.

Виктор забрал мать и поселился с нею в самом диком и безлюдном месте — в долине Цурке (так раньше назывался Круг Смерти, где мы, как вы понимаете, и находимся). Выстроил там замок, завел большой штат слуг.

К сожалению, на этом исчерпываются мои достоверные и правдивые сведения о Викторе Хорне, а самые невероятные слухи, что ходили о нем в ту эпоху, не заслуживают внимания ученого человека. Виктор умел скрывать то, чем занимался у себя в имении, ибо гостей не принимал, в свет не выходил, и слуги его хранили молчание, словно тысяча каменных богов Акшты.

Незадолго до трагедии, подробности которой также неизвестны, его мать — та самая старуха, живущая у ущелья (впрочем, это только моя гипотеза), — сбежала оттуда; но в деревне встревоженным людям ничего объяснить толком не смогла, ибо она вконец обезумела. Она твердила только о проклятии Матери Гор, постигшем ее сына, что преступил законы природы и открыл границы неведомого. Она заклинала не ходить в долину и все время проводила у знакомого нам ущелья, своими дикими криками отпугивая смельчаков, отважившихся подойти к проклятому месту. Сердобольные селяне построили ей дом, от коего осталось жалкое подобие, — вы видели его.

А потом в Круге Смерти, куда можно войти, но нельзя выйти, появился зверь.

10

Лёлинг закончил свой долгий рассказ, порядком утомивший его, и глубоко вздохнул.

— Хорошо, — произнес Грогар. — То есть... я хотел сказать, плохо. Чертовски плохо, гореть мне в преисподней синим пламенем! Нельзя выйти, вы говорите? И что же делать? Что делать-то? У вас есть какие-нибудь соображения? Ведь вы же изучали это, вспомните что-нибудь! Растолкуйте нам, что и как, почему днем нельзя высовываться на свет божий, что за зверь такой, как выглядит, можно ли его прихлопнуть, — всё, что знаете!

Ученый отдышался, пригладил бороду, попил воды и сказал:

— Только успокойтесь, мой друг. Не паникуйте. Выход есть. Но он далеко, то есть... три-четыре ночи...

— Ну, это пустяк...

— Я бы так не сказал. Три-четыре ночи простого ходу, без приключений, что практически нереально. Здесь полно опасностей. Но ответчу на ваши вопросы по порядку. Выйти отсюда нельзя по той простой причине, что долина окружена магическим кольцом. Вдоль горных вершин проходит как бы цепь; иначе говоря, воздух там смертелен для человека. Как мне кажется, Матерь Гор, образно говоря, распылила там часть своего мира. Я знаю людей, которые пропадали там без следа. Но войти сюда возможно, не причинив себе никакого вреда. Единственный выход — через Северные Врата, туда-то мы и пойдем. Но...

— Что «но»? — хмуро спросил Грогар.

— Про колдуна идет дурная слава, это да. Но не меньше в народе распространена легенда о сказочном богатстве Виктора Хорна. Через Северные Врата в долину проникают всяческие искатели приключений, лиходеи, бандиты. У Врат, по ту сторону, имеется лагерь, вернее, небольшое поселение, где всегда полно народу, особенно в теплый сезон. Кроме того, не стоит исключать и такой, казалось бы, и вовсе сказочной, вероятности встречи с чудовищем. Очень многие люди утверждали также, что здесь обитают гармы — вполне возможно, что они продукт магических опытов колдуна.

Теперь о звере. Виктор Хорн превращается в оного с рассветом, а ночью же он — человек, а может, и призрак. Поэтому-то днем нам точно надо отсиживаться где-нибудь, куда ему не добраться. Никто из живых его не видал, во всяком случае, я таковых не встречал, но ясно одно — зверь громаден, обладает сверхъестественным нюхом и быстр, как молния. Нам необходимо соблюдать величайшую осторожность. Надеюсь, что нам повезет.

— Так-так, — произнес Грогар. — Вы меня обнадежили, мой дорогой Дьярв. Если есть выход, значит, нам обязательно повезет, ибо я родился под счастливой звездой!..

Бравладу Грогара внезапно оборвал вой.

Где-то далеко выл зверь — одиноко, опустошенно. В этом низком звуке, плывущем по земле, будто ядовитые испарения, была боль долгих страданий, боль существа, обреченного на вечные муки.

Зверь искал. Он искал бездумно, равнодушно, чтобы испить свою ежедневную чашу проклятия. «Это действительно жуткое завывание», — подумал Грогар.

— Мама, мамочка! — пронзительно закричала Лилия и бросилась к ярлу, вцепившись в него, словно коршун. Грогар вздрогнул и растерянно посмотрел на девочку, заплакавшую у него на груди и в страхе повторяющую: «Мама, мама, мамочка... я боюсь, я боюсь».

Грогар нерешительно пригладил волосы девочки и потом, повинувшись нахлынувшему на него порыву, прижал ее к себе.

— Не бойся, — прошептал он. — Ничего не бойся.

11

Единожды потревожив наших героев, зверь больше никак не обнаружил себя. Однако они еще долго не могли успокоиться, такой ужас вселило в их сердца появление неведомого чудища.

Остаток дня прошел в неспешных беседах о том о сем — и столь же неспешных приготовлениях к предстоящему ночному походу, что в конечном итоге свелось к одному-единственному делу, о котором речь пойдет ниже.

Грогар снял свой кафтан и велел Лунге превратить его «в мешок, рюкзак — что-нибудь такое, черт побери!», дабы посадить туда Лилию и тем самым избавить всех от весьма обременительной обязанности нести ее на руках, возложив эту почетную функцию на плечи, что давало несомненные преимущества в деле карабканья по горным тропам, да еще и впотьмах.

Лунга с самым серьезным видом взялся за дело и вскоре (не без помощи мудрых и своевременных советов достославного исследователя древностей) предъявил хозяину своё изобретение — рюкзак с двумя отверстиями для ног как раз в том месте, где до того были рукава. Сами же рукава послужили ляжками, благо иголка с нитью в мешке Лунги нашлась, и пришить их не составило труда.

Результат весьма позабавил Грогара:

— Не зря, ох не зря я отвалил за этот кафтан такие деньги! Оказывается, и люльку из него можно соорудить! Мастер Джакомо, увидев сиё, грохнулся б оземь! Вне всякого сомнения!

— Однако, — заметил Лёлинг, — вы совсем раздеты.

— Обо мне не беспокойтесь. Будучи франтом, я тем не менее всегда полагал, что мода — это глупая и дрянная штука. Какой прок в жару рядиться в кучу шмоток? Я уж не говорю о дамах! И я вам отвечу: потому что, с одной стороны, хочется поразить своим блеском высший свет, с другой — хочется банально хоть раз надеть давно уж пылящиеся в вашем гардеробе наряды. Посмотрите на меня. — Грогар шаркнул ногой и элегантно жестом отвернул ворот свитера. — Шелковая рубашка тончайшей выделки, при этом прочная, как доспех — подарок моей горячо любимой сестрицы Миранды; байковый свитер, плотный, очень теплый; жилетка — каково?

— Что ж, — слабо улыбнувшись, кивнул ученый, — теперь я спокоен.

— Мне кажется, — сказал Грогар, — вы устали. У вас неважный вид. Поспите.

— Нет, спасибо. Не стоит беспокоиться.

Потом Грогар развлекал девочку. Он без конца сыпал глуповатыми шуточками и корчил смешные рожи. Робкая поначалу Лилия вскоре покатывалась со смеху и ни на шаг не отходила от него.

— Как быстро дети забывают горе, — прошептал Лёлинг, глядя на раздухарившегося ребенка, толкавшего, щипавшего и передразнивавшего Грогара, и на глаза его навернулись слезы. Лунга смущенно пробормотал в ответ:

— Да. На то они и дети.

— Я вижу, вы ей понравились, — сказал ученый, обращаясь к ярлу.

— Ничего удивительного, — уворачиваясь от Лилии, ответил Грогар. — Все женщины от меня без ума.

12

Когда совсем стемнело, все четверо, затаив дыхание, выбрались из своего убежища. Убедившись, что всё тихо, Грогар приказал было Лунге взять ребенка, однако Лилия в ультимативной форме потребовала, чтобы ее нес только «Логал». Тот особо не возражал и, сунув ее в свой бывший кафтан от самого великого мастера Джакомо Тантарильо из Этной — по мнению поэтов, красивейшего места на всем белом свете, — с легкостью, достойной уважения, отправил радостно попискивавшую девочку себе за спину и решительно двинулся вперед.

Страх, терзавший беглецов на их нелегком пути в первые минуты сумерек, постепенно сменился более оптимистичным настроением, и очень скоро они бодро шагали в направлении, указанном ученым — на северо-восток, где их ждали спасительные Северные Врата.

Грогар никак не мог свыкнуться с мыслью, что зверь выходит на охоту белым днем; обычно — в сказках, в легендах, — всё наоборот. Едва данное соображение посетило светлый ум ярла, как аристократ не преминул тут же его высказать вслух. Лёлинг только пожал плечами и продолжил идти, втянув голову в плечи, сосредоточенно разглядывая землю под ногами. В любом случае, решил Грогар, старик что-то скрывает или недоговаривает. Да и история его уж больно фантастична. Надо бы при случае его расспросить, может, даже немного пристрастно.

Полная луна плыла над горами, подсвечивая вершины бледным сиянием. Долина же как будто светилась во тьме, точно белая фарфоровая чаша, — это походило на стелющийся по земле туман или же пар, поднимающийся от разгоряченного тела. И деревья, и замок казались черным воинством, затаившимся в белесом мареве, ожидая жертву. Безрадостная картина.

Но Грогар мало внимания обращал на такие пустяки, как мрачный ландшафт.

— Не болтай ногами, красотка! — потребовал Грогар.

— А што? — задиристо спросила Лилия.

— Как это что? Ты мешаешь мне идти, сбиваешь, так сказать, с ритма.

— Ну холосо, не буду. — И девочка на время успокоилась, но только на время. Вскоре она начала теревить волосы Грогара, накручивать их на пальчики, и это занятие ей так понравилось, что она даже стала напевать песенку.

— Знаешь, радость моя, — сказал Грогар, морщась от боли, — твои нежные прикосновения так сладки, что я вот-вот засну. Поэтому, прошу тебя, перестань дергать меня за волосы.

— Тебе ничо не ндлвится, — обиженно ответила Лилия.

— О нет! Ни в коем случае. Наоборот, тепло твоих бархатных ручек, как я уже сказал, усыпляет, умиротворяет меня. Между тем путь наш нелегок и опасен. Кочки, камни, ямы и прочее. Вдруг я упаду? Ты же не хочешь, чтобы я упал и придавил тебя?

— Плидавил? — недоуменно переспросила Лилия. Ее руки застыли в нерешительности над его головой.

— Ну да. Поверь, тебе будет очень-очень больно.

Тогда малышка, шумно вздохнув, неловко пригладила шевелюру своего носителя и

окончательно успокоилась.

Прошло время — сколько именно, Грогар не имел понятия, хотя Лунга авторитетно заявил, что только-только миновала полночь, — наши горемычные путешественники по-прежнему продолжали свой путь.

Следует отметить, что их затянувшееся приключение нравилось Грогару все меньше и меньше. Несмотря на кажущуюся убедительность, в истории, поведенной ученым, сквозила недосказанность. Исследователь древностей, еще совсем недавно так бойко расписывавший свои невероятные похождения, с каждым часом становился все мрачнее, пока не скис окончательно, — на него больно было смотреть. Или он струхнул, или...

Лунга держался бодрячком: собирал ягоды, что попадались по пути, а один раз, ко всеобщей радости, наткнулся на целую россыпь съедобных грибов — и как нельзя кстати, ибо с мыслью об охоте пришлось расстаться, так как, во-первых, Грогар, считавший себя знатоком в этой области, до сих пор не нашел даже намека на след хоть какого-нибудь зверька. Во-вторых, кровь могла привлечь хищников, и хорошо еще, если то оказались бы волки (о гармах и думать было страшно, не говоря уж...).

Лилия, судя по всему, заснула. И хорошо. Но тут, совершенно неожиданно, девочка встрепенулась и, указав куда-то в сторону, прошептала:

— Ой, смотрите, домик!

Все остановились.

— Где? — спросил Грогар.

— Да вон там, внизу!

И действительно, внизу к довольно крутому склону неведомо каким образом прилепилась, точно ласточкино гнездо, избушка. Ее крытая соломой крыша, скорее всего, обросла мхом, однако в сумерках казалась залитой кровью. К домику вела лестница, вырубленная прямо в скале. Путники осторожно, чуть ли не ползком, стали спускаться к нему.

Как оказалось, домик и терраску перед ним поддерживали тонкие шесты. Вся конструкция производила столь ненадежное впечатление, что Грогар нерешительно спросил:

— Господа, может, не пойдем туда? Как бы не сверзиться нам... Кто его знает, сколько веков простояло тут это... строение.

— Да, не пойдем, — поддержала его девочка.

— Мой господин, — сказал Лунга. — Может, мы найдем там...

— Да, — перебил его Грогар. — Точно. Идем.

Но едва они ступили на террасу, как тут же встали как вкопанные. Лилия вскрикнула, зажмурилась и крепко обняла Грогара за шею.

— Тише ты, не так сильно, — прошептал он, не сводя глаз со странной и дикой картины, представшей перед ними. — Задушишь.

На террасе лежали труп и некое неведомое существо: ростом чуть выше Лилии, оно сидело в позе лотоса, и его с натяжкой можно было охарактеризовать как донельзя мерзкую старушку. Большие — в пол-лица — и абсолютно круглые глаза на маленькой, узкой, сморщенной физиономии. Грогар осмелился подойти поближе и разглядел, что оно сплошь покрыто надписями на неизвестном языке. Лысый череп, большие остrokонечные уши, громадный зуб выглядывает из-под верхней губы и касается подбородка. Темное, все в складках, просторное одеяние затянуто бугрящимся разноцветным мхом. Скрюченный

мумифицировавшийся труп лежал у ног старушечки — неестественно неподвижной. Остекленевшие глаза ее не мигая смотрели на непрошенных гостей.

— Боги! — воскликнул Грогар. — Что это за тварь?

— Это тутеха, — глухо отозвался Лёлинг. — Злой дух.

Грогар взглянул на ученого. Тот был бледен, как сама смерть.

— Уходим? — спросил ярл.

— Да, быстро. Как можно дальше.

И они попятились назад, к лестнице. Когда уже выбрались на тропу, до них вдруг донесся жутковатый, скрежещущий крик, сопровождавшийся донельзя зловещим бормотанием.

— Что за тарабарщина? — Грогар повернулся и увидел, как тутеха, перешагнув через труп, крадучись двинулась в их сторону.

— Айя! Яяяяяяаа! Хрыгыр! — Тутеха подняла голову, и их глаза встретились. Чудище усмехнулось и поманило его к себе. Грогар внезапно ощутил слабость, по телу пробежала дрожь, и ноги сами понесли его к ней.

— Хрыгыр! Рррыы!!!

Грогар вступил ногой на лестницу, не слыша истеричных воплей Лилии, колотившей его кулачками по голове. И тут Лунга, оттолкнувший Лёлинга, который чуть не плача умолял его бежать, наклонился, схватил горсть земли и швырнул ее в тутеху со словами: «Изыди, нечисть, изыди именем Праха, именем Славии — богини Вод Подземных, заклинаю тебя — изыди, вернись, откуда пришла. Изыди!»

Как ни странно, но это подействовало: чудовище оскалилось, зашипело и остановилось. Лунга поднял еще ком и, угрожающе вскинув руку, резко крикнул:

— Не земля, не вода, а огонь! Огонь священный!!!

Тутеха упала навзничь и поползла вспять, глядя на Лунгу с неукротимым бешенством. Грогар очнулся и, поняв, что произошло, схватил слугу под руку и побежал оттуда что есть силы. Господин ученый, обнаружив для своих лет поразительную расторопность, бежал впереди всех.

13

— Что это было? — сердито поинтересовался Грогар, когда они присели отдохнуть.

Лёлинг виновато взглянул на него и что-то пробормотал.

— Вы должны нам все рассказать, — грозно потребовал Грогар. — Вы непременно, ничего не утаивая, шархни меня молния, выложите все, что знаете! Вы что, не помните? Мы с Лилией чуть было не попались в лапы той мерзопакостной уродины! Все по вашей, мой дорогой, вине!

— Ладно, — вздохнул Лёлинг. — Рассказывать-то особо нечего. Тутеха — злой дух, сей культ распространен среди горцев монтанов. Считается, что она появляется в преддверии... страшных бедствий. Сама по себе тутеха... как бы это сказать?... существо очень опасное, но при этом... немножко пугливое.

— Зачем я ей понадобился?

— Чтобы выпить из вас жизнь. Видели того бедолагу? То же самое произошло бы и с вами.

— Превосходно! Что ж, дорогой мой Лунга, я твой должник, ты спас мне жизнь.

— Не думаю, — сказал Лёлинг, — что тутеха испугалась молитвы, если вы об этом.

Лунга высокомерно хмыкнул.

— А чего ж она тогда испугалась? — рассмеялся Грогар. — Может, Лунгу? Не смешите меня! Ему только кур пугать.

— Во время этого путешествия, — задумчиво изрек Лёлинг, — я убедился в том, что иной мир существует. Ад, если хотите, существует. Я уверен, есть миры, которые мы не видим, не чуем, не осязаем. Вина Виктора Хорна в том, что он... открыл двери, ведущие в неведомое, и оно, как мы видим, весьма и весьма враждебно к нам настроено. Матерь Гор — первая гостья, и, войдя, она наложила на горе-колдуна проклятие. А за собой привела и гармов, и тутех, и еще невесть кого. Все эти чудовища живут у себя по собственным законам, среди коих главный — закон сильнейшего. Поэтому наша тутеха и испугалась — она просто подумала, что уважаемый Лунга вызовет кого-то, кто, возможно, не знаю... съест ее.

— Значит, достаточно погрозней поорать, и любое страшилище убежит, поджав хвост?

— Нет-нет! Это не так. Ничто в нашем мире не возникает на пустом месте. Любая религия несет в себе... нечто. Вы же знаете, что молитва порой исцеляет болезни и тому подобное — вот вам пример. Тут есть некое... волшебство, что ли. Но, уверяю вас, с гармами и с самим... зверем такой номер не пройдет. Но не это меня беспокоит. Если уж я начал говорить начистоту, то скажу. И снова речь пойдет о пророчестве. Лунга, друг мой любезный, может, сам скажешь? Ты ведь глубоко верующий человек.

— О чем речь?

— О книге Гогоша. «Абgrund». Ты должен знать.

— Бросьте, Гогош был безумцем.

— И все же?

Лунга с наиважнейшим видом призадумался.

— Если Гогош прав, то... нам всем грозит гибель.

Сказав это, Лунга побледнел, и его красивые голубые глаза заблестели. Это длилось всего секунду, затем он взял себя в руки и даже попытался улыбнуться.

— Гибель, — прошептал он, — всему живому.

14

Он умирал.

Он уже не замечал, что в него летят камни, не слышал страшных проклятий, не чувствовал кровоточащих ран. Затуманившийся взор урывками улавливал множество мелькавших перед ним ног — босых, в сандалиях, в сапогах. Пыль вихрем крутилась вокруг его слабеющего тела. Знойное солнце нещадно палило.

— Нет, нет, — хрипел он. — Неужели... неужели вы настолько слепы... настолько глупы? Настолько трусливы, глухи, равнодушны? Опомнитесь...

И он умер. Рабы отнесли его тело за город и бросили в яму — туда, куда бросали собак, котов, рабов, нищих. Завтра «безмолвные» сожгут их всех.

Его имя патриарх предал проклятию, велел стереть из всех летописей, книгу, что он написал, — сжечь, а любого, кто осмелится прочитать ее, — вешать.

А спустя месяц в город пришла Черная Смерть, и собрала она обильную жатву, и первым умер патриарх — всё, как и предсказал он.

Гогош, Великий Безумец.

Вот так живописно, можно даже сказать, живо начал своё повествование Лунга.

Остаток ночи, к счастью, миновал без приключений. Путники прошли немало — господин ученый остался доволен, — успели насобирать множество ягод, а еще яблок: одинокое дерево, попавшееся им уже на самом рассвете, оказалось как нельзя кстати.

Только вот новое убежище, по всеобщему мнению, оставляло желать лучшего: всего-навсего пещера. Вход сюда вел узкий, но, кажется, недостаточно. Пещера, конечно, находилась довольно высоко — они и сами забрались в нее с превеликим трудом, но как-то страшно было все-таки. Грогар, воспользовавшись ножом из мешка Лунги, соорудил копьё и натаскал камней.

— Будем держать оборону, — весело сказал он. — С другой стороны, если затаимся здесь, точно мыши, может, он нас и не заметит.

Все от души пожелали, чтобы так и случилось.

Лунга тем временем горел желанием рассказать дальше о Гогоше.

— Гогош, — с глубокомысленным видом рёк он, — является личностью таинственной. Признаюсь, я долгое время изучал его биографию, стараясь выяснить причины его безумств и заблуждений, так что...

Лунга умолк и, обиженно взглянув на своего господина, слушавшего его в пол-уха (Грогар гораздо больше внимания уделял уже засыпавшей Лилии), словно бы нехотя продолжил:

— ...так что могу похвастать отличным знанием сего предмета. Гогош родился в семье уважаемых людей: отец был богословом, одним из толкователей святых писаний Семерых Великих Магов. Об этом свидетельствует Патр Трематулийский, являющийся, как известно, современником Гогоша, а также крупнейшим и весьма авторитетным...

— Дружочек мой ненаглядный, — перебил его Грогар. — Я вот, если честно, не в настроении. Так что смотри — если, черт возьми, будешь витийствовать, клянусь этими самыми твоими Семерыми Великими Магами, получишь по лбу! Убери-ка всяких своих Патлов и прочих. Да не вздумай ерепениться, я, видишь ли, устал и хочу насладиться тихим

покойным деньком — и историей, что меня успокоит и убаюкает. Понял?

Лунга насупился.

— Хорошо, — буркнул он. — Итак, Гогош рос богобоязненным, подолгу изучал все... эмм... перипетии и хитросплетения нашей веры. Вникал в каждое слово, старался максимально... максимально серьезно изучить весь Пантеон.

— М-да-а, — усмехнулся Грогар. — Что правда, то правда. Это дело непростое. Скажу вам откровенно, даже сам первосвященник не знает всех богов. Да что там говорить, он и свое-то имя с трудом припоминает, ха-ха-ха!

— Ну, знаете! — начал Лунга, но Грогар поспешил извиниться:

— Ладно-ладно, пошутил. Пошутил. Элдрик, конечно, старикашка неплохой, великий муж, просвещенный ум... Но ты, дорогой мой, лучше, определенно лучше! Ты такой фанатик, что тебя впору в зверинце выставлять, как некую диковинку! Ну, во всяком случае, уж на священном престоле ты бы точно смотрелся гораздо уместнее... Ну всё, всё, шутка это, шутка! Продолжай.

И Лунга, стиснув зубы, возобновил свое повествование.

— Действительно, как это ни прискорбно, Гогош несколько... увлекся. Изучив все догмы, пункты и допущения религии Святых Отцов, несчастный в своем извечном стремлении познать все тайны бытия углубился в изучение демонологии, эсхатологии, мифов и сказаний, так или иначе связанных с темой зла и гибели рода человеческого. В те древние времена царства, бывшие предтечами нашего, жили под строгим надзором правителей и церкви. В творчестве царил догматизм, вольнодумство каралось лютой смертью. Не избежать бы этой участи и Гогошу (высокий сан отца, чин семейства и прочее тут никак не помогли бы), если б он в одночасье не исчез. Вскоре по миру стали распространяться мерзкие книжонки весьма сомнительного содержания, прокатилась волна убийств и насилия. Впервые со времен Эпохи Богов человечество познало вкус греха...

— Не забывайся. Ближе к делу.

— Хорошо. Выяснилось, что Гогош все это время жил неизвестно где (споры о его доподлинном местонахождении идут до сих пор). Он создал свое учение, окружил себя последователями и стал распространять ересь, суть коей сводилась к предсказанию ужаснейшего конца мира. Он утверждал, что вера Святых Отцов есть зло и дурь. Что вокруг нас враждебный нам мир духов, жаждущих нашей крови. Спасения нет, единственный способ — влиться в мир духов через собственную добровольную смерть, после чего у нас есть шанс стать ими — то бишь монстрами.

— Боги, какой кошмар. Вот к чему приводит фанатизм.

Исследователь древностей между тем внимательно слушал и часто кивал со странноватой улыбкой на устах, словно пытался все получше запомнить.

— Затем Гогош начал странствовать. — Лунга сделал вид, что не услышал замечания господина. — Но недолго — вскоре его схватили и предали справедливой смерти, хотя это далось властям непросто: у Гогоша было воинство, преданное ему до крайности. По преданиям, целый год велись кровопролитные бои, прежде чем Гогош был казнен, а вернее, затоптан разъяренной толпой. Казалось бы, все закончилось хорошо. Но ересь Гогоша так пропитала нашу грешную землю, что до сих пор где-то втайне переписываются его труды, множатся бесовские идеи. Гогош — Отец Зла, так его величают последователи. «Абgrund, или Бездна» — главная книга злодея. В ней содержатся подробнейшие описания многих тысяч жутких чудовищ и главного демона, царя Тьмы — Безглазого, Бездны, Крови

Человечества — названий много. Также Гогош описал свое путешествие в преисподнюю, встречу с Безглазым и как тот отнял его душу, заменив ее тьмой, и повелел Гогошу донести до людей его слово. Я ее не читал, и слава богу, ибо, как утверждают, любой, кто прочтет ее, сходит с ума, но знаю, что появление так называемой дочери Безглазого предсказано с точностью до деталей. Думаю, что Колдун, то бишь этот ваш Виктор Хорн, уважаемый господин Лёлинг, нашел «Абgrund», который, надо думать, он маскировал под томиком сказок, и спустя три тысячи лет вдохнет в себя истину Мрака, и откроет дверь, ведущую в ту сторону — именно это предсказание завершает книгу.

— Если это правда, — сказал Грогар то ли всерьез, то ли в шутку, — то плохи наши дела. А что по этому поводу говорят попы?

— Они не обращают на гогошидов никакого внимания, — подал голос Лёлинг.

— Это правда, что была чума и патриарх умер? Словом, все произошло именно так, как и предсказывал перед смертью Гогош?

— Правда.

Грогар задумался.

— Мне бы хотелось подвести кое-какие итоги, дорогие мои друзья, если позволите, — начал он. — Хотя о чем это я? Конечно, позволите. Итак, стечением обстоятельств мы попали в пренеприятнейшую передрыгу. Кучка культистов — совершенно ненормальных, с моей точки зрения, — закинула нас в эту... хм, дыру. В Круг Смерти, как поэтично обозвали сию местность в народе. Выбраться отсюда нельзя, только через ворота, но до них еще надо пройти, что не так просто, ибо чудища, страшилища и так далее — это мы выяснили. Следуя доброму совету многоуважаемого и многознающего господина Лёлинга, мы вынуждены передвигаться по ночам. Все мы слышали вой зверя — наверное, и правда не стоит искушать судьбу днем. Тем более что с нами ребенок.

Грогар взглянул на девочку, и во взгляде его скользнул страх — страх родителя за свое дитя... или нет? Лунга счел, что ему померещилось.

— Думаю, все с этим согласны, — продолжил Грогар. — Но что же дальше? Вы, дорогие мои, как бы сказать... э-э... ну, образно выражаясь, вы, господин Лёлинг, и ты, верный мой слуга, вплели в нашу историю много лишнего, на мой взгляд.

— Вы полагаете? — спросил Лёлинг, грустно усмехнувшись. — Позвольте спросить: например?

— Например? Да вот хотя бы эта ваша сказка про... как ее? Силлу? Окаменевший мальчик и все такое... Дескать, это Матерь Гор сошла с небес или же пришла из ада — уж не знаю, я что-то не совсем понял. А еще Матерь Гор — это та смердящая говном ведьма у входа в ущелье. О нет! На самом деле это мать колдуна! Дикарь с края света, то есть какой-то немый шаман, окутив вас дурман-травой, сказал, что всё, пора, как говаривает драгоценный мой Рийго, сухари сушить. Вот оно, оказывается, что! Наши злоключения — это ведь не что иное, как происки этой ведьмы и ее прислужника-колдуна! Ведь есть же «Абgrund»! И предсказание Гарро! Все сходится — как же мы сразу-то не поняли! Книга сказок колдуна — это же «Абgrund»! Ну точно! И Лунга, мой несчастный слуга, готов удариться в религиозный экстаз!

— К чему это ваше ёрничание? — хмуро спросил Лёлинг.

— А вы не поняли? Серьезно? Лунга-то — он фанатик, перед ним помашешь любым псевдопредсказанием якобы от святого, и чтоб обязательно о конце света... Но вы-то? Ученый. Исследователь. С какой, позвольте спросить, целью вы морочите нам голову? Как

все эти ваши сказки помогут нам? Вы хотите запугать нас? Лишить нас возможности трезво оценивать ситуацию, в которой мы оказались? Зачем?

— А... вы знаете? — неожиданно бодро сказал Лёлинг. — Может, и ничего? Не кажется ли вам, друзья, что, находясь в бедственном положении, мы всего лишь стараемся по-своему интерпретировать, подбить, так сказать, под себя события, кои не имеют никакого отношения к реальному положению вещей?

— Любезнейший, не уходите от ответа.

— Я не знаю, что сказать. Честно говоря, я... я боюсь. Не знаю, зачем я все это вам рассказал. Решил поделиться всем, что знаю, что может нам пригодиться. Я — ученый. И пытался найти приемлемое объяснение происходящему с нами. Не очень успешно, как оказалось...

— В вашем рассказе много странностей. Вот, например, вам никогда не хотелось узнать, о чем говорили шультейк Як с той женщиной? Разгадать тайну, а? Почему вы не вернулись в то село? Или вот, сказка о Силле, назовем ее так. Это... как бы... метафора, что ли?

— Да, признаюсь, — нахмурился Лёлинг. — Я не был на севере, нет никакого шамана, и нет никакого окаменевшего мальчика. Это все легенды, предания в моей литературной обработке. Я... пишу... немного. Вот и все.

— А о встрече с Гарро что скажете?

Лёлинг виновато взглянул на Лунгу. Лунга насупился.

— Не хочу расстраивать Лунгу, но... Но я действительно встречался с отшельником, о котором говорят, что он и есть Гарро.

— Но он не делал никаких предсказаний, верно? — закончил за него Грогар. Забавно было видеть, как менялось выражение лица Лунги — от разочарования к надежде, потом к сомнению.

— Нет конечно, не делал. Это предсказание из каких-то древних свитков в королевской библиотеке. Я собираю такие вещи, опять-таки, для собственных сочинений. Простите меня, уважаемый господин Лунга, но, видя, с каким небывалым интересом вы меня слушали, я не захотел вас расстраивать... На самом деле Гарро — если это действительно он и есть — совершенно, как бы сказать...

— Невменяем? — не без злорадства подсказал Грогар.

— Да. Кажется, я чересчур увлекаюсь своими литературными опусами. Смешиваю реальность с вымыслом... Может, я схожу с ума?

Лунга заплакал.

— Да ладно тебе! — не без раздражения воскликнул Грогар. — Еще слез твоих не хватало!

— Извините, — всхлипывая, сказал Лунга. — Я сейчас приду в себя.

— А посему Лунга плачет? — спросила Лилия. — Вы его обижаете?

— Нет, что ты, принцесса моя, — ответил Грогар. — Ни в коем случае. Это он...

— Кушать хочет?

— О да! Лунга проголодался. Так ведь, дорогой мой?

— Покушай свои травки, — ласково, как может только маленькая девочка, сказала Лилия.

Грогар рассмеялся.

— Вот-вот! Откушай «съедобных» травок, что ты с таким усердием собирал.

Лунга с достоинством выпрямился.

— Спасибо, я не голоден. Я... заплакал, потому что... потому что вспомнил грустную историю.

— Расскажи.

— Нет, Лилия. Она очень грустная.

— Осень-осень?

— Невероятно просто грустная, принцесса моя, — ответил за него Грогар. — Поверь, Лунга умеет нагнать тоски.

— Но мне скучно.

— Ты поспи, милая.

— Не хочу спать. Пусть Лунга расскажет мне грустную историю.

— Не капризничай! Историю тебе расскажет наш любезный ученый, только позже. Он, как оказалось, мастак по этой части. А пока дай мне с ним поговорить.

Девочка обиженно отвернулась, и Грогар продолжил донимать Лёлинга.

— Скажите мне, любезнейший. Вот вы с Лунгой утверждаете, что предсказания Гогоша — суть истинная правда.

— Да, так и есть. То, что случилось после смерти Гогоша, описано во множестве хроник.

— И что?

— Простите?

— Сколько эпидемий случалось за все время существования человечества? — сказав это, Грогар нахмурился, словно вспомнив о чем-то. — Эпидемии были, я уверен, и до казни Великого Безумца. Да что удивительного! То были Темные века! Люди жили, будто свиньи...

— Вы преувеличиваете. Как свиньи они не жили. Но насчет эпидемий... Пожалуй, в ваших словах есть рациональное зерно. Полагаю, сам факт случившегося мора еще ничего не доказывает. Должен признать — вы на удивление рассудительны, господин ярл.

— Не только слуга мой балуется учеными книжками. — Грогар с достоинством поклонился ученому. — Ну а что насчет колдуна? Как вы его назвали? Виктор Хорн.

— Вот тут вы меня не одолеете. Все, что я рассказал вам о колдуне, — правда. В смысле, это все, что я знаю. Источники могут и врать, но от себя я ничего не прибавил.

— Допустим, — задумчиво сказал Грогар, — культисты, в чьи лапы так коварно бросило нас провидение, по-своему, извращенно, поклоняются колдуну и Матери Гор. Вы жили среди них и не зря нам рассказали о ведьме. Но ведь надо быть совершенно безумными, чтобы поднять руку на лицо, состоящее в кровном родстве с королем! На представителя древнейшей во всем Форнолде фамилии! Я ведь назвался им! Они что, не понимают, что моя гвардия, мой несравненный Рийго повесит их, не моргнув и глазом!

Лёлинг усмехнулся.

— А каковы шансы, что в этой глухомани окажется родственник короля? Представитель древнейшей во всем Форнолде фамилии?

— Ха, вы правы. К сожалению. Откуда этим немытым мужланам знать, что я — это я? Увы, вы правы. Но вот что меня интересует. Один из мужиков болтал о каком-то *беконе и персте, что живет на дереве*. Как думаете, о чем он говорил?

— Как знать? О какой-то жертве вроде нас. Может, о каком-нибудь отшельнике из здешних лесов.

Грогар с сомнением покачал головой.

— Может быть, может быть...

15

Вскоре все легли отдыхать, набираться сил; старик Лёлинг вызвался постоять на часах. Он пристроился у входа в пещеру, сжался как-то, скособочился...

Грогару стало его отчаянно жалко, беднягу. Что-то сильно сдал он за прошедшие сутки. «Сидеть бы тебе у себя в университете в блаженном неведении относительно всей этой ерунды, над которой мы еще посмеемся... Может быть».

Рядом мирно спала Лилия, обняв его руку. «Такая горячая», — подумал он. Пухлое личико, губки надула, щека, прижатая к плечу, вспотела. Она похожа чем-то...

И тут Грогар вспомнил сестру, младшую, умершую от черной оспы два года назад. И вспомнил только ее — восьмилетнюю Марту, хотя болезнь унесла жизни и их родителей.

«Ты не должен туда ехать! — кричала Миранда. — Там смерть! Это проклятое место! Ты же умрешь!»

«Пустяки, — отвечал он. — Мне не смерть страшна. Я боюсь больше не увидеть их. Отпустить их, не попрощавшись...»

«Ох, ну какой же ты дурак». — Миранда устало махнула рукой. Она знала его очень хорошо. Порой любая глупость, попросту блажь, звучала в его устах как приговор самому себе. Тут уж с ним было не совладать. Но вместе с тем ему всегда чертовски везло. Чертовски.

И он приехал туда, в Мрамк, где родился, где жили его отец, мать и... Марта. Столичный фронт, вырядившийся, как петух, приехал в царство смерти и застал сестренку на последнем издыхании. Он даже не поинтересовался, что с мамой, с отцом, — они к тому моменту уже умерли.

Да и не у кого было спросить. Все выжившие ушли.

Замок был пуст, заброшен, и только в детской, в сумраке, в тоске, бесконечно одиноко лежала Марта. Он, будто маленький мальчик, робко, боязливо подошел к ее ложу.

Взглянул на нее и... малодушно вскрикнул, отшатнулся. Она выглядела страшно. Все лицо было сплошь усеяно засохшими гнойниками, рот приоткрыт, обнажая редкие черные зубы, роскошные когда-то волосы частью выпали, частью сваялись в паклю, из глаз текли кровавые слезы.

Грогар заплакал. Он схватил ее руку — и безрассудно поцеловал в губы. Он звал ее. Звал, уже отчаявшись.

И она ответила.

— Грогар, — еле слышно прошептала она, открыв залитые кровью глаза.

— Что? Что, милая?

— Живи.

— Не умирай... Не умирай, прошу тебя. Не умирай!

— Живи...

Ее рука выскользнула из судорожно сжимавших ее пальцев и мертво свесилась с края одра.

«Живи...»

И он жил. Болезнь, уничтожившая все поместье, каким-то чудом не зацепила его. Он вернулся и в первый раз в жизни увидел, как холодная, надменная, где-то даже жестокая

Миранда плачет.

«Ах, чтоб меня, — подумал Грогар, ощущая подступающий к горлу ком. — Что я так раскис-то? Ну что, что я так раскис?»

Грогар боялся вспоминать ту сцену, он старался вычеркнуть ее из жизни и никогда, даже в самом диком пьяном угаре, в компании друзей, недругов, прижимаясь к обнаженной груди очередной нимфетки, не затрагивал этой темы.

Ее не было. Марты не было, не было оспы, смерти, заброшенного и преданного забвению родового гнезда, — ничего этого не было, ибо это причиняло невыносимую боль.

Как, оказывается, это трудно — снять маску и стать самим собой. Признаться себе, что ты вовсе не рубаха-парень, не весельчак, не балагур, купающийся в роскоши, сходящий с ума от безделья...

Ах, этот славный парень!

Плут и развратник!

А вы, оказывается, изрядный озорник!

Каков шельмец!

Ну не надо, люди же смотрят...

С вами не соскучишься, дорогой ярл!

Неужто за каждым человеком скрывается нечто подобное? У каждого где-то далеко внутри есть свой мир, нечто интимное, сокровенное. И на самом деле мы все просто играем роли.

Грогар не мог поверить в это. Кто он? Кто он на самом деле? Весельчак или... искусный актер, старательно играющий свою роль и привыкший прятать свою израненную душу?

Лилия пошевелилась во сне и придвинулась к нему поближе. Грогар посмотрел на нее и снова вспомнил Марту.

«Да что же это такое?! Одумайся! Кто она тебе? Всего лишь крестьянка, девчонка без роду и племени. На что она тебе? На что?!»

И, вопреки своим же мыслям, Грогар нежно обнял ее. Будто кто-то шепнул ему: дурак, может, бог, судьба — что там еще? — дает тебе то лекарство, в котором ты так нуждался все это время! Береги ее, плут! Эх, ты, израненная душа...

16

Грогар проснулся с крайне неприятным чувством. Он злился на себя за слабость. Он стал старательно припоминать все свои попойки, жаркие ночи, идиотские выходки, которых во всяком приличном обществе постыдились бы.

«И тогда мы с виконтом Харальдом и Аделаидой, пьяной, как мужичка, вышли из кареты совершенно голые, — мучительно выводил он про себя, надеясь, что это оживит его хоть немного. — У всех ста пятидесяти человек отвисла челюсть. Отвисла челюсть... Отвисла... челюсть. О боги, что же это такое!»

Воспоминание, от которого его всегда бросало в краску, сейчас показалось ему чем-то вроде кукольного представления на рынке, даваемого немолодым, изможденным и потрепанным субъектом. Тоска. Ничем не избыть хандру, овладевшую им. «Что ж, неплохо иной раз и погрузить. Для разнообразия, черт возьми».

И тут Грогар наконец осознал, как сильно у него болит голова. Тупая изматывающая боль — такое ощущение, будто кто-то перемешивал в голове мозги, точно кашу в котелке.

Он потер виски. Лёг. Попытался заснуть. Боль не стихла. Проснулась Лилия, измученно поднялась — волосы растрепались, глазки заспаны. Взглянула на Грогара и... расплакалась.

— Ты что это? — удивился Грогар.

— Голова болит. Сильно.

— Голова... болит?

Господин Дьярв резко обернулся.

— Что ты сказала? — возбужденно спросил он, приблизив вплотную своё осунувшееся, с темными кругами под глазами лицо к девочке. Она в страхе отшатнулась от него.

— Она сказала, что у нее болит голова, только и всего, — ответил за нее Грогар, прижимая ребенка к себе. — А что?

— У меня тоже... — испуганно заморгал старик.

— Что тоже? Тоже голова болит? Представьте, и у меня она болит. И еще как.

Старик вскочил как ошпаренный и закричал:

— Нам надо немедленно уходить! — ...чем напугал не только Лилию, но и спавшего — или делавшего вид — Лунгу. По кислой мине слуги Грогар понял, что и он... и он страдает от этой напасти.

— Ну ты и... хитрец, — ухмыльнулся Грогар. — Держишь ухо остро? Все слышал? Что, и у тебя?

— Да, — хмуро бросил он. — Болит.

— Странно, — произнес Грогар и спросил, обратившись к ученому: — В чем, собственно, дело? А, дражайший мой друг? Объясните нам.

— Уходить надо...

— Так ведь ночь нескоро.

— И тем не менее. Все дело, господин Грогар, в магическом кольце. Оно не привязано к одному месту, понимаете? Завеса волнуется, перемещается. Она как веревка, слабо натянутая меж двух столбов — колышется туда-сюда, но известных пределов не покидает. Наша головная боль говорит только об одном — мы в пределах магического кольца. Промедление подобно смерти — мы должны покинуть пещеру сейчас же, иначе... — Лёлинг горестно вздохнул. — Иначе мы сойдем с ума.

И им пришлось покинуть свой дневной приют так поспешно, как только могли, ибо боль усиливалась, а бедняжку Лилию стошнило, после чего она едва не лишилась чувств.

Скатившись чуть ли не кубарем по склону горы в низину (о звере никто и не вспомнил) и очутившись на небольшой поляне, окруженной лесом, запыхавшиеся путники почувствовали облегчение. Лилия, выбравшись из заплечного мешка-кафтана, даже запрыгала от радости.

— Это называется из огня да в полымя, — сказал Грогар, облегченно повалившись на холодную, уже слегка тронутую желтизной траву. По небу, гонимые влажным прохладным осенним ветром, беспокойно проплывали темные облака.

— Да, наверное, — глухо отозвался ученый.

— И что дальше? Куда пойдём?

— Не знаю. Дайте подумать.

— Мой господин. Посмотрите-ка.

Все посмотрели туда, куда показывал Лунга. Со стороны гор шел, шатаясь, словно пьяный, человек. И походил он на мертвеца, на живого... мертвеца. И дело было не в истлевших лохмотьях, едва прикрывших почерневшее тело. Дело было в его облике: восковое

лицо напоминало маску — кошмарную, неподвижную маску; глаза наполнились неестественной пустотой. И в то же время, несмотря на всю свою неподвижность, лицо... непрерывно двигалось: оно дергалось, губы быстро-быстро что-то шептали.

Оно словно было соткано из тысяч крохотных кусочков.

— Безумец, — прошептал Лёлинг. — Это безумец, потерянный. Один из тех, кто побывал в магическом кольце.

— Ага, — сказал Грогар. — И теперь он идет к нам. Зачем?

— Он безумен, господин Грогар. Он просто... бродит.

Мертвец — не мертвец (может, недомертвец?) подошел вплотную к насторожившимся путникам. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он, несмотря на свой призрачный вид, имел тонкие правильные черты, что, несомненно, выдавало в нем юношу? благородного происхождения.

Станным, невидящим (но не слепым!) взором обведя представших перед ним людей, недомертвец возобновил своё ненадолго прерванное бормотанье.

— Сыны Адотра и Химены! Внемлите, внемлите же молению Ардамена! Хладные очи их пророчат... пророчат... и он придет, он — глас из бездны! Придет... — речь «Ардамена» была неразборчива, он большей частью глухо напевал, и четкие фразы вылетали из его рта с неожиданной страстью — для человека, скорее почившего, нежели пребывающего в этом мире.

— Он что, стихи читает? — спросил Грогар Лёлинга в крайнем изумлении. Лилия испуганно хихикнула. Ярл опомнился и направил копье в грудь «Ардамена».

— Вроде так... — ответил за него Лунга, ибо ученый застыл как камень.

— Иди отсюда, бедолага, — крикнул, словно глухому, Грогар. — Ты слышишь? Уходи!

— ...измена... нет мне спасенья... Бреду, отчаявшись, в саду греха... срывая дремлющей рукой плоды успокоенья...

— Уходим, — скомандовал Грогар. — Кто его знает, что он еще выкинет? Это ж надо — труп, декламирующий стихи! Умрешь!

Они начали медленно, пятясь, отходить в сторону леса. Ардамен продолжал идти за ними, дергаясь, будто кукла на ниточках.

— Уходи! Пошел вон! — Грогар внезапно разозлился и ударил мертвого поэта кулаком по виску — тот, смешно раскинув руки и продолжая при этом свой патетический монолог, неуклюже плюхнулся на землю.

— ...и дивные цветы, что распускаются у ног, всем волшебством весенних красок тревожа сердце; и пенье птиц, и рокот водопада... — Ардамен лежал на спине, глядел широко распахнутыми глазами на хмурое небо и воодушевленно — как может быть воодушевлена кукла, — читал стихи. Грогар, занесший над ним копье, замер. Ему вдруг стало жаль его — безвестного поэта-недомертвца. В его сухом дребезжащем голосе ему почудилась...

Молодость, тоска, неразделенная любовь.

— ...и дивные цветы...

Потухшие глаза когда-то пылали страстью...

— ...и пенье птиц...

«О боги...»

— Пусть идет, — проговорил Грогар, опуская копье и отворачиваясь. — Он не причинит нам вреда.

На какой-то — кратчайший — миг он увидел в парне... себя.

17

Путники вошли в лес, сделали несколько шагов и остановились, опомнившись.

— Так, — произнес Грогар. — А куда это мы идем? В пасть к зверю? А, господин ученый? Проснитесь, дорогой мой!

Лёлинг обратился к ярлу свои сумрачные очи.

— Простите, я задумался. Думаю, надо идти, держась края леса, одновременно подыскивая какое-нибудь убежище. — Он задумчиво посмотрел на Ардамена, стоявшего поодаль, словно деревянный истукан. Ученый явно хотел что-то сказать, но промолчал. — Давайте же, пойдем, — буркнул он и неуверенно двинулся вперед.

Лес, по которому пробирались путники, вскоре заставил обратить на себя внимание. Он как бы раскрылся, обнажив то, чего никто сначала не заметил. Под его сенью сгустился полумрак, и в холодной синеватой дымке все казалось странно пустым, неживым, заброшенным. И ничего подходящего для убежища. Но ученого это, кажется, не заботило. Он все подгонял спутников, затем постепенно замедлил шаг и, спустя два часа, вообще остановился.

— Что такое? — спросил его Грогар.

— Я больше не могу. — Ярл с удивлением заметил, что старик плачет. — Что-то скверно у меня на душе. Словно... словно... предчувствие...

— Говорите толком! Вам плохо?

— Я думаю, что скоро умру.

— Думаю, велика вероятность, что мы все скоро отправимся туда же, где, как вы полагаете, скоро окажетесь. Если не найдем какое-нибудь укрытие.

— Он здесь. Недалеко. Я знаю. Я уверен.

— Знаете, что я вам скажу, уважаемый господин Дьярв? Больно быстро вы сдались. Вы же опытный путешественник? Я охотно это признаю, даже несмотря на грешок приврать. Непохоже на опытного путешественника, совсем непохоже.

— Идите. Идите, я задержу его.

Грогар взглянул на Лунгу, на спине которого находилась Лилия, возжелавшая — видимо, ради разнообразия — поездить и на нем. Воткнул в землю своё импровизированное копьё — и внезапно резко, грубо схватил ученого за ворот. Лунга даже вздрогнул.

— Слушай, ты, горе-исследователь! — проревел он ему в лицо. — Или ты добровольно, спокойно, без нытья идешь с нами, или я заставлю тебя сделать это! Ну, что скажешь?

Лёлинг явно не ожидал от всегда учтвого и жизнерадостного ярла такой свирепости и смутился, часто заморгал, отвернулся.

— Простите меня, господин ярл. Я пойду. Успокойтесь. Всё, забудем.

— Ну вот и хорошо, — сказал Грогар, подбоченившись. — Прошу прощения за вспышку гнева. Истинный дворянин, тем более такой благородный, как я, не должен позволять себе ничего подобного... но вы должны понимать, в какой же... ситуации мы оказались. И к тому же вам полагалась встряска. Ну, идем.

На этом ученый несколько притих, даже посветлел лицом, и следующие три часа протекли относительно спокойно. Путники пробирались на север — сквозь высокую дикую траву, через густой подлесок, собирая пух, паутину и терпя прочие неудобства, выпадающие

на долю любого путешественника.

Лес все больше поражал своей неприветливостью; в нем царила неестественная тишина, она казалась, если подобное сравнение возможно, плотной липкой массой, неприятно пятнавшей стойкость духа странников. Трещала ли ветка, обломленная невидимым зверем, взлетала ли — прямо перед ними — с пронзительным карканьем ворона, ветер ли (а может, и не ветер) выл в горах — Грогар сотоварищи неизменно вздрагивал и испуганно озирался, но, кроме несчастного Ардамена, упорно плетущегося за ними, никто ничего не замечал.

Грогар, прислушиваясь к поэтическому лопотанию недомертвеца, начал припоминать авторство строк. Вот Ардамен, несомненно, имя героя поэмы Робера Лёпьеже «Ардамен и Паатика». Произведение сие, наполненное светом небывалого вдохновения и силой мудрого слова, было невероятно популярно лет сто назад, однако бесславная кончина сеньора Робера, казненного за прелюбодейство и содомию, поставило крест на поэме, и она постепенно забылась.

Также он узнал сонеты Брю из Прикрата, оды Донта Дарга, стихи безымянного отрока из столицы, прозванного Протэосский Бунтарь... и внезапно осознал связь меж всеми вышеназванными певцами.

Все они умерли, не достигнув и тридцати лет, а Протэосскому Бунтарю, если верить описаниям современников, присутствовавших на казни, едва-едва стукнуло пятнадцать.

Брю — страстный необузданный трубадур — задушил свою возлюбленную Анну, узнав об ее измене, за что был осужден на пожизненную каторгу в Хоордане — поистине адовом месте. Там он не протянул и двух месяцев: белая чума, или чахотка — бич всех узников Великих Болот — сожгла его.

Донт Дарг оказался убийцей, душегубом и мучителем (хотя многие в этом сомневались, сочтя показания свидетелей клеветой, на что имелись основания) — толпа разорвала поэта прямо на пороге его дома, на глазах у матери и сестер.

Бунтарь — никому не известный юноша (таинственная личность, никто не знал ни его имени, ни кто он и откуда), будучи просто феноменальным импровизатором, огромнейшим талантом, читал свои стихи на рынках, на площадях, в местах празднеств и гуляний, при этом призывая народ к восстанию, свержению короля Кнуда Смутьяна и преданию смерти всех господ. Произведения его сохранились благодаря... палачу — ему-то и передал на сохранение единственную тетрадь Бунтаря.

— Удивительно начитанным человеком был наш разлюбезный Ардамен, — прошептал Грогар и еще разок взглянул на него. — Кто он, как ты думаешь, друг мой Лунга, и какого черта его занесло сюда?

Лунга только пожал плечами.

Дьярв Лёлинг продолжал удрученно молчать. А вот Лилия донимала Лунгу расспросами, и ясно было, что бедный слуга совершенно не умеет общаться с детьми.

— Скажи, дядь Лунха, а поцему ты слусаешься Логала? Ты сто, ему деньги не отдал?

— Э, нет. Деньги? Нет, наверное...

— А, я знаю — ты лаботник, а дядь Логал — сталоста! Потому сто ты бедный, а дядь Логал — богатый! Да-да! Вот мой дед Прокоп тозе был сталостой. Одназды он велел... это... повесить Бойко и Лиду за то, сто они умелтви... ли, да, вот так — у-мел-тви-ли свое дитятко!

— Боги! О чем ты говоришь, дитя мое?! Не надо...

— Да-да-да! Не велишь? Все так и было! Бойко был плохой, и Лида тозе — они и

забыли пло дитятку-то, а ево свиньи зглызли. Узас!

— Вот оторва, а? — спросил Грогар. — Сколько ж тебе лет, красавица моя?

— Я узе больсая, мне двадцать лет!

— Сколько-сколько?

— Двадцать, — серьезно повторила девочка и начала считать, старательно загибая пальцы: — Один, два, четьля, десять, а потома двадцать! — И радостно продемонстрировала Грогару пятерню.

— Так тебе пять лет, а не двадцать.

— Нет, двадцать, меня так тетка Муня учила!

— Так она была не права.

Лилия сердито постучала кулачками по шляпе, а значит, и по голове Лунги.

— Не споль! Я знаю! Двадцать!

— Пять! — со смехом отвечал Грогар.

— Нельзя перечить старшим! — фальшиво пригрозил Лунга. — И... бить по голове тоже... нельзя.

— Это правда, красавица моя, — хохотал Грогар. — У Лунги на плечах ведь не барабан! Чего ты его так колотишь? Ну-ка, уймись. Ишь, разбаловалась.

— А мне нлавица ево шляпа! Она мяхкая и смесно мнётца!

18

Вечерело. Грогар ликовал: им удалось пройти немало, и если хватит сил еще и на ночь, то к утру они смогут достичь заброшенной охотничьей деревушки, которая, как предполагал Лёлинг, находилась неподалёку от Северных Врат. День-два — и свобода. Свобода, черт побери! Теперь-то он понимал ей цену, ох как понимал!

Если не случится ничего плохого.

Лунга внезапно остановился и с тревогой всмотрелся в и без того темную чашу. Прислушался. Грогар сразу же обмер. «Ну вот и сглазил...» Лунга обладал прямо-таки звериным чутьем, в придачу и отменным зрением, — именно поэтому ярл и взял парня на эту злосчастную охоту.

— Что?

— Кто-то там есть...

Лёлинг застонал и упал на колени.

— Уверен?

— Мы умрем, умрем... — Ученый схватился за голову.

— Умрем, — точно эхо, отозвался Ардамен. — С колен нам не подняться боле. В нас с детства убивали волю...

Грогар ругнулся, схватил старика, поднял его, грубо встряхнул, толкнул вперед.

— Бежим! — гаркнул он. — Бежим к горам, авось магическое, чтоб его, кольцо сдуло подальше от предгорья. Там укроемся, если успеем. Эх, а так все хорошо шло...

— Нам конец, — шептал Лёлинг. — Мы умрем... Никто еще... не уберется от зверя.

В этот момент Грогар краем глаза заметил, как колыхнулись справа от него кусты.

— Берегись! — закричал он, но Лунга уже заметил опасность и тут же прыгнул в сторону. Лилия от неожиданности завизжала, вцепившись ему в уши.

Грогар замешкался, он хотел схватить замершего, будто в ожидании гибели, ученого, увлечь за собой, но понял, что не успеет. И растерялся.

Затем он почувствовал запах — запах крови, гнилого мяса. В воздухе мелькнула тень. Грогар отшатнулся, и в каком-то миллиметре от его горла просвистели чьи-то острые когти. Падая, он услышал высокий, быстро захлебнувшийся крик. За ним послышалось утробное, чавкающее рычание. Грогар больно упал на спину, глухо охнул; голова закружилась.

Он не помнил, сколько пролежал, — ему показалось, что целую вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько секунд.

Затихал, удаляясь, крик девочки — Лунга убежал, спасая ребенка.

Опомнившись, Грогар сразу же вскочил. В свете заходящего солнца перед ним предстало существо, похожее на пса, но размерами едва ли уступающее медведю, поджарое и практически голое: жесткая, похожая на иглы шерсть присутствовала только на гриве; жуткая окровавленная морда чем-то напоминала морду бультерьера, хотя вряд ли этого мерзкого вонючего зверя, изо рта которого стекала, раскатываясь по страшным клыкам, вязкая, пропитавшаяся кровью слюна, можно было назвать этим милым словом.

Они секунду смотрели друг другу в глаза — человек и чудовище. Потом Грогар бросился на него — и даже не понял, почему и зачем. Он почувствовал только ярость, всепоглощающую, захлестывающую ярость, под которой где-то глубоко в душе притаился страх.

В руке он сжимал копьё — то самое, самодельное, — и не целясь, отчаянно кинул его в зверя. Чудовище никак не ожидало такой прыти от человека и не успело увернуться, — копьё чиркнуло острием по его багровому оку.

Бешеный рев заставил Грогара притормозить; словно призрак, в голове возникла мысль: «Что же я делаю?». Но было уже поздно, точно кто-то подтолкнул его. Ярл врезался в тварь, сбил ее с ног и покатился с ней по земле.

Зверь не понимал, что происходит, — добыча не чувствовала страха. Зверь хотел убежать и посмотреть, что будет дальше, но человек его не отпускал. Человек находился у него за спиной, он стискивал могучую шею руками и душил. Но зверь был сильнее — он дергался, вырывался, вспарывал когтями воздух.

— Лунга-а-а!!! — орал Грогар, ощущая, как натянутые, словно струна, мышцы быстро ослабевают. — Сюда, Лунга! Вытащи копьё! И коли его, черт возьми! Коли!!! Коли, сукин ты сын!!!

Зверь не хотел умирать. Но, увидев другого человека, понял, что в этой охоте жертвой оказался он.

— Ну давай! Что ты мешкаешь?! — Грогар слабел. Слабел. И ему хотелось плакать от бессилия.

Наконец Лунга вернулся. Осторожно вытащил копьё, словно не хотел причинять боль зверю, и с забавной для такого случая аккуратностью вонзил его в брюхо чудовища — и так же осторожно вынул.

— Убей его, дурак! Коли его, раздери тебя молния! Я не выдержу!

И тут Лунгу прорвало: он начал с остервенением добивать зверя и в голубых глазах его появился нездоровый блеск.

Но, несмотря на это, парень все равно оставался таким же сухарем, каким был всегда. «Вот подлец, — подумал Грогар, с огромным облегчением разжимая трясущиеся от невероятного напряжения руки. — Даже убивая жуткое чудовище, он зануден и обыкновенен».

— Вот тебе! Вот тебе! — Лилия прыгала вокруг поверженного зверя и хлестала его по бокам тонким прутиком.

— Тихо, красавица, — печально произнес Грогар, сидя на коленях перед Лёлингом. — Лунга, уведи ее. Незачем ей это видеть.

Исследователь древностей умирал. Он лежал на спине, раскинув руки, из вспоротого живота лепестками пышного цветка раскинулись окровавленные внутренности.

— Это был... гарм. — Дьярв обратился к Грогару грустные-грустные глаза.

— Замолчите. Я вытащу вас. Вы не умрете.

— Вы сами не верите себе. Я знал, что конец мой близок. Предчувствовал. Даже не так. Я понял. Извините. Идите же. Продолжайте путь.

— Нет, я не брошу вас здесь.

— *Он...* придет. *Он* близко.

— Я вас не брошу.

— Идите. Сегодня он удовольствуется мной. Ну же!

Дьярв закашлялся — изо рта хлынула кровь.

— Прошу тебя... Грогар. Пожалуйста... забери мои записи. Они там, там... у...

— Я понял.

И Грогар взял старика на руки.

— Я не оставлю тебя здесь одного, и пусть колдун катится ко всем чертям.

— Нет... — слабо вырвалось у Дьярва.

Он был лёгок, точно ребенок. Ярл сделал шаг и увидел, как голова ученого запрокинулась назад, но не придал этому значения и упрямо понес старика на руках, не замечая, как кровь пропитала насквозь его собственную одежду. Сзади шли Лунга с Лилией, и девочка всхлипывала.

— Мой ярл! — говорил Лунга — Остановитесь! Что вы делаете? Опомнитесь, ведь господин Лёлинг умер!

Грогар ничего не отвечал, решительно шагая вперед, задевая ветки, перешагивая через поваленные деревья.

— Логал! — обиженно воскликнула девочка. — А как же мы?

Грогар остановился. Оглянулся, посмотрел на нее. По щекам ребенка текли слезы.

— Не сходите с ума, ваша светлость, — сказал Лунга. — Он умер, а мы-то нет. Нам придется бросить его. Посмотрите — солнце еще не зашло. Мы в опасности. Вспомните, что он говорил перед смертью. Мы должны выжить, ваша светлость. Оставьте его, нам не хватит сил его нести до Врат. Как ни жаль.

Грогар осмотрелся. Они находились в центре поляны. Вздохнул и бережно опустил старика на землю. Сел на колени.

— Прости меня.

Какое-то странное чувство охватило его. Он вдруг понял, что за ним пристально наблюдают.

Выжидают. Надеются.

Грогар всмотрелся в чашу.

— Где ты? Покажись!

— *Где ты...* — повторило эхо. — *Покажись...*

— Это последняя жертва! — закричал Грогар. — Клянусь, больше ты ничего не

получишь!

— *Не получишь...*

— Бежим, — сказал Грогар. — В горы.

Поляна выходила к ручью. Грогар забежал в холодную воду, скинул с себя верхнюю одежду и с наслаждением зачерпнул горсть. Умыв лицо, он в последний раз взглянул на поляну.

Там кто-то находился — маленькая неясная фигура.

20

Благословенно раннее утро. Грогар всегда питал слабость к этому чудесному времени суток и мог сказать с уверенностью, что осеннее утро — это нечто особенное!

Представьте себе неспешно роняющие листву суровые дубы-старики; чернеющие во мраке сосны-призраки, колючими негнушимися пальцами-ветками разрывающие густой туман, что змеей стелется по земле; росу, повисшую на усталой прелой траве; шуршащую сказочную тишину; холмы, скрывающие горизонт, который в эти мгновения кажется особенно далеким...

Долго шел небольшой отряд Хтойрдика — всю ночь, пока не добрался до вожденной деревни, бывшей когда-то местом обиталища охотников и стражи колдуна. Ардамен отстал и затерялся в ночи, впрочем, никто этого и не заметил.

Примостившиеся меж деревьев избы — посеревшие, одряхлевшие — произвели на основательно подуставших путников гнетущее впечатление.

— Надо прятаться, ибо утро, — задумчиво произнес Грогар, осторожно спустив зевающую девочку на землю. — Только сдается мне, верней, чутется как-то, что зверь любит рыскать здесь... поблизости. Будем ли в безопасности?

Тут он внезапно остановился, словно пораженный какой-то мыслью.

— Постой, — сказал он.

Лунга, похоже, настолько выдохся, что ему было все равно, что там болтает его хозяин, — безжизненное лицо, потухший взор, уста искажены страданием.

— Что? — эхом отозвался он.

— А был ли зверь?

— Не понимаю.

Грогар поглядел на слугу.

— Э, брат, да ты совсем плох. Устал? Или еще что?

— Устал, ваша светлость. Мочи нет.

— Отлично. Давай-ка обследуем это селенье. Найдем укрытие, подкрепимся тем, что боги послали, и обдумаем наше положение.

Жилища в деревне, как уже выше отмечалось, пребывали в печальном состоянии, что неудивительно, если учесть их столетнюю агонию, выразившуюся в постепенном срастании с дикой нравом матушкой-природой. Там, где отсутствовала крыша, внутреннее убранство представляло собой буйную молодую поросль. Другие дома уже практически затянулись землей и напоминали грибы, важно выглядывавшие из зарослей, их окружавших. Более-менее пригодные строения отвращали пылью, затхлостью и общим ощущением крайне неуютного запустения.

Совсем отчаявшись, путники отыскивали-таки жилье, где кое-как можно было устроиться. В здании, судя по всему, когда-то принадлежавшему местному шультейку, а может, и

главарю разбойников, Грогар первым делом обнаружил ржавую миску, валявшуюся у порога, и кучу выбеленных годами костей разных мелких животных. Внутри в глаза бросался большой стол, видно, дубовый. В правом углу, на полочке — темные картины в массивных рамах, на которых еще угадывались силуэты нарисованных фигур. Вокруг картин этих венчиком лежали цветы, причем не совсем еще увядшие.

Они-то и навели Грогара на мысль, что дом этот за прошедшее столетие не раз воскресал к жизни: кто-то его посещал.

— Будь что будет, — сказал ярл, входя и осматриваясь. — По крайней мере, отдохнем сколько сможем.

Скудный завтрак состоял из яблок, горстки грецких орехов, сорванных с кривого орешника на околице, и воды.

— Я понимаю, — говорил Грогар. Лунга смотрел на него слипающимися глазами. — Я понимаю, что безрассудно оставаться здесь. Но послушай, что я тебе скажу. Не дает мне покоя рассказ бедняги Дьярва. Колдун, превращаясь на рассвете в зверя, рыщет по долине в поисках добычи, а с наступлением сумерек возвращает себе свой подлинный облик. Между тем там, у ручья, кого мы видели? Не колдуна ли? Как думаешь?

— Думаю, это был он, ваша светлость.

— А солнце-то еще не село.

Лунга оживился.

— Логал, можно погулять? — вдруг подала голосок Лилия. — Смотри — солнышко плоснулось!

— Нет, ни в коем случае. Сиди здесь. Поспи. И не мешай нам разговаривать.

— Я не хочу спать!

— Так, сейчас же угомонись! Мы не на воскресной прогулке в королевском саду. Или ты забыла о чудовище? Не успеешь и глазом моргнуть — сцапает оно тебя и съест. — И Грогар обернулся к слуге: — Ну, что думаешь?

Лилия недовольно фыркнула и забралась на стол, где стала пальцем водить по толстому слою пыли.

— Думаю, — ответил Лунга, — оно и действительно не село.

— Вспомни пророчество.

— Какое?

— Мне скушно!

— Помолчи. Вспомни Гаррово пророчество.

— Но господин Дьярв сказал, что оно не Гаррово...

— Может, и Гаррово. А может, и нет. Нам уже не узнать. Если только мы не закопаемся в королевской библиотеке. Что-то бедняга ученый нам недоговаривал. Может, опасался насмешек с моей стороны... Ну что, вспомнил?

— М-да, кажется, припоминаю. Ну и что? Оно мне сразу показалось, м-м-м...

— Выдумкой?

— Слишком уж красиво. При всем уважении к святому...

— ...он бы так никогда не сказал, учитывая его — только не кипятись, пожалуйста, — безумие.

— С вашего разрешения, ваша милость, я поправлю: учитывая его святость...

— ...что, зачастую, одно и то же.

— В общем, я понял. Пророчество Гарро выглядело бы немного по-другому, ибо его

воспаленный разум любое божественное откровение переиначил бы на собственный дремучий лад. Насколько я знаю, Гарро всегда был несколько... косноязычен?

— Фи, какие вы умные...

— Вы правы, ваша светлость. Он говорил туманно, образами и намеками. Вот, например, одно из самых известных его предсказаний:

И припал Востбальгдт ко стопам ахеemitян, и возопил он:

Внемлите же, язычники, гласу богов!

Ибо единый будет дадиен вам Государь,

И вознесеша он свет Отцев надо теменем идоловищ Катхейских,

Приимет чашу веры и уплывет во моря...

— Все, все, не надо больше!

— Но оно...

— Нет-нет. Слушай меня. Уверен, если старик и видел Гарро, то услышал от него нечто похожее на то, что ты сейчас тут пропел. Следовательно, господин Дьярв, да смилуются над ним Святые Отцы...

— ...аминь, ваша светлость...

— Не перебивай. О чем это я? Ах, да! Так вот, не кажется ли тебе пророчество, высказанное нашим высокоученым исследователем древностей, знакомым? И это словечко — как бишь его? Па... Па...

— Паихни, мой господин.

— Точно! У тебя память, как у скряги Фроста Либертранского — он всегда отлично помнит, сколько кому дал займы, сколько у него бутылок красного лакусского в подвале и сколько мешков овса и пшеницы в закромах!

— А мой дедуска тоже умеет щитать! И у него много-племного месков с псеницей!

— Рад за него. Спи давай. Итак...

— Я вспомнил, ваша милость.

— Сам спи!

— Перестань баловаться и встревать в наш разговор!

— Это, ваша милость, пророчество Драмнеев.

— Не знаю таких.

— В «Симбиотических Ведах», в части, посвященной странствиям пророка Туна, есть такие строки. Во всяком случае, нечто очень похожее. Только вместо Паихни там фигурирует имя демона... не хотел бы я упоминать его...

— Не надо. Я знаю, что значит Паихни. В тех же «Ведах» можно найти рассказ о царенечестивце и грешнике Учайане и его слугах-любовниках, которые именуются там паихнитами — игрушками. Ты понимаешь? Паихни — это не кукловод, случаем? Нашего колдуна Дьярв назвал Кукловодом, и неспроста. Он, несомненно, знал гораздо больше того, что соизволил нам поведать. Уж не замешан ли он в этой истории? И вообще, существует ли зверь? Скажу больше: существует ли колдун? И эта комичная, если б не смерть девушки, сцена с ведьмой и поганцами в масках из коры — не постановка ли с целью заманить нас в ловушку? Хотя вряд ли, слишком уж хитро. Да и зачем так изгаляться? Гораздо проще, к примеру, отравить меня. Нет, тут действует какая-то секта, преследующая свои цели. Помнишь тех парней, в таверне? Что там они болтали? Один из них обронил очень любопытную фразу: *«Тот чудной, с брюшком и жидкой такой бороденкой, болтал, шо он бекон и перст и живет на дереве»*, — тебе не кажутся эти слова немного...

подозрительными? А другой на него тут же прикрикнул.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Я и сам не знаю, но тут пахнет, — тут Грогар как-то хищно улыбнулся, — заговором.

— Вы думаете, что вся эта история с Матерью Гор — выдумка? А как же «Абgrund»? Не кажется ли вам, что Силла, Мать Гор, очень похожа на дочь Безглазого?

— А ты точно уверен, что в «Абgrundе» говорилось именно о дочери Безглазого? А может, там имеется в виду сын или еще кто?

— Хм... маловероятно. Существует ясный и авторитетный перевод...

— А я слышу музыку, — вдруг сказала Лилия.

— Чего ты, красавица?

— Музыка иглает.

— Где?

— Тама, на улице.

Не успели Грогар с Лунгой и глазом моргнуть, как Лилия выбежала наружу. Мужчины, переглянувшись, бросились следом с возгласами, выражавшими крайнее неудовольствие столь опрометчивыми действиями юного создания. Однако стоило им оказаться на воздухе, как они разом смолкли.

Яркий солнечный свет расцвел сочными красками ветхую деревню, что тонула в земле, как в пучине морской, и буйная растительность, и лес вокруг казались волнами, поглощающими не желавшую уступать углую лодчонку.

Порой так неожиданно воспринимаются самые обычные вещи, вот и то, что предстало сейчас взору людей, вдруг показалось чудом.

Тут и тусклые, увядающие, а рядом — кричаще-желтые, ярко-красные, бордовые листья клена, дуба, вяза, будто сошедшие с холста художника; и грязно-коричневые, загадочно-темные стволы деревьев с ползущим по ним влажным мхом, незаметно, как-то скромно, окрашенным в тысячи оттенков серого и зеленого...

Мужчины не сразу услышали музыку — необычное чарующее пение, точно пела сама природа, и звуки эти отчасти объясняли то странное, но прекрасное состояние, в коем пребывали в тот момент измученные путники.

Чарующие — вот именно! — и нежнейшие звуки доносились отовсюду, создавая неповторимый волшебный эффект; голос, принадлежавший, может быть, юной деве, а может, и какому-нибудь сказочному существу, лился плавно и воздушно, переполняя душу восторгом и заставляя забыть все на свете.

— Как класиво! — умилительно произнесла Лилия, и ее слова прозвучали как звон колокола в абсолютной тишине.

Пение, словно некое хрупкое строение, дрогнуло. Испуганно замерло. Грогар встряхнул головой, прогоняя наваждение. Чары улетучились. Окружающая его действительность вновь предстала в своем обычном виде.

Заброшенная деревня, по-осеннему холодный ветер, тишина.

Пока Грогар стоял, размышляя над этими, на первый взгляд, незначительными вещами, как музыка и красота, что ни с того ни с сего так сильно овладели ими, пение возобновилось.

Но в нем молодой пытливый слух различил что-то, показавшееся поначалу рокотом ручья, бегущего по камням. Однако тревога, уже всецело завладевшая ярлом, заставила его прислушаться, насколько это возможно.

И вот...

Журчание воды превратилось в голос, шепчущий какие-то неразличимые уху заклятья, и в частое тяжелое топанье. Будто несколько рабов, подгоняемые злым сквернословящим шарманщиком, чей инструмент и исторгал столь прекрасное пение, торопливо толкали вперед большую неуклюжую тележку.

Отчасти так оно и было: с севера из густой чащи вышло — или даже выкатилось, выползло — нечто совершенно необычное, похожее не то на жуткого клоуна, не то на жабу. Пупырчатое, круглое, многорукое, многоногое, многоглазое, вокруг шеи — грязное спутанное жабо, на круглом животе разноцветные лохмотья, на ногах потешные башмаки с

круто загнутыми носками. На голове вроде как волосы, а может, и крохотные колокольчики болотного цвета, и именно они — если хотите, волосы, — и издавали ту волшебную музыку. Рот существа, чудовищно большой, с толстенными мертвенно-синими губами, непрерывно исторгал потоки препротивной слизи.

Лилия оглушительно завизжала и бросилась в дом, а за ней Грогар с Лунгой, кричавшим:

— Это зверь?! Это ведь зверь, да?!

Грогар с бешено бьющимся сердцем отчаянно озирался, поворачиваясь вместе со вцепившейся в него девочкой.

— Это зверь! — верещал Лунга. — Это зверь, это зверь, это зверь! Это ведь зверь, да?! Зверь, зверь! О боги, это и есть зверь! Мы погибли, о боги, мы погибли...

— Заткнись, придурок!

Грогар отстранил от себя зажмурившуюся девочку, наклонился к ней, взял за руку и сказал:

— Бежим.

Они выскочили через заднее окно, прямо в заросли колючих кустов, больно оцарапавшись при этом, и что есть силы припустили в спасительную тьму леса.

22

— Куда вы? — панически вопрошал Лунга, еле поспевая за своим господином, несущимся сквозь дремучий подлесок и державшим при этом в руках девочку, словно курицу. Ее волосы хлестали его по лицу. — Куда бежите, ваша светлость? Пойдите!

Наконец Грогар остановился и опустил ребенка на землю. Солнце, пробиваясь сквозь поредевшие кроны, испещрило покрытую палой листвой землю причудливыми узорами.

— Не надо сходить с ума, — сказал он. — Давай думать. Это был Он? Ты имел в виду колдуна?

— Не знаю, не знаю!

— Успокойся. Что это ты так распсиховался?

— Хватит, ваша милость! Неужели вы не видите? Не понимаете? Я жить хочу! Мне надоело все это!

— Я понял, — спокойно ответил Грогар. — Меня обвиняешь, да? Я, мол, виноват? Впутал тебя в эту историю. Что ж, твое право. Если выкарабкаемся...

— Я уже слышал это! Только надо сначала выкарабкаться!

Лунга зло сплюнул и решительно двинулся вперед.

— Ты куда?

Лунга оглянулся.

— Выкараб... — тут Лунга нервно сглотнул. — Выкарабкаться.

— Ну так давай подумаем, куда нам податься. В какую сторону, то есть.

Лунга опустил плечи и сник.

— Не знаю, — обреченно сказал он.

— Далеко мы не уйдем, — начал рассуждать Грогар, задумчиво потерев подбородок. — В деревне остались все наши вещи: копье, твой мешок, припасы. Спрячемся где-нибудь поблизости, дождемся ночи, заберем наши скудные пожитки, ибо без них нам просто не обойтись, и двинем к Вратам. А там, может быть...

Не договорив, что же, собственно, может быть там, Грогар повертел головой и

решительно указал в сторону, где, по его мнению, должен был находиться север. Приободрив Лилию словами: «Выше нос, красавица», — он неторопливо направился в вышеозначенную сторону. Лунга, недовольно кряхтя, поплелся следом.

Весело светило солнышко, что благотворно повлияло на Лилию. Девочка быстро позабыла все страхи и не шла, а прыгала, чередуя прыжки с забегами вокруг Грогара. При этом она толкала лениво ругающегося ярла, кидала в него еловые шишки, смеялась и пряталась за деревьями — словом, ужасно безобразничала. В итоге терпению Грогара пришел конец, и он, отстегав расшалившегося ребенка хворостиной по мягкому месту, с самым строгим видом, какой только сумел на себя напустить, приказал ей тихо и смиренно идти рядом. К его удивлению, Лилия снесла экзекуцию со стойкостью бывалого воина, а после, показав обидчику язык, вновь принялась баловаться.

Долго ли, коротко ли бродили они таким образом по лесу, да только довелось им очутиться на околице еще одного селения, весьма схожего с предыдущим.

— Должно быть, еще один охотничий поселок, — озадаченно буркнул Грогар, рассматривая знакомый пейзаж. — Их здесь несколько, наверное.

— Думаю, мы сделали круг и вернулись назад, — сказал Лунга.

— Не может быть.

— Смотрите, вон тот дом, где мы были, и кости там...

— Чудища!!! — что есть силы завопила Лилия.

Откуда-то из подворотни вынырнуло то самое жабообразное чудовище; остановилось неподалеку, замахало руками, вытаращило глаза, выпустило целый фунт слизи и во всю глотку проревело что-то вроде:

— Вот и вы... вот и вы... грядет... вот и вы... грядет... грядет... Какая милая... и вы... Молитесь... милая... молитесь... заберу... я заберу... заберу... милая... долго вас ждал... ждал... мое освобождение... ждал... девочка... освобождение... ее... девочка... девочка... от оков заклатья... заклатья... своим богам... девочка...

Всё это прозвучало очень быстро и невнятно, что вкупе с мелодичным звоном колокольчиков произвело очень комичный эффект, однако Грогару было не смешно.

— Ах ты погань! — в сердцах воскликнул он и швырнул в «жабу» камень величиной с кулак. Камень угодил в лоснящееся пузо, покрытое разноцветным тряпьем.

Чудище насмешливо скосило свои многочисленные зенки на камень и захохотало.

— Ты... ты... ты... зачем... ты... рассмешил... ты... может... рассмешил... рассмешил... не ... уйдешь...

Башка страшилища тряслась, как желе, а колокольчики визжали, словно кучка юных винчийских блудниц, застигнутых во время греха.

Грогар, схватив в охапку Лилию, тарасившуюся на это гротескное чучело во все глаза, побежал прочь. Лунга, несмотря на усталость, о чем он не забывал время от времени упоминать, как будто упрекая в этом господина, и на этот раз проявил завидную прыть.

Грогар подумал, что надо изменить направление, и кинулся в обратную сторону, — туда, откуда они пришли.

Следом летел жуткий громыхающий, булькающий смех, смешивающийся с истеричными воплями странных колокольчиков. Чудовище будто хотело сказать «зря стараетесь, ребята».

Что-то подсказывало Грогару, что так оно и есть.

Самые худшие его опасения подтвердились — они снова и снова возвращались в

злосчастную деревню, где их неизменно поджидало ревущее в какой-то дикой, сумасшедшей эйфории чудовище.

Мелькали деревья, ветви били по лицу, в кронах мельтешило не по-осеннему яркое солнце, пот заливал глаза, жаба тряслась, и ее жабо насквозь промокло от потоков стекающей по мерзкому телу слизи...

Грогар потерял счет времени. Он устал, в ушах стучало, голова кружилась, ноги подкашивались.

Он готов был сдаться.

— Черт подери! — закричал он и с ненавистью посмотрел на колдуна. — Черт подери! Зачем мы тебе? Сожрать нас хочешь? Ну так сожри! Сожри же!

— Не надо так, — откуда-то издали послышался голос слуги. На плечо легла его рука. — Не надо...

В этот миг — точно кто-то опустил занавес — чудовище исчезло, испарилось.

Шумел ветер, раскачивая верхушки деревьев.

Грогар обессилено сел на землю.

— Что... что это было? — робко спросил Лунга, прижимая замершую девочку к себе.

— Не знаю. Сдается мне, это еще не все. Сдается мне, что мы обречены.

Лунга промолчал. Он стоял теребя в руках шляпу с самым мрачным видом из всех возможных.

— Боги с нами... Боги с кем угодно, но только не с нами. Ладно, заходим в дом. — Грогар кивнул на бывшее в незапамятную старину шультейковской резиденцией строение. — Отдыхаем. Нам нужно отдохнуть.

— Вы считаете, что в данной ситуации мы сможем... уснуть?

Грогар взглянул на Лунгу.

— Сможем. Видел бы ты себя.

23

Грогар никак не мог уснуть. Ему не давала покоя одна мысль: что дальше? Почему так тихо? Не может же быть, что на этом все. Что-то должно произойти, и в самом ближайшем будущем. Может, сегодня, сейчас... Отчего-то он сильно волновался за Лилию и все время с беспокойством, причину которого сам не понимал, поглядывал на нее. К вечеру, убаюканный тишиной, нарушаемой лишь мерным дыханием слуги и девочки да шумом леса, Грогар наконец-то погрузился в тревожный сон, граничащий с мучительной явью. В нем ярлу постоянно мерещились тутеха, протягивающая к нему свои костлявые руки, колдун, чье жабе рыло отчетливо напоминало печальный облик Дьярва Лёлинга, крадущиеся в сумерках гармы...

Он просыпался, вскакивал, пытался успокоиться, снова засыпал и видел беспорядочную прыгающую вереницу монстров, пока, наконец, сон окончательно не покинул его.

Грогар долго и неподвижно лежал, вперившись немигающими глазами в потолок.

Сколько историй с самого раннего детства он слышал о рыцарях, искателях приключений, бродягах, святых, которые неизменно доблестно и со всепобеждающей улыбкой на устах одолевали драконов, мантикор, оборотней, чернокнижников, тиранов, самодуров, орды гаратов и так далее.

В награду им доставались принцессы, и победители жили долго и счастливо.

Но в реальности все было не так просто, и теперь Грогар отлично понимал, почему

постепенно превращавшийся в объект насмешек герой битвы при Эгыре Густав из Сольда, потерявший в том сражении глаз и приобретший немеркнущую (боги с ними, со злыми языками, не будем брать их в расчет) славу, так одинок. Ибо Густав тяжел характером, несдержан на язык, драчун, пьяница и мучается страшными головными болями вкупе с кровавыми кошмарами и вообще, по мнению одного столичного философа, склонен к самоуничтожению, а проще — к самоубийству.

А знаменитый Джотто из Кильтоно, прославившийся своим «Хождением за три моря»? Он первым отважился выйти за пределы Центрального моря в Великие Воды и доплыть до сказочных экзотических островов, названных им Оронегро. Он встретил там диких и кровожадных туземцев, у которых в обычае было поедание человеческой плоти. Сколько почестей по праву досталось отважному мореплавателю, претерпевшему в ходе того сумасбродного предприятия множество лишений и страданий! Поэты посвящали ему свои творения, самые красивые и желанные женщины мечтали выйти за него замуж, владыки всех стран Центроземья приглашали служить им.

И он сошел с ума, и вот уже десять лет обитает в родовом имении, опекаемый родными и близкими. Один знакомый Грогару лекарь, часто бывавший в доме Джотто по долгу службы, рассказывал много интересного о своем подопечном. Оказывается, бедняга, будучи по характеру весьма впечатлительным человеком, с детства мучился самыми разнообразными страхами. Например, он просто панически боялся деспотичную мать. Когда ему было года четыре (это по словам старых служанок, любивших почесать языком), он увидел, как одна парочка, укрывшись на сеновале, занимается любовью, и эта сцена так поразила его (должно быть, они громко стонали), что он запомнил это на всю жизнь и навсегда затаил в себе страх перед соитием.

Каким будет он сам, если останется жив? Утешься, говорил Грогар себе, через пару недель ты будешь в норме. Все-таки сколько таких, как Густав, старых вояк, выброшенных за ненадобностью, спились и сошли с ума? А Джотто — и с ним все ясно. Фобии, преследовавшие беднягу на всем его жизненном пути, переплетясь с ужасами, виденными в далеких краях, свели несчастного с ума. Не последнюю роль сыграли в этом и почести, ибо почести, по словам какого-то мудреца, способны погубить человека. Так оно и случилось.

Но Грогар не таков. Происхождение оградило его, по выражению одного пустого политикана, от обжигающего дыхания многочисленных войн, которые вело, ведет и будет вести наше славное королевство. Детство было счастливым и беззаботным. Он беспечен и богат, и он весельчак. Ему не привыкать к поклонению и любострастию, ведь он носит редчайший и древнейший титул ярла. Во всем Форнолде есть еще всего три рода, удостоенных такой чести. И он сумеет выгодно преподнести свои необычайные приключения высшему свету, он знает, под каким соусом подать сие блюдо.

Он — и тут Грогар наконец-то улыбнулся — завладеет королевской дочкой. Непременно завладеет.

Надо только...

Выкарабкаться.

24

Грогар, заметно воспряв духом, решил выйти подышать ночной прохладой и трезво поразмыслить, как быть дальше.

Раз вспомнив об Агнесс, он уже не мог остановиться. Он грезил о ней. Он вспоминал ее

теплую, шелковистую белую кожу, ее запах — едва уловимый аромат духов и чего-то невесомого, обволакивающего, напоминавшего парное молоко, а может, и свежесть летнего утра, и шепот благословенных солнцем цветов, и жаркое, обжигающее дыхание юного тела.

Грогар унесся в мечты. Он уже ничего не видел перед собой. Ничего не слышал.

Жизнь прекрасна.

Как хочется растянуть мгновения счастья, поймать мечту и ощутить биение ее сердца. С другой стороны, если бы такие моменты длились часами, жизнь потеряла бы смысл.

Грогар очнулся от грез, и сразу же его внимание привлекла чья-то тень, неясно, призрачно промелькнувшая слева. Он машинально двинулся туда, вглядываясь в тускло подсвеченную луной тьму, но не заметил ничего.

Пройдя несколько шагов, ярл остановился с мыслью: «Что я делаю?». И опять страх за девочку больно кольнул его. Подумав, Грогар решил возвратиться назад, но тут шевеление повторилось.

На еле заметной тропе, перерезавшей деревню пополам, показалась сутулая фигура человека, тащившего за собой не то мешок, не то...

Страшная догадка поразила Грогара, погасив всякую осторожность и рассудительность. Он побежал вдогонку, но быстро потерял призрака из виду.

«Что же я делаю? — ощущая, как в душе его нарастает страх, подумал он. — Надо возвращаться».

В его голове рождались мысли, будто нашептываемые кем-то извне.

«Все здесь чуждо человеку. Все окружающее обман. Надо держаться своих. Не упускать их из виду. Как же я мог бросить Лилию? Какой же я кретин! Назад, назад!»

Но он заблудился.

С обеих сторон словно вырастали бесконечные руины, и уродливые ветви ерника ползли по земле, цепляясь за ноги. То тут, то там мелькала горбатая фигура, тащившая за воротник тело. Грогар кричал, размахивал руками, совершенно потеряв разум, потом упал, пальцы судорожно вцепились в мерзлую землю.

Ему казалось, что *Он* смеется над ним.

С трудом поднявшись, Грогар, к своему великому облегчению, заметил знакомый дом и сломя голову помчался к нему, но, не долетев буквально пару шагов, неожиданно... словно получил удар по лицу.

Ярл рухнул на землю, перед глазами все поплыло, и, уже теряя сознание, он услышал истошный вопль Лунги.

25

Грогар очнулся ранним утром. Странно, что у него ничего не болело и даже его физиономия, с которой так неласково обошелся невидимый враг, ничуть не пострадала. Единственная неприятность — он совершенно окоченел за ночь, проведенную в беспомощности на сырой земле, посреди раскиданных костей давным-давно почившего животного. Грогар поднялся, отряхнулся и зашел в дом, без особого воодушевления ободряя себя тем, что все приключившееся с ним вчера — не более чем дурной сон.

Внутри никого не было. Лунга с Лилией пропали.

Грогар не запаниковал, не бросился на поиски. Он почувствовал пустоту и обреченность. Слово весь этот нелегкий путь был проделан единственно для такого конца.

Не зря он так сильно беспокоился за девочку.

Внутри строения осталась торба Лунги, мех с водой, копьё и рюкзак-кафтан. Грогар некоторое время отрешенно смотрел на него, потом поднял, встряхнул, закинул на плечо, взял торбу и копьё и вышел из проклятого дома.

Около часа он бродил вокруг деревни, звал, аукал — безуспешно. И уже совсем отчаявшись, он наконец-то, к своей безмерной радости, наткнулся на Лунгу.

Тот лежал на земле, в лесу, шагах в двести от деревни, подле неглубокого, но крутого оврага, бледный, точно сама смерть. На левой ноге отсутствовал сапог, валявшийся неподалёку, и штанина была разорвана. Чуть пониже колена зияла колотая рана, прикрытая окровавленными листьями лопуха и подорожника.

— Слава богам, вот и вы, — слабо проговорил он. — Я уж думал, что вы... погибли.

— Я жив, но не могу сказать, что рад этому. Где Лилия?

— Эх, ваша милость. Где ж вы были-то? Унес ее распроклятый колдун, да будет он проклят во веки веков. Налетел посреди ночи черным вихрем, подхватил ее — а она при этом вроде как потянулась к нему, такая сонная или даже одурманенная. Я спросонья и не понял, что произошло, но тут гляжу — вас нет. Что мне оставалось делать? Времени на раздумье не было, вот я и бросился вдогонку, да разве за крылатым демоном успеешь? В довершение всего, сверзился в эту яму и вот — напоролся на палку, да еще и ногу сломал.

— Дай посмотрю. — Грогар с видом знатока ощупал лодыжку слуги, заставив того вскрикнуть от боли, затем грустно сказал: — Перелома нет. Вывих. И похоже, что связки порваны, а может, и нет — я в этом не мастак. Попал ты, братец, в переделку. Что делать будем?

— Не знаю.

— Так, дай подумать. Посиди-ка здесь.

Грогар полчаса ходил по лесу. Лунга, опасливо поглядывая на него, думал, что еще никогда не видел хозяина таким мрачным. Мрачность — вообще абсолютно чуждая тому черта характера.

В конце концов Грогар принял решение.

— Так, слушай меня, — сказал он Лунге. — Сейчас я пойду наберу где-нибудь воды, промою твою рану, перевяжем...

— Вывих можно обложить ивовыми прутьями и крепко связать, чтобы конечность не двигалась.

— Все равно ты не сможешь идти. Коня бы.

— Сделайте, ваша милость, костыль.

— О! Это идея. Отлично. Я сделаю все, доведу тебя до Врат, а там ты как-нибудь, потихоньку, дойдешь до лагеря разбойников или кто там есть. Посули им сколько хочешь денег, только уговори их ждать меня у выхода из Круга Смерти.

— А вы? Вы куда?

— А я в замок колдуна, вызволять Лилию.

Лунга повесил голову.

— Я понимаю, — сказал он. — Но, думаю, шансов у вас не так много.

— Без нее не вернусь, — твердо сказал Грогар. — А если вернусь, разбойники проводят нас до дома. — Грогар умолк, призадумавшись. — Знаешь что? Пусть они сразу же пошлют человека в Хюг с донесением, где я нахожусь. Итак, ты все понял?

— Да, мой господин.

— Тогда за дело.

26

На все про все ушло без малого три часа. К тому же Грогар справедливо рассудил, что на голодный желудок пускаться в такой нелегкий путь с раненым негоже. И тут им улыбнулась удача: Грогар самодельным деревянным копьём подбил зайца — первое животное, попавшееся им на глаза в этом богом забытом месте (не считая гарма).

Они обработали рану и перевязали ее рукавом «шелковой рубашки тончайшей выделки, при этом прочной, как доспех, — подарка горячо любимой сестрицы Миранды». Соорудили из молодого ясеня костыль (крестовину для мягкости обмотали рукавом монашеского одеяния Лунги), а из ивовых прутьев — каркас, в который надежно заковали вывихнутую конечность, с наслаждением подкрепились мясом наспех приготовленного зайца (Лунга проворчал, что оно несколько сыровато и нехорошо пахнет, на что Грогар заметил, что ничего страшного, ибо «в самых дорогих закусовых столицы нынче в моде мясо с кровью — то есть фактически сырое») и отправились в путь.

Путь до Северных Врат занял весь день. Часто приходилось останавливаться, делать передышку: оба дико уставали, ведь тропинка отсутствовала, вокруг простиралась непроходимая чаща, испещренная ямами и оврагами, скрытыми за гниющими стволами. К тому же, совсем не зная эти места, путники, как оказалось, сильно взяли на запад, тогда как Врата находились точно на севере.

Когда солнце уже коснулось горных вершин, Грогар, поддерживающий совсем выбившегося из сил слугу, неожиданно набрел на жутковатое и в то же время весьма живописное место — Северные Врата.

Прямо в горе темнели две каменные створки высотой в пять метров — монолит, окованный железом. На каждой с поразительной реалистичностью были вырезаны изображения пророков и святых отцов: Туна Мудрейшего, Брейха Благочестивого, Эгрика-короля. Несмотря на царившее вокруг запустение — сухие кусты, выющиеся растения, облепившие Врата, дорогу, из-под камней которой выбивалась буйная поросль, какие-то ящики, кости животных и людей, — место внушало путникам благоговение и мистический страх.

— Теперь понятно, почему здесь можно пройти без боязни за свое здоровье, — сказал Грогар, помогая Лунге усесться на поваленный ствол.

— Эти Врата несут на себе печать святости, — с умилением произнес тот.

— Так оно и есть. Только я никогда не слышал о подобном месте.

— И я тоже, ваша милость.

— Это наводит на размышления. Кто бы мог соорудить такое чудо? И зачем?

— Мой разум устал так же, как и тело, мой господин. Я в растерянности.

— Неспроста это, друг мой Лунга, ох неспроста. И это лишний раз подтверждает, что наш глубокоуважаемый приятель, чье имя несомненно останется в нашей памяти...

— Аминь, ваша милость.

— Аминь. Что наш собрат по несчастью многое от нас утаил. Почему? Загадка, которую мы вряд ли когда отгадаем. Что ж, не буду медлить, братец. Ты отдохни — и отправляйся в дорогу. У тебя еще есть орехи и зайчатина. Жди меня, сколько позволит совесть, только прошу тебя, обратно сюда не суйся. Я должен пройти этот путь один.

— Удачи вам, мой господин.

— До скорого свидания, Лунга. Будь уверен, ты от меня так просто не отделаешься.

Лунга, еле сдерживая слезы, еще долго махал ему вслед.

27

Грогар неторопливо шел в сгущающихся сумерках, с одним лишь копьём в руках — да с куском зайчатки, завернутой в тряпицу, за пазухой. Он шел по полуразрушенной дороге, заросшей каннабой, лолией, крапивой, донником и хвощом. По обочинам высился густой лес, что казался одновременно и бурлящей неукротимой массой, и тайной, и укрытием, которое манит спокойствием и величием. Внизу виднелся замок — воистину адово место. Даже отсюда чувствовался его мрак, холод и одиночество.

У Грогара было необычайно легко на душе. Во-первых, потому что, как он полагал, колдун, завладев ребенком, успокоился, а значит, вряд ли потревожит путника, покуда тот не попросит об этом. Во-вторых, сам факт своего самоотверженного и геройского поступка — а спасение безвестной девочки из бедняцкой семьи, проживающей в глуши, бесспорно, благородное и достойное всяческого восхваления деяние, — сильно потешал Грогара, хоть, надо признать, смех тот был не без горечи.

— Иду в логово не человека и не призрака, — рассуждал он вслух, — не зверя и даже не чудища — а чудищем в обычном понимании ту страхолюдину назвать трудно. Вот гарм — другое дело: клыки, свирепость, кровожадность — все на месте! И в логове этом я, весьма возможно, приму не то смерть, не то небытие, не то черт знает что еще. Там же может оказаться и подруга колдуна — пресловутая Мать Гор, Дочь Безглазого, будь она неладна, коя хочет погубить весь мир, если верить Лунге, начитавшемуся всякой дряни, а также светлой памяти исследователю древностей, страдавшему тем же грешком. Итак, можно сделать вывод: любой здравомыслящий человек сочтет меня безумцем и будет прав.

Грогар остановился, пнул мелкий камешек и серьезно сказал:

— Но я не могу иначе. Иду на самоубийство? Что ж, пусть так. Но если я не сделаю этого, то никогда себя не прощу. И чувство вины — если рассматривать сей вопрос немного шире — испортит жизнь мне, моим близким и — кто знает? — вероятно, даже моим детям. Я, если можно так сказать, превращусь в Густава или же Джотто.

Грогар прошел несколько минут в молчании, напряженно раздумывая.

— При всем при этом, — произнес он, — зачем-то ведь понадобилась колдуну девчонка? Я так понимаю, если ему что-то понадобилось, значит, он думал об этом, а ежели

думал, то он, вне всякого сомнения, живое существо. Это уже кое-что. Он мыслит как человек. Ведь мертвец — слуга ли он Безглазого, либо обласканный святыми отцами праведник — он и есть мертвец, и ему ничего не нужно. Так-так. Следовательно, всякое живое существо — имея в виду, мыслящее, как живое, — можно обмануть. Обвести вокруг пальца, найти слабое место. Это уж точно — он же не бог, чтобы не иметь уязвимых мест. Проявляя разумную осторожность, присматриваясь, работая головой, я, дай-то Пантеон, смогу разгадать его загадку. Что ж, шансы есть. Шансы всегда есть.

Придя к этим выводам, Грогар воспрял духом и зашагал бодрее. Он незаметно перетек из состояния удрученного в состояние, кое мудрецы громко именуют путем познания истины. Проще говоря, Грогар начал философствовать, и проблема, которую он счел за благо затронуть, была проблемой героизма и его восприятия человеком. И первое, к чему ярл пришел в результате разглагольствований — это мысль о болезни высшего общества.

— Высшее общество — знать, королевский двор — это несомненное зло в самом низостном своем проявлении, — претенциозно заявлял он, словно обращаясь к лесу, который отвечал ему равнодушным шелестом. — Толпа высокородных бездельников, праздношатающихся дворян, кичащихся собственным превосходством над всем и вся (а ведь и я в их числе!). Они только и делают, что самым гнуснейшим образом препарируют все человеческие ценности. Под жернова их неукротимых языков попадают очевидные вещи, вследствие чего они — очевидные вещи — кажутся уродливыми. Другое дело чернь! Они четко делят мир на две половинки — добро и зло. Поступок Райцигера из Бёльде — несомненное добро.

(Дворянин Райцигер в неравной схватке убил четырех гвардейцев, надругавшихся над его женой).

— Ха! Но если бы черни преподнесли сей подвиг в том виде, в каком его понимал этот сукин сын принц Дио, то они тут же, не задумавшись ни на секунду, объявили бы того посмешищем, злодеем, интриганом и проч.

(Принц Дио — высокообразованный циник с извращенной фантазией — усмотрел в поступке Райцигера — дворянина с незапятнанной репутацией — выражение его комплексов и страхов. Короче говоря, принц при всех вывалял беднягу в грязи.

— Нездоровая ревность, — говорил принц с учено-сочувствующим видом, — рождает неуверенность в собственных силах, способствует росту мнительности и страхов. Человек становится подозрительным, просто невыносимым, он отравляет жизнь близким. Иными словами, Райцигер (прошу прощения у милых дам) — без сомненья, совершенно бесполезный продукт, коим бедная его жена, изнывающая от похоти, никак не могла воспользоваться. Как говорится, суч... это самое... женщина не захочет... ха-ха-ха! Вы поняли меня, милейший Гастон? Что? Сомневаетесь? Тогда скажите-ка мне, есть ли у них дети? Ага! И я о том же. Также в пользу моей гипотезы о его мужеском бессилии говорит и то, как он прикончил тех незадачливых любовников Марии. Не на дуэли, господа, отнюдь не на дуэли, а исподтишка, в таверне! Райцигер попросту зарубил их во хмелю.

Далее Дио принялся, как он любил говорить, «вертеть сию несчастную душу в своих чутких руках»:

— По словам одного умного человека, женщина представляет собой закупоренный сосуд, где имеется вход для дурного дела, а выход открывается только по воле мужчины. И если такового нет, то сосуд может переполниться искомым дурным делом и в один прекрасный момент лопнуть. Неплохая мысль, не правда ли? Не зря же пророк Тун говорил:

«Женщина есть диаволов сосуд»).

Самое хреновое — так это то, что Грогар находился там же и смеялся над речами Дио до колик в животе.

— Какой же я был негодяй, — покачал он головой. — Теперь и я в подобной же ситуации. Ну ничего. Мы еще посмотрим, кто кого.

Тем временем давно стемнело и, судя по звездам, было уже далеко за полночь. Грогар вошел в лес, на слух отыскал там ручей, напился ледяной воды, развел небольшой костерок, съел оставшийся кусок мяса, показавшийся ему необычайно вкусным лакомством, еще раз попил воды — и улегся спать на охапке мягких веток, подле уютно потрескивавшего огня.

28

Ночью ему приснился Дио. Принц, небрежно развалившись в кресле, перелистывал книжку. С десятков разряженных в пух и прах дам и кавалеров внимательно, подобострастно слушали его, не забывая в нужный момент охнуть, хихикнуть, похлопать в ладоши.

— Так-так-так, — протянул Дио. — Что тут у нас? «Приключения его светлости ярла Грогара Хтойрдика, знатнейшего и высокороднейшего князя, в долине Круг Смерти». Имеется и подзаголовок: «Подлинная история прославленного подвига бесстрашного рыцаря, сразившегося со злым колдуном, сиречь отродьем Тьмы, приспешником Безглазого и богохульником — да гореть ему в геенне огненной! — записанная Леогериусом Тарабар-Трантабальдским». А названьице, а названьице-то! Вот, господа, взял на себя труд прочесть сию поэму — увлекательнейшая вещь, скажу я вам! Хотите знать, о чем она?

Все дружно закивали и защебетали, точно стайка воробышков.

— Ну так я вам расскажу, — смиловившись принц. — Небезызвестный вам Грогар попал в эту самую долину случайно. По пьяни, знаете ли. Так бывает, причем исключительно с дураками. А вы знаете Грогара — дурак-человек. Так вот. По большей части в книженции какие-то маловразумительные вещи — монстры, предсказания, то-сё... и еще Матерь Гор — что она есть такое, я вообще не понял, что, кстати, могу сказать и обо всем сочинении.

Короче! Перейду прямо к концовке. Она, как вы можете догадаться, счастливая. Грогар победил злодея и освободил из заточения... кого бы вы думали? Ни за что не догадаетесь. Да бросьте вы, Руальд. Какую такую Маргариту де Флау из Монта-Блааса? Она-то каким боком туда затесалась? Вы бы еще мою, хе-хе, сестрицу сюда приплели. Нет-нет! Он освободил девочку, простите, крестьянку!

(Все как один ошеломленно закачали головами и закатили очи горе).

— Вы только представьте себе! Грогар, значит, дурак-человек, допёр на собственном горбу раненого слугу до... до... как там... до Северных Врат, где имелся выход наружу. А потом побежал выручать — о боги! — крестьянку! Нет, то, что он не бросил слугу подыхать, это я понимаю. Судя по тому, что тут написано, слуга тот был очень умен. Ежели мы будем разбрасываться такими людьми, то ни к чему хорошему это не приведет. Но рискнуть своей шкурой ради нищенки?

Смеетесь. Ну что ж. Вам смешно, а меня все это наводит на грустные мысли. Ему не хватало любви.

(Лица придворных как по команде приняли скорбное выражение).

— О! Да-да! Не хватало. Грогар был одинок. Одинокое детство в мрачном темном замке.

— Но... у Грогара, кажется, была большая семья? — не то спросила, не то робко возразила одна дама.

— Да-да, — сердито подтвердил Дио. — Семья-то большая. И вся она (семья то есть) буквально таяла, видя тот волшебный, прелестный цветок, имя которому, — тут принц понизил голос до шепота и с томлением произнес: — Миранда. Миранда!

(Придворные с недоумением переглянулись — уж не влюбился ли Дио?)

— А Грогар, — не обращая внимания на переглядывания присутствующих, продолжал Дио, — этот гадкий, заплеванный всеми, презираемый, убогий мальчик, физиономией напоминавший коня...

— Какой же он гадкий? — недоуменно спросили сразу несколько дам. — По-моему, он очень даже ничего. Да, ничего, красавчик. И совсем он на коня не похож, неправда это. Так ведь?

(Раздались смущенные смешки).

Дио, понимая, что его искусно сотканная нить рвется, капризно сжал губы.

— Э-м-м... это сейчас... э-м-м... он сейчас ничего, но в детстве, уж поверьте мне, он был... страшен. Да-да. И это даже мягко сказано. Бедняга влюбился в совершенство, богиню красоты — Миранду, Миранду! и пронес это неразделенное чувство, тщательно скрытое в тайниках души, оберегаемое им, леле... леле... лелеемое... взлелеемое... тьфу! Ну, вы поняли меня.

— Лелеемое, — подсказал кто-то.

Но Дио не обратил на подсказку никакого внимания.

— Всю жизнь он бессознательно тянулся к ним — к цветам, — срывал их...

29

Грогар проснулся в холодном поту.

— Проклятье! — воскликнул он. — И приснится же такое? — Перед его глазами все еще стоял до жути правдоподобный сон, как будто Грогар прошедшей ночью наблюдал за неким театральным действием. — Ах ты сволочь! Паскудник! Сукин кот, дрянь! Мелочь сопливая! И есть-то — от горшка три вершка! Это я-то срываю цветы? Это у меня-тс физиономия коня? На себя бы посмотрел: стоит чуть поднатужиться — соплей перешибешь! Барашек тряпошный! Каналья! Уродец!

Дио, великий и ужасный Дио, на самом деле был тщедушным человечком с преогромным носом и толстыми ярко-алыми губами. В свои двадцать пять лет принц уже обладал большой плешью; говорил слегка присвистывая, так как между двумя передними верхними зубами у него имелась щель толщиной чуть ли не с мизинец, о чем не преминул вспомнить охваченный праведным гневом Грогар:

— Лысая шепелявая скотина. Думаешь заарканить Миранду? Не бывать этому! Да она скорее переспит со свинопасом, нежели возляжет с тобой, мозгляк!

(Что правда, то правда).

Но тут Грогар умолк, ибо внезапно осознал, что размахивает руками и орет благим матом в полном одиночестве — в дикой глуши на краю света. Да и предмет его негодования вовсе не Дио, а его же сон, воображение.

И он рассмеялся.

— Ну, чудак! Препираюсь со сном. Какая же ты все-таки нахальная тварь, милейший Дио! Даже во сне сумел мне напакостить.

Новый взрыв хохота.

Умывшись и напившись родниковой воды, Грогар отправился в путь, отбросив всяческие сомнения, страхи, мечты, вымыслы и тому подобное. Он постарался сосредоточиться на дороге и внимательно вглядывался в темноту леса, подмечая все шорохи, странности.

Частые смены настроения от тоски до отдающего безумием веселья, разговоры с самим собою напугали ярла. «Чем меньше думаешь, тем целее будешь, братишка, — убеждал он себя. — Будущего нет. Есть только настоящее и цель, к которой я стремлюсь. Пока не достигнута цель, нечего и думать о том, что будет. Я должен, черт побери, взять себя в руки. Я охотник. И я же — добыча, а это значит, что только собранность, предельная концентрация, ничем не одурманенный разум спасут нас обоих».

Прошел час, другой, третий.

Хвойный лес постепенно сменился лиственным, расцвеченным осенью множеством оттенков желтого и красного. Попадались и деревья, уже сбросившие листву, и таких становилось все больше.

Грогар, вновь почувствовав жажду, углубился в чащу, надеясь найти там ручей. Он уже не думал, что вода — презренная вещь. Наоборот, он научился ценить ее.

Хтойрдику пришлось зайти довольно далеко, пока он не наткнулся на то, что искал. Но, едва зачерпнув воды, ярл сразу отчетливо ощутил запах. Вода отдавала старой падалью.

— Вот незадача, — буркнул он. — Видать, выше по течению какая-то зверюга подохла.

Через сто шагов Грогар обнаружил источник заразы, и им оказался человек, погруженный в воду лицом вниз.

Не без опаски ткнув тело копьем — дабы убедиться, что мертвец действительно мертвец, — ярл осмелел, перевернул труп и ахнул: перед ним лежал... Ардамен.

Некоторое время Грогар тупо глядел на мертвого поэта, недомертвеца. Затем вытащил его на берег и, преодолевая отвращение (Ардамен выглядел еще хуже, чем прежде: весь раздулся и стал чем-то похож на ту самую жабу-клоуна), похлопал его по щекам.

— Эй, дружище! — неуверенно произнес ярл. — Очнись! Ты как? Умер, что ли? А?

Едва он сказал это, как осознание абсурдности происходящего опять заставило его рассмеяться.

— Так-так. Пытаюсь привести в чувство давнишний труп. Это уже повод для серьезного беспокойства.

Грогар решил похоронить беднягу. Отыскал подходящий овраг. Положил туда бранные останки, завалил камнями, обложил ветками.

Помолился.

— Покойся с миром, брат. Ты был хорошим человеком и после смерти.

30

Следующее происшествие, приключившееся с Грогаром уже во второй половине дня, и вовсе было из ряда вон.

Впоследствии, годы спустя, Грогар вспоминал тот случай не раз и признавался, что он ему запомнился сильнее всего, причем весь Круг Смерти стал прочно ассоциироваться с увиденным тем днем на старой дороге, ведущей в замок колдуна.

Но не стоит забегать вперед. Обо всем по порядку.

Проводив в последний путь Ардамена, Грогар с полчаса шел вдоль ручья, пока не осмелился напиться из него, моля богов, чтобы никакая зараза не попала внутрь. Тут же путник нашел дупло, где находилось шесть яиц мохноногой сычи, а может, и какой другой птицы, — по-видимому, только что снесенных, так как они были еще теплые. Пользуясь тем, что хозяйки гнездовья нет поблизости, Грогар съел их, запил водой и вышел на дорогу.

Вскоре лес по обеим сторонам тракта сменился: теперь путника окружали сплошь голые деревья — черные и мертвые. На их ветвях тесной кучей сидело воронье племя всех мастей: галки, грачи, сороки, серые вороны. И все они внимательно смотрели на него.

Не зная, чего ожидать от этих тварей — как бы сказал Лунга, порождений Тьмы, — Грогар крепче сжал копье и ускорил шаг.

Одна птица — судя по размерам, самый настоящий ворон — сорвалась с места и стала медленно кружить над незванным гостем. И пока она — крупная и черная как смоль, — тяжело взмахивая крыльями, словно древний старец, парила над ним, все остальные — никак не меньше полусотни — вдруг принялись дружно каркать.

Со всех сторон неслись самые разнообразные звуки: хриплый, скрежещущий выкрик, наверняка принадлежавший некоей властной птице; торопливое глухое бормотанье в ответ; ленивое неспешное порывивание и нахальное раздражающее карканье. Кажется, они разговаривали друг с другом, может, даже что-то взволнованно обсуждали. Грогар был поражен тем, как эти, на первый взгляд, безмозглые, существа переглядывались, перескакивали с места на место, возбужденно трясли головами.

Увлечшись необычным зрелищем, ярл и не заметил, как на плечо ему уселся старый

ворон, и, оттого сильно перепугавшись, с несвойственной ему поспешностью согнал наглеца.

Тот невозмутимо опустился на землю прямо перед ним. Грогар подумал, глядя на него: «Как странно, что я наделяю этих птиц человеческими качествами, такими как горячность и хладнокровие». Ярл посмотрел на ворона и...

...и услышал:

— Ты сейчас похож на кретина, дорогой.

Неизвестный говорил в точности как ворона — грубо и трескуче. Грогар вздрогнул и испуганно осмотрелся.

— Не туда смотришь, глупец! Вот он я, прямо перед тобой.

И тут Грогара осенило. Он медленно, будто сомневаясь, окинул взглядом неподвижных, притихших птиц и остановил взор на вóроне.

— Да, это я, — сказал ворон.

— Ты?

— Именно так. И зовут меня Тун.

— Чего-чего?

— Ты что, глухой? Или дурак?

— Нет.

— А чего ж переспрашиваешь? — Ворон по имени Тун важно прошелся взад-вперед.

— Признаться, я в растерянности, — ответил Грогар, ошеломленно глядя на своего собеседника. — Не каждый день видишь говорящую ворону.

— Во-первых, не ворона, а ворон — разница большая, знаешь ли. Во-вторых... — здесь Тун осекся и пытливо посмотрел на Грогара.

— Что «во-вторых»? — не выдержал ярл.

— Ты тайны хранить умеешь?

— Я дворянин... — неловко начал Грогар, но ворон бесцеремонно перебил его:

— Только не надо клясться. Не надо. За свою долгую жизнь — а это немало лет, уж поверь мне, — я услышал множество клятв. Это плохо. И глупо. Не клянись, прошу тебя.

— Хорошо-хорошо.

— Рад слышать. Не будем терять времени. Скажи-ка мне, что ты за человек и зачем сюда пришел?

— Так-так. — Грогар, убедившись, что ничего плохого ему не грозит, успокоился и осмелел. — Сначала ты, уважаемый Тун, хотел мне кое-что рассказать, а теперь сам задаешь вопросы. Что это значит?

— Я поторопился. Поспешил, знаешь ли. Ты производишь впечатление доброго человека. Но это ничего не значит. Нам нужно убедиться, что ты хороший и тебе можно доверять. Ты первый, — добавил ворон как бы между прочим, — кто забрел в эти покинутые божественной милостью края по доброй воле за последние сто лет.

— Так уж и первый?

— Что ты имеешь в виду?

— А разбойники, искатели сокровищ колдуна?

— Ах, эти... Так далеко еще никто не заходил. Люди боятся приближаться к замку. И... они нам не нравятся.

Ворон подошел поближе.

— Ну? Расскажи нам. Может, мы тебя-то и ждали столько лет...

— Неужто моя физиономия внушает доверие?

— Дело не в физиономии. Дело в душе. Разбойники, охотники — они приходят за сокровищами колдуна. И мы стараемся не попадаться им на глаза, ибо страх, настороженность выдают их. Но тебя привела не корысть, а что-то другое, — мы чувствуем это. Поделись. Поделись, прошу.

У Грогара что-то перевернулось в душе. Сколько страдания скрывалось за последними словами Туна. Он рассказал. Присев на валун на обочине, ярл поведал всё странному собранию, возглавляемому загадочным вороном, носящим имя великого пророка. Всё — начиная от злополучной попойки в деревенской таверне, кончая похищением Лилии колдуном.

Тун внимательно слушал, склонив голову набок и сверля Грогара черными глазками-бусинками, но стоило молодому человеку закончить, как тут же поднялся страшный гвалт. Птицы внезапно сорвались с места и, точно в панике, сталкиваясь друг с другом, улетели.

Старый ворон помедлил, покружил около Грогара и сказал напоследок:

— Мы еще встретимся.

И улетел.

Грогар, ничего не понимая, смотрел вслед удаляющейся стае, летящей на юг — прочь от замка.

— Вот и поговорили, — пробормотал он. — Уж не сплю ли я?

31

Вечером пошел дождь. Грогар как раз достиг места, где дорога разветвлялась сразу на четыре пути. Не успел он решить, куда податься дальше, как хлынул настоящий ливень. Грогар основательно промок, пока отыскал высохшее кривое дерево, у корней которого имелась обширная полость, где он и укрылся.

Убежище находилось прямо напротив развилки. Там стояла глыба высотой по грудь, правильной прямоугольной формы, с выщербленной поверхностью, покрытой вьющимися растениями и белесым мхом. Спасаясь от дождя, Грогар все же заметил на ней какие-то письмена и теперь сторал от любопытства.

А дождь все лил и лил, то стихая, то припуская с новой силой. Вдали, сквозь стену льющейся с небес воды, под тот дробный перестук капель, который всякий человек готов слушать бесконечно долго, ярл различил темные силуэты. Он подумал вначале, что это новый, неведомый враг, и перепугался, но, взглядевшись, понял, что то, должно быть, статуи, памятники богам либо предкам, и вздохнул с облегчением. Их было немало — Грогар насчитал с десятков размытых дождем фигур разной формы и величины.

Когда дождь кончился, Грогар первым делом подошел к глыбе. Он попытался прочесть надпись, что оказалось непростой задачей по причине древности монумента. Некоторые слова удалось разобрать, и они поставили Хтойрдика в тупик.

— В тенетах... — бормотал ярл. — Чего-чего? Любви? Гм... Когда... дальше не понять... толкает в... в путы? Нет, не в путы. В омут, что ли? Вроде омут. А здесь чего? Опять любовь? Ничего не понимаю. А вот тут — о, это слово хорошо сохранилось! Разочарование и том... том... томление. Ба, да здесь стих о любви! Вот это да! А где же «направо пойдешь — смерть найдешь, налево — будешь бит»? Или какое заклятье, либо же грозное предупреждение, пророчество, наконец? Стих о любви! С ума сойти! Куда я попал!

Сбитый с толку оным открытием, Грогар озадаченно осмотрелся. Статуи действительно

оказались статуями, что не могло не радовать. Несмотря на безжалостную руку времени, основательно потрепавшую изваяния, ярл все же разглядел их и понял, кого они изображали.

И усмехнулся.

Когда-то здесь находился сад, место уединения и любовных свиданий. Коита — бог чувственных наслаждений у нечестивцев и греховодников этноидов — его выдающееся мужское достоинство сохранилось практически в неприкосновенности; Барду — покровитель поэзии, один из Пантеона Святых Отцов — он, увы, пострадал, но не лишен был величия; Бенив — древнее архаическое божество гаратов, покровительница воров и разбойников, всегда изображавшаяся почему-то обнаженной; был и Эха — прабог и создатель вселенной, — представленный в самом неприглядном виде, и многорукие боги Акшты, и пышные нимфы Дольгтрасира, и много кто еще.

Между тем солнце уже практически село, и Грогар решил заночевать в дупле, где он с таким успехом спасался от дождя. Но не успел он сомкнуть глаза, как в воцарившейся вокруг неестественной тишине раздался чей-то шепот.

Недолго думая, Грогар вылетел из укрытия с копьём в руке и замер с открытым ртом.

Неподалеку стоял босоногий низкорослый, круглый, как бочка, старичок с седой веерообразной бородой и в широкополой — пожалуй, слишком широкополой — соломенной шляпе. Одет он был в выцветшую накидку и широкие штаны, называемые у южных народов шароварами, во рту — курительная трубка с длинным и тонким мундштуком.

— Ну вот и мы и встретились, — прокаркал старикашка знакомым голосом. — Все как я и обещал.

— Тун? — недоуменно спросил Грогар.

— Он самый. Видишь? — старикашка указал на небо. — Солнце зашло. Теперь я человек. Вернее, тень его. Вроде как призрак. Но ты не бойся. Покорнейше прошу, пойдём со мной.

Грогар колебался.

— Без нас ты не найдешь дороги к замку колдуна, — сказал Тун. — Вокруг него лабиринт. И потом, думается мне, мы можем помочь еще чем-нибудь.

— Чем может помочь призрак? — насмешливо поинтересовался Грогар.

— Ну, много чем. Много советов можем дать. Много чего поведать. Пойдем. Мы — тс бишь я и мои братья, — надеемся на твою помощь. Ничего предосудительного. Решайся.

— Это далеко? — все еще сомневаясь, поинтересовался Грогар.

— Не так уж. С час.

— Откуда я знаю, что ты не колдун?

Старичок посмотрел на него с лукавой улыбкой.

— Ниоткуда. Придется тебе мне довериться. Ибо у тебя нет выхода. Как я сказал, лабиринт ты вряд ли пройдешь, и к тому же тебе нечего есть, и ты ничего не знаешь о *Нём*.

— А кто вы такие?

— Мы-то? Мы с братьями — жертвы зла.

Сказав это, старикашка бодро, торопко засеменил босыми ногами по земле, устланной каким-то прахом (должно быть, опавшими листьями, за сто лет превратившимися в пыль). В руке его засияло волшебное светило, имевшее вид яркого шара, на который, если дунуть — оно притухнет, если встряхнуть — оно разгорится.

«Хорошая вещица, — подумал Грогар. — Мне б такую».

Пока шли, старик так часто и круто менял направление, что Грогар совсем растерялся и

совершенно не понимал, где находится. Ему казалось, что они кружат на месте, — никакого смысла в их блуждании он не видел. Они пересекали выложенные булыжником аллеи, обходили стороной полуразрушенные кирпичные заборчики высотой по пояс, и всюду темнел безжизненный — без единого листочка и травинки — лес.

Из увиденного Грогар заключил, что замок, верно, недалеко, однако не обрадовался открытию, а наоборот, как-то сник, и потом, его мучила мысль, правильно ли он сделал, доверившись старику-ворону? Брось он его тут — и этого будет достаточно. Но чутье подсказывало ярлу: может, это судьба послала ему товарища? Всё-таки, как ни крути, уже само по себе это отчаянное предприятие, на которое он осмелился, являлось чистейшим безумием.

«Чистейшее безумие!» — именно так и выразилась бы Миранда.

Наконец они пришли. На опушке, вокруг одного-единственного волшебного шара, источавшего дрожащий ало-оранжевый свет — неплохая имитация костра, — сидело в три ряда около пятидесяти человек. Все бородатые, в темных просторных рясах, неподвижные, задумчивые. Их худые изможденные лица, отмеченные печатью долгих страданий, поразили Грогара.

Он долго смотрел на освещенные мягкими всполохами магического светила лица и видел в них... надежду. Надежду, что вела их все эти годы, надежду, чьи похороны и чье воскрешение они наблюдали, верно, множество лет. Надежду, превратившуюся в темный холодный сгусток, в эфемерную, лишённую всякого смысла субстанцию, сидящую в их подсознании, словно неизлечимая болезнь. И в этом он убедился сполна чуть позже.

— Учитель, учитель... — зашептали они. Несколько человек низко поклонились старику.

Тун благосклонно покачал головой.

— Садитесь, садитесь, — махнул он рукой и обратился к Грогару: — Вот и наше братство. Присоединяйся. Отведай дары, предоставленные этим краем, покинутым святым Неведомым и Непознанным, олицетворяющим в себе истину и Свет Вечный. Будучи е птичьим обличье, мы облетели долину и насобирали... вот. Подкрепись, друг. — И Тун подвел гостя к кучке ягод, грибов и орехов, сложенных горкой на листе лопуха. — По ночам мы бесплотные призраки, — продолжал старик, — но днем у нас есть когти, клюв и крылья, чем мы предусмотрительно и воспользовались. Ешь, ешь, тебе еще понадобятся силы.

Грогар не заставил себя ждать и с жадностью набросился на еду. Подкрепившись, он поинтересовался:

— А где же ваши... как бы сказать? птичьи тела?

— Спят, — с добродушной и немного простоватой улыбкой отвечивал Тун. — Спят и видят сны. Вон они, над нами, на ветвях.

Грогар задрал голову и впрямь увидел среди скрюченных веток застывших, словно истуканы, ворон. Они безмятежно дремали, поджав одну ногу и сунув клюв под крыло.

— Ага, — сказал ярл. — Все понятно. Что ж, готов вас выслушать.

— Не знаю, с чего и начать, — замялся Тун.

— С самого начала.

— А есть ли оно?

— У всякого дела есть начало, так же, как и конец.

— В нашем деле конец не наступил или же длится вот уж столетье, и оттого мне кажется, что и начала нет.

— И все же, — настоял Грогар, отправив в рот пару ягод ирги.

— Мы долго спорили... — тянул Тун-учитель.

— Короче. Что вы хотите от меня?

— Книгу! — выкрикнул кто-то из заднего ряда. — Нам нужна книга! Добудь нам ее!

— Помолчи, Иерофант, — строго сказал Тун. — Да, мы хотим книгу. Мы хотим, чтоб ты добыл... выкрал у колдуна... э-э-э... книгу. Ту самую, бесовскую, коей он пользуется.

— Сборник детских сказок? — невинно поинтересовался Грогар.

— Чего? — не понял старик. — Каких сказок?

— Никаких. Я пошутил. Шутка это, понимаешь? Так, вспомнилось...

Тун взглянул на Грогара с подозрением.

— Эта книга называется... — вновь подал голос неугомонный Иерофант, но Тун поспешил прервать его:

— Замолчи! Не упоминай! Не оскверняй нас диаволовыми штучками! Негоже!

— А почему? — не унимался Иерофант. — Все мы хорошо знаем, что это за книга, и неоднократно, во время наших ночных прений, говорили мы о ней. Что изменилось сейчас?

— Сердце болит! — вдруг закричал Тун не своим голосом. — Сердце, братья, болит! Замолкни, несчастный! Кто из нас тун — ты или я?

Но Иерофант ничего не ответил — то ли его утихомирили, то ли он потерял интерес к беседе, а может, он пожалел старикашку, забавно схватившегося за сердце. Хотя вот в чем вопрос: может ли болеть сердце у призрака?

— Да, — тяжело вздохнув, произнес тун (оказывается, это было не имя, а титул!). — Мы просим тебя добыть книгу, а после — сжечь. И чтобы ты понял, что к чему, я расскажу тебе нашу историю.

— Только кратко. Я не собираюсь сидеть здесь до утра и выслушивать ваши склоки.

— Хорошо-хорошо. Мы — братство детей Света Вечного. Наш бог — Неведомый, Непознанный, начало и конец, суть мироздания...

— А, я понял, — бесцеремонно прервал его Грогар. — Вы нечтопоклонники. Можете не продолжать. Переходите к сути дела.

— Обидное наименование, — капризно поджав губы, сказал Тун. — Но я стерплю. Да, братия?

Но братия молчала, взирая на своего предводителя, как оказалось, с неприязнью, а на самого ярла — с плохо скрываемой злостью.

Секта нечтопоклонников, как знал Грогар, образовалась в те же времена, что и церковь Святых Отцов — главенствующая религия в Форнолде, та самая, со ста двадцатью одним божеством. И секта эта напрочь отрицала весь Пантеон, взамен ста двадцати одного бога предлагая одного — Непознанного. По их мнению, бог один и представляет собой существо навроде сосуда, куда вливается вся человеческая, как они говорят, экзистенция, то есть мысли, чаяния, стремления и прочее. От человека зависит, станет ли Свет Вечный или, в простонародье, Нечто, добрым богом или злым. В общем, религия эта была крайне противоречивая, со сложной иерархической структурой и замысловатой философией. Сторонники Пантеона всегда преследовали нечтецов, называя их новой гогошидской ересью, а лет пятьдесят назад, стараниями ныне здравствующего стодвухлетнего первосвященника Элдрика, бывшего в то время Великим Инквизитором, они были изгнаны из королевства в пески Гаратии и в Вольные Города запада.

— Итак, — торжественно, словно читая молитву, начал Тун, — вы, как знатный и

просвещенный человек...

— Минуточку! — сказал Грогар. — А откуда вы знаете, что я знатен, уважаемый Тун? Кстати, Тун — это имя или... что это вообще?

— Знатного человека видно издали, — с легкой улыбкой произнес Тун. — Ты, друг мой, хоть и грязен, и бородат, — Грогар тут же ощупал подбородок и с удивлением обнаружил, что основательно зарос, — но мой глаз не обманешь. Я не стал бы доверяться пустому проходимцу, бродяге какому-либо.

Кто-то фыркнул — должно быть, Иерофант.

— Что до моего имени, — продолжал старик, — то оно не имеет значения. Важно другое. Тун — это и имя, и призвание; ноша, кою я должен нести. Иначе, туном в нашей общине зовется всякий, познавший мудрость, накопленную отцами, и способный одарять ею других. А так как мы ведем историю нашего братства от пророка Туна, впервые сказавшего слово о Свете Вечном (глава 24 книги Деяний и Свершений), то отсюда и сие наименование. К сожалению, пророк, совращенный идолопоклонниками, пошел впоследствии по ложному пути, но откровение его живо и горит неугасимым пламенем в наших сердцах.

— Впечатляющая проповедь, — сказал Грогар. — И про пророка Туна, совращенного идолопоклонниками, — это мне понравилось. Представляю, что бы сделалось с Лунгой, услышь он это.

— Истина горька и подчас уродлива, сын мой. Ты знаешь, каким гонениям подвергались мы. Инквизиция Пантеона убивала моих братьев, бросала в темницу, наши священные тексты сжигались, как лютое зло. И мы искали ответ на вопрос — почему же так происходит? В чем корень зла? Где то гниющее семя, заражающее смрадом человеконенавистничества всё гумно? И мы нашли ответ. Книга.

— Опять эта книга.

— Да-да, книга. Колдовская книга. Уж не знаю, откуда она взялась и кто ее написал. Но несомненно то, что Непознанный, являющийся не чем иным, как зеркалом души человеческой, наполнился бы чернотой, источаемой той мерзостной книженцией, и на земле нашей, и так стонущей от засилья грешников и нечистости, наступил бы век жестокости, век мрака. Не спрашивай меня, как мы прознали о ней. Только мы преисполнились намеренья уничтожить ее. С этой целью отправились в далекий этот край. Но... было поздно.

Тун умолк, погрузившись в воспоминания.

— Ну не томи, продолжай, — поторопил Грогар.

Вместо него слово взял молодой парень с робким взглядом, сидевший рядом с ярлом.

— Мы явились в самый разгар странных событий, — сказал он. — Трагических событий, так до конца и не понятых нами.

— Да, Маландро, расскажи, — поддержал его Тун.

— Зная, что колдун содержит охрану, — охотно продолжил Маландро, — стерегущую вход в долину, мы и не надеялись попасть туда. Полагались на случай, на везение. Кое-кто из нас предлагал перевалить через горы. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что Северные Врата... там никого не оказалось. Более того — по пути к замку мы так и не встретили никого. Долина словно вымерла. Странная, зловещая, какая-то напряженная тишина царила вокруг. Происходили те события в один из летних месяцев. Было жарко, солнце палило нещадно. Мы шли по дивному парку — вы бы видели его, господин! — он весь благоухал и искрился красотой и великолепием. Чудесное,

возвышенное место. Помню, мы остановились, замороженные открывшимися видами. Перед нами предстал замок — величественное сооружение, совсем не похожее на жилище черного мага. Мы растерялись. Красота не может таить в себе зло...

— Эх, братец, — произнес Грогар, — как же ты заблуждаешься.

В ответ на реплику ярла молодой человек внезапно заплакал.

— Ну-ну, Маландро, не надо, — похлопал его по плечу серьезный мужчина, глаза коего в неверном свете волшебного шара показались Грогару черными как смоль. — Он у нас самый молодой. Трудно смириться с мыслью, что ты... умер таким молодым. Да-да, — прибавил он, будто оправдываясь, — я считаю, что жизнью это назвать нельзя, а посему мы — мертвы. Что же касается наших приключений, то тут я согласен с юношей — сей край действительно поразил нас до глубины сердца. Видно было, что здесь обитал человек высокой души. Гармония, чистота, изысканность, вкус. Деревня — там, выше, у гор, вы, наверное, видали — с ее красными крышами и резными заборчиками, живописное озерцо, лабиринт-сад — сказка! При всем при этом замок, на мой взгляд, был несколько мрачноват. Он очень сильно контрастировал с остальным великолепием...

— Погоди, брат Анно, — вмешался пришедший в себя Маландро. — Я сам продолжу.

— Разумеется. Уступаю тебе.

— Достигнув того самого места, где вы и повстречали нас в обличье ворон, мы остановились, пораженные открывшимся нам необычайным видением. Деревья, трава, цветы — все вдруг почернело, ссохлось, точно в одно мгновение пронеслось целое столетие; солнце потускнело так, будто на него набросили полупрозрачную ткань, а нас... а нас словно обдало волной... волной страха, беспокойства. То состояние не передать словами. Может, это как рождение, как обретение мечты, и в то же время как... смерть. Ее дыхание. Проклятие.

— Брось трепаться! — воскликнул Иерофант. — Сказал бы сразу — в тот момент мы превратились в пернатых тварей. Мало хорошего, скажу я вам. Как будто вам перемололи в порошок все кости. Вот тебе и обретение мечты.

— Да, — грустно и смиренно согласился Маландро. — Именно так.

— Но еще, — сказал Тун, очнувшись наконец от раздумий, — мы наблюдали и другие метаморфозы. Мы слышали крик или вздох — казалось, сама земля вздрогнула. Из замка вылетело множество черных теней, похожих на хлопья сгоревшей бумаги. Иерофант вон утверждает, что то были птицы — маленькие и уродливые страшилища.

— Ладно-ладно, — сказал Грогар. — Все это очень интересно. Но мне хотелось бы знать, как попасть в замок, есть ли слабости у колдуна, уязвимые места... словом, все, что касается практической стороны дела.

Воцарилось молчание. Тун смотрел на Грогара непонимающими глазами.

— Ребята, вы же хотите, чтобы я сжег вашу книжку? — добавил сбитый с толку Грогар. — Ваша трагическая история тронула меня, но... не пора ли к делу?

— Анно, может...

— Нет, учитель, давай-ка ты сам. Ты заварил эту кашу, ты и расхлебывай.

Учитель воспроизвел непонятный звук, показавшийся Грогару не то выдохом, не то кашлем, и обратился к тучному человеку (читай — призраку), с большой плешью на голове и короткой курчавой бородой.

— Тул, может, ты? Ты много интересовался личностью колдуна и всей этой... мерзостью.

— Пожалуй, — бодро отозвался Тул, и предоставление ему слова, как мы увидим ниже, стало серьезной ошибкой. — Колдун, оно, значит, — а имени мы его не знаем, вот оно что, — он молод. Молод он, и это мы знаем наверняка. Точно, точно. (Хочу особо выделить тот факт, что в замок — в сердце, так сказать, в обитель колдунову... колдунова... мы проникнуть не можем ни в птичьем, ни в челове... простите, призрачном... э-э-э... виде... э-э-э... облике). Были, конечно — это так, о! это так, — и смельчаки. Например, Брорий Кипарийский, Сергей из Данцунга...

— Приятель, — опять он, Иерофант. И обратился он на этот раз к гостю. — Если ты хотел заморочить себе голову, то лучшего способа тебе не найти.

— Почему? — поинтересовался Грогар.

— Сейчас Тул начнет нести всякую чушь о Гаде.

— Это не чушь! — вознегодовал Тул.

— Закрой пасть, придурок.

— Братия, братия! — закатив глаза, хрипло выкрикнул Тун. — Братия, сердце, сердце!

— Вот видишь, — визгливо воскликнул кто-то, — видишь, чего ты добился, негодяй?!

— Да не смей меня, Дахо! Кому плохо? Призраку?

— Моя теория о вечно ждущих не чушь! — громовым голосом проревел Тул.

— Сердце! — хрипел Тун, потихоньку заваливаясь набок.

— Успокойтесь, давайте по-discутируем! — воскликнул Анно. — Иерофант, ты бы помолчал. И вы, учитель, не надо строить из себя...

— Глупца!.. — Иерофант.

— Тишина. — Анно встал и царственным жестом простер над собранием руки. — Раз уж разговор зашел о парадоксе Гада, то давайте-ка, как цивилизованные люди, обсудим проблему.

— А как же я? — спросил Грогар. — Вы обо мне не забыли?

— Потерпите, пожалуйста, друг наш. До утра далеко, а так как мы знаем не так много, то и передать вам информацию, в которой вы нуждаетесь, не составит труда.

Грогар хмыкнул и, приняв расслабленную позу, стал наблюдать за происходящим.

— Вам слово, Тул. Разъясните еще разок, в чем суть вашей теории.

— В первый раз, — напевно заговорил Тул, — когда я пришел в общину, я подумал — ведь мир полон зла. Как же может великий боже оставаться при этом чистым? Мне возражали — и возражали, значит, о! еще как! — что, мол, и добра делается немало, что уравновешивает, так сказать, силы. Да-да... А я спрашивал — приведите примеры-то! Но примеры... оно... ну, ничего, значит, невразумительного... вразумительного — мало! Зла больше. Несомненно. Долгое время — а так оно и есть, уж поверьте, — я мучился этим... вопросом. И вот однажды, по примеру учителей нашей веры, искавших истину в самых простых вещах, я, значит — и это правда, — э-э-э... навестил свою больную матушку. То есть она сильно болела. Так вот, значит. И я услышал, как в горячечном бреде моя бедная матушка все призывала какого-то ... гада.

— Наверняка то был какой-нибудь ростовщик, — усмехнулся Грогар.

— Правильно, брат! — Иерофант все больше нравился ярлу. — Или пристав, пришедший описать твоё имущество, братишка Тул. Мы-то знаем тебя как облупленного, купчишка херов!

— Замолчи, замолчи, несчастный! — прошипел Тул. — Если Свет Вечный и почернел, то твоими стараниями, скудоумец!

— Ха-ха-ха! — демонстративно рассмеялся Иерофант.

— Кто такой этот Иерофант? — тихо спросил Грогар у Маландро. — Что-то не похоже, чтобы он принадлежал к вашей конфессии.

— Вы правы, сударь — ответил Маландро. — Наш орден милостив, поэтому мы подобрали его, побитого, на обочине дороги, и выхаживали как могли. Вот он и прибился к нам, но не уверовал, увы.

— Почему его не видно?

— Он постоянно остается в тени. Наверное, это профессиональное. Иерофант — вор бывший вор. Ирония судьбы — как раз он превратился в сороку.

— Это навело меня, — продолжал между тем Тул, — на одну мысль. Откуда мы знаем, что Непознанный — заметьте — Непознанный! — является существом, так сказать, иррациональным? Мы, смертные, не можем постичь то, что принципиально непознаваемо, следовательно, все разговоры о его сущности несостоятельны. Да-да, друзья мои. Думаю, и глубокоуважаемый брат Иерофант согласится со мною! — последнюю фразу Тул проорал.

— Иди ты в жопу!

— Хорошо. То есть... сам иди туда. Я хотел сказать, что, на мой взгляд... структура Вечного Света...

— Наоборот, брат мой, наоборот, — поправил его Тун. — Свет Вечный. Не путай.

— Извините, учитель, извините. Структура Света Вечного далеко не так проста, то есть хотел сказать, не совсем... э-эх! Не имеет простого совсем структура...

— Успокойся, брат, соберись с мыслями.

— Во, видали? — произнес Иерофант. — Бедняга так нафилософствовался, что сам себя не поймет.

— В нём! В нём! — внезапно закричал Тул, вскочив с места и пригрозив огромным кулачищем невидимому противнику. — В нём должно — должно! — существовать понятие ожидания!

— Сядь и не кричи, — строго велел Тун.

Тул нервно уселся.

— Ожидания Гада, — обиженно буркнул он. — Разве с вами не бывает такого — вы все ждете кого-то, сами не зная кого? Такое смутное чувство?

Люди (призраки) недоуменно переглянулись и пожалы плечами.

— Значит, вы никогда не прислушивались к себе, к своему внутреннему голосу? А зря. Вы не слышали, как шумит дождь, не видели, как ветер гонит по небу облака. Вы не были одиноки, вот так, внезапно. Все уже в доме спят, солнце садится, и последние лучи его, пробиваясь сквозь дождевую завесу, шлют вам прощальный привет. Когда я ощутил это, я понял, что есть еще... нечто, воплощающее в себе... надежду. Это, по-моему, основополагающее понятие — вселенскость. Гад — это вселенскость.

— Извините, — мягко вмешался Анно. — Поэтический образ, приведенный вами, очень живописен, но поконкретней: что есть такое — Гад?

— Это бездна, куда справляет нужду Непознанный! — выкрикнул Иерофант.

— Ну знаете, дорогой мой! — возвысил голос доселе спокойный Анно. — Это уже прямое богохульство!

— Бе-э! — Ярл не взялся бы утверждать, но, по-видимому, Иерофант показал язык.

Это стало последней каплей.

— Вселенскость, всеобъемистость! — потешно возопил Тул. — Как же вы не

понимаете?

— Не понимаем! — ответил Дахо. — Никак не понимаем!

— Да он спятил! Выдумал еще одно божество! Решил устроить нам тут Пантеон! Малс нам одного!

— Гад — трансцендентальное понятие! Он неотделим от Непознанного! Вместе они образуют Гармонию!

— Ерунда!

Тут поднялся невообразимый шум. Все стали кричать и переругиваться.

— Гад, пlying в эфемерном небытии, пропускает чрез себя нечистые помыслы людей, донося лишь самое значительное!

— Вы хотите сказать, что Непознанный сидит себе в какой-нибудь клетке, точно дикое животное, и питается тем, что подкинет ему ваш Гад?

— Да-да-да! Не совсем так, но суть верна. Вот уж сто лет я талдычу вам об этом!

— Богохульство! Непознанный, оказывается, ничего и не познает? Богохульство!

— Кошунство! Надавать ему по мордысе!

— А у меня вопрос!

— Братия! Помилуйте! Сердце же, братия!

— А у меня вопрос!

— Непознанный всемогущ и не нуждается в посредниках!

— А у меня...

— Закрой пасть, идиот!

— Нуждается! Непознанный только ожидает! Ожидает!

— Кого?

— Гада, дурни вы этакие!

— А у меня вопрос!

— Да иди ты со своим вопросом!

— А почему Гад?

— Тщедушцы вы твердолобые, оказии, подшлепки, черви ползучие!

— Сердце!

— Почему Гада надо ждать? Или надо ждать Непознанного? Ничего не понимаю...

Вершиной спора стало непотребное поведение Тула, продемонстрировавшего всем свой голый зад. Свершив этот акт, бедняга сел с самым обиженным видом и умолк.

Отойдя подальше в тень и прислонившись к дереву, Грогар продолжал прислушиваться к спору, пока незаметно для себя не уснул.

Сон его был тревожен, ночь — холодна, отчего он то и дело просыпался. Один раз, открыв глаза, он обнаружил себя на той же самой поляне. Монахи исчезли, деревья почему-то оделись летней зеленью, земля покрылась палой листвой, где-то ухала сова. Это место было... живое, настоящее.

Проснулся Грогар затемно и почти не удивился, увидев, что привидения монахов-нечтецов продолжают спорить, правда, уже не так ожесточенно, как нынче вечером. Он не стал их слушать и собрался в дорогу.

— Вас проводить? — спросил неслышно подошедший Маландро.

— Валяй.

— Вам в ту сторону. Пойдемте, я вам покажу.

И они неторопливо двинулись в направлении, указанном юношей.

— Вы ведь не будете искать книгу, правда?

— Не буду. А может, и буду. Кто его знает, как там обернется. Может, в ней вся соль. —

Грогар взглянул на парнишку. — Вы ведь так и не рассказали мне о колдуне. Ночь прошла, считай, зря.

— Да, наверное, так и есть, — кротко согласился Маландро. — Простите нас. За сто лет братья, похоже, потеряли разум.

Грогар усмехнулся.

— Опасайтесь лабиринта, — неожиданно горячо сказал юноша. — Он... он живой.

Грогар остановился.

— Не спрашивайте меня больше ни о чем, — виновато проговорил Маландро, опустив глаза. — Я мало что знаю. Да, многие из нас пытались проникнуть туда и больше не возвращались. А некоторые предпочитали другой выход — стать смертной птицей и умереть ею, полностью утратив связь со своей человеческой сущностью. И я стоял на пороге этого. На краю бездны. Но бездна — это не смерть, как многие думали. Не очищение, а погружение в грязь, в пустоту, в ничто. Вновь и вновь возрождаться в теле вороны. Это ужасно. Вы знаете, я ненавижу себя в обличье птицы. Я не могу смириться с этим. Я хочу умереть как человек. Господин, — Маландро с мольбой взглянул на ярла, — молю вас, уничтожьте все это. Колдуна и замок. В этом случае — уверен — мы, безумцы, исчезнем, обратимся в прах. Я жажду этого! Вы не представляете себе, какая это мука — сто лет находиться между жизнью и смертью. Мне все равно, попаду я в рай или сольюсь со Светом Вечным, но я умру. Как человек.

Грогар до глубины души растрогался откровением юноши.

— У меня нет слов, — сказал он в ответ. — Не знаю, куда иду и с чем мне придется иметь дело. Поэтому и не обещаю ничего. Прощай. Хотелось бы пожать тебе руку, но... сам понимаешь.

— Да.

Грогар еще помедлил, словно хотел что-нибудь добавить к сказанному, но передумал и зашагал прочь.

— Идите по этой дороге прямо! — крикнул ему вслед Маландро. — Пока не дойдете до моста!

Невеселые мысли одолевали Грогара. Он шел по каменной дороге, почти незаметной взгляду, — так сильно затянуло ее землей. Лишь кое-где поблескивали серебром в необычайно ярком свете луны круглые гладкие камни.

То, о чем поведал Маландро, только утвердило Грогара в мысли относительно причины, по которой так недолюбливали секту нечтопоклонников. Из-за большого количества самоубийц, хотя, конечно, отдаленная связь с учением Гогоша все же имелась. Пантеон строжайше запрещал накладывать на себя руки, грозя разнообразными карами, увещевая, наставляя. Нечтецы — другое дело. Ни дня не проходит без войн, моровых поветрий и прочих бед, а это значит, что Непознанный чернеет и наливается злом. Человек, упорствуя в стремлении самоистребляться, не желает внимать проповедям адептов Света Вечного. Где же выход? А он один — пожертвовать собой, и благодаря этому Неведомый хоть ненадолго, но воссияет, и мир станет чище и добрей.

Но мы-то знаем, что добрее не станет.

Часто бывало так, что нечтецы отправлялись на тот свет толпами. Сто пятьдесят лет назад в столице, на площади, прямо перед королевским дворцом тысяча нечтопоклонников устроила самосожжение, надеясь таким образом не только спасти мир от зла, но и выразить протест против жестоких репрессий, развернутых королем Михаилом Свирепым, отцом легендарного Кнуда Смутьяна, в отношении их единоверцев. Постепенно в ряды секты стали вливаться люди, желавшие примирить свою совесть с желанием самоубийства. Они гибли по своим причинам, потакали своим слабостям и считали, что обманули... кого? Богов?

Маландро из их числа. Интересно, почему же он не полетел в замок колдуна? Если там желанная смерть, то не лучше ли улететь туда перед закатом?

Значит, что-то его останавливало. Страх? А чего можно бояться, кроме смерти? Нечтопоклонники смерти не страшатся, а ад отрицают.

— М-да... — усмехнулся Грогар. — Отрицают, но все-таки страшатся.

Между тем рассвело. Наступил промозглый, пасмурный день. Накрапывал мелкий дождик. Дорога исчезла окончательно, а дебри стали практически непроходимыми. Впереди громоздились дичайшие заросли. Черные, искривленные, точно пораженные страшной болезнью, растения переплелись между собой самым причудливым образом. Грогар без устали махал импровизированным копьём, прорубая себе путь, весь исцарапался, разодрал одежду и спустя два часа, совсем выбившись из сил, пробился к мосту.

Слева, метрах в ста, виднелось круглое, как монета, озеро, окруженное стоящими в воде вязами, тополями и дубами. Оно ярлу показалось невероятно глубоким из-за черной и неподвижной глади — притягательная и устрашающая картина.

Из него выходила речушка, а может, и ров, ибо тянулась эта полоса воды вдоль лабиринта, окружавшего замок со всех сторон. Через нее вел затонувший мост — его смутные очертания выступали под темной гладью реки. Две широкие линии массивных каменных перил находились почти на поверхности — по ним Грогар и решил пройти. Он оторвал длинную палку и осторожно ступил на них.

Пока он медленно, боком, шаг за шагом перебирался на другую сторону, постукивая перед собой палкой, его охватил такой страх, что ярл чуть не упал в воду. Ему стали

мерещиться жуткие твари, глядящие на него с ненавистью из бездонной глубины, даже почудились какие-то огоньки, блеснувшие неподалеку. Мучительно долго текли минуты, Грогар хотел зажмуриться, закричать...

Едва ступив на другой берег, Хтойрдик с превеликим облегчением растянулся на земле. Пожалуй, это слишком. Он никогда так не боялся. Было в этом страхе что-то... колдовское. Страх лип к нему, как паутина, проникал внутрь, заставляя каждую клеточку организма съезживаться и замирать.

Лабиринт находился в двадцати шагах от реки. Грогара удивила свежесть вьющихся растений, густо облепивших стену, сложенную из плохо обработанного кирпича. Но, присмотревшись, он поразился: растения расцветали и увядали прямо на глазах. Из-под влажной комковатой глины выползали червеобразные корни, змеей струились к стене, и вскоре тысячи листочков, шелестя и трепыхаясь, пожирали так стремительно увядшие стебли, которые пеплом опадали на землю, впитываясь в нее и даря жизнь новым росткам.

«Вот в чем дело, — подумал Грогар. — Лабиринт и впрямь живой. Он пьет соки земли и за сто лет так преуспел в этом, что всё вокруг вымерло».

Колдун, судя по всему, был неординарной личностью. Любителем поэзии, чувственных наслаждений и красоты; он страшился внешнего мира — стена лабиринта, больше похожая на защитное сооружение, нежели на «изюминку», как говаривал в свое время Тиверий Алесский, на это ясно указывала.

Грогар уныло брел вдоль стены — вход отсутствовал. Он обошел вокруг замка и, к своему безмерному удивлению, обнаружил, что никакого парадного подъезда к цитадели и даже просто тропинки к ней нет и в помине. В конце концов ярл в отчаянии взмахнул копьем, намереваясь стукнуть по ней, как вдруг, словно испугавшись, стена расступилась, образовав проход. Недолго думая, Грогар вошел внутрь — проход тут же затянулся, будто его и не было, — и ярл очутился в коридоре, между двух точно таких же стен.

— Лабиринт, черт меня побери! — возбужденно воскликнул Грогар. — Это уже кое-что. Осталось только победить злодея и освободить принцессу — всего-то. Тьфу, я уже разговариваю, как эта каналья Дио.

Но радость быстро сменилась унынием. До самого вечера блуждал он по лабиринту в тщетных поисках входа в замок. Он колотил по стене копьем, надеясь на фокус с проникновением внутрь; пытался ориентироваться по солнцу, точнее, по тому бледному пятну, что висело в затянутом мрачными тучами небе; исследовал коридоры, совершенно одинаковые, оставляя в том или ином месте царапины на стенах, — все напрасно. И в один прекрасный момент он понял — все, надо остановиться. Решение придет само и окажется простым — это было, если хотите, жизненное кредо Хтойрдика.

Грогар прилег у стены, благо в лабиринте царило тепло — можно сказать, что здесь цвело настоящее лето, — и попытался заснуть.

Проснулся Грогар среди ночи — и сквозь сон услышал шорох. Небо очистилось от туч, и снова появилась большая луна. Замок нависал темной громадой, точно закутанный в саван мертвец, и его тонкие шпили касались, кажется, самих звезд.

Грогар протер глаза, с трудом поднялся и внезапно столкнулся с... Ним.

Он был молод и обладал утонченной красотой, свойственной представителям знатнейших родов: бледное лицо, тонкие губы, прямой нос, высокий лоб, жидкие волнистые волосы до плеч, глаза — скорее печальные. Облачен в кремового цвета дублет с элегантным стоячим воротником и множеством мелких золотистых пуговиц. Широкие оборчатые

бриджи; белоснежные чулки; лакированные остроносые туфельки с серебряной пряжкой; пальцы унижены дорогими перстнями — именно так одевались столичные щеголи сто лет назад, во времена Кнуда Смутьяна.

— Я ждал тебя, — тихо произнес Он.

Грогар всмотрелся в Его лицо. В Его глаза...

— Боги... — прошептал он, отступая на шаг. — Не может быть...

— В чем дело? — невинно спросил колдун. — Мы знакомы?

— Ардамен...

33

Грогар сидел, прислонившись к стене. Уже давно наступил новый день, такой же пасмурный, что и вчера. Мужчина чувствовал слабость во всем теле, голова кружилась — сказались последствия недоедания, или, скажем прямо, голода. В последние дни он и так питался чем попало и крайне нерегулярно, а сейчас и вовсе остался ни с чем, — прихваченные с собой в лагере нечтецов ягоды кончились еще вчера вечером.

Грогар не думал об этом, но это произошло. Ему не хотелось есть, что внушало опасения. Преодолевая вяжущее по рукам и ногам оцепенение — безмятежное, бездонное, — он все блуждал по лабиринту, пока совсем не обессилел. Утром он пытался запрыгнуть на стену, чтобы по верху добраться до вождельного замка, но безуспешно — слишком она была высока, да и злобные вьюнки нещадно кололись и мгновенно опутывали его, грозя задушить в своих смертельных объятиях.

Грогар сидел, прислонившись к стене, а растения мирно произрастали, обходя его стороной, словно все понимая, словно они — его тюремщики, занятые повседневной рутинной, в которой нет места узнику.

— Сволочи, — прошептал Грогар, адресуясь ко всем: ползущим тварям, колдуну, монахам-нечтецам, Матери Гор.

Он вспомнил встречу с колдуном. С Ардаменом. Она закончилась так же быстро, как и началась. Колдун не сказал ничего определенного, лишь пробормотал что-то невнятное и ушел, опасно озираясь. Грогар бросился за ним, звал его, проклинал, угрожал — тщетно. Колдун исчез и больше не появлялся.

Хтойрдик поежился: в лабиринте, в царстве вечного лета, сегодня значительно похолодало, и ярл был благодарен холоду, ибо тот спасал его от забвения.

— Надо дождаться следующей ночи, — твердил мужчина эту фразу как заклинание. — Надо дождаться... он придет... Но что я ему скажу? Надо знать, что ему сказать. Не дать ему убежать. А если он не придет? Что тогда? Нет... только не это. Голодная смерть. Нет...

Глупая, безрассудная смерть. Грогар придавал большое значение тому, как он умрет. И ему было небезразлично, что подумают о нем люди после его смерти.

Смерть.

Сколько раз во время этого затянувшегося «приключения» он сталкивался с ней? Он все говорил, что счастливчик, но разве может удача сопутствовать тебе всюду? Когда-нибудь ей это надоест.

Итак, что-то надо делать, как-то надо выбираться. Ночью у него был шанс, и, вполне возможно, колдун почувствовал это. Иначе как объяснить столь поспешное и нелогичное бегство? И вообще, кто он? Как он связан с беднягой Ардаменом? Эти вопросы не давали Грогару покоя. Он понимал, что оказался в безвыходном положении, ослабевший,

беспомощный. Он сам загнал себя в ловушку.

Грогару казалось, что ответ кроется в самой личности колдуна. Он издавна испытывал склонность к изучению судеб людей — таких вот, как этот... Виктор — будем называть его так. Когда-то Грогар живо заинтересовался Протэосским бунтарем и немало помучил библиотекарей, ученых, литераторов и прочих расспросами о нем — сам-то ярл читать книги не любил. А вот совсем недавно... эх, да что там говорить. Нет сил.

Но Виктор! Виктор показался ему малодушным, изнеженным юношей. Его облик мале вязался с образом, нарисованным покойным исследователем древностей: колдун — мрачный необщительный человек, одевавшийся во все черное и носивший с собой всюду старый облезлый рундучок. До чего же странная и противоречивая фигура этот колдун! Да и колдун ли он? И что такое это чудище, похожее на жабу? И где же, наконец, сам зверь?

Вопросов много, и ни одного ответа.

— Дьявол бы побрал этих никчемных нечтопоклонников, — буркнул Грогар. — Сто лет просидели на заднице ровно и только и знали, что препираться друг с другом. Хоть чем-нибудь бы помогли, стервецы. А с другой стороны — они ведь призраки, зачем им, кроме того, что они и так уже знают, еще что-то? Как бы я повел себя на месте... скажем, Маландро?

Дальше Грогар забылся-таки тревожным сном. Он изредка просыпался, окидывая невидящим взором возвышающиеся перед ним стены, покрытые торопящимися прожить свою недолгую жизнь растениями. Может, в них все дело? Растения пьют соки земли, пьют саму жизнь. Вот, оказывается, откуда пошли тутехи... Они, верно, созревали на стенах, точно плоды, затем падали и уползали в поисках жертв. Насытившись чужой жизнью, чертовы отродья возвращались и выплевывали ее, насыщая мертвую почву чьим-то бытием, радостями, страданием...

Если бы Грогар видел, как безумно смеялся в этот миг.

Долго лил мелкий дождь, стекая по свалывшимся от грязи волосам, по бороде, просачиваясь под одежду, смачивая его всего насквозь.

Голова кружится. Нет, лучше сон, глубокий, бархатный сон. Действительность отдается болью в висках, дрожью в измученном теле.

Что-то ему снилось, что-то интересное, но, открывая глаза — единственно, чтобы узнать, наступила ли ночь, — Грогар опять стремился закрыть их, заснуть и досмотреть. Но ничего не помнил.

Ночь.

Ночь? Он уже не понимает, пришла она или нет.

Грогар пробудился, если можно назвать то полубредовое состояние, в котором он пребывал, бодрствованием.

Снова потеплело. Днем здесь царила осень, а теперь — лето. Как странно...

— Слушай, колдун, — шептал Грогар в пустоту. — Что ты прячешься? Ты боишься меня? Почему?.. А-а, я знаю...

Как же болит голова. Боги, как же тяжело сохранять рассудок.

— Я знаю, ты не колдун, — с усилием проговорил Грогар. — Ты неудачник, Виктор. Неудачник, вот ты кто! Тебе меня не сломить. Не сломить, черт побери...

Нет, он же бредит. В голове возникают бессмысленные фразы.

— Не сломить...

Большая — величиной с пятилетнего ребенка — тряпичная кукла, изображающая

клоуна, ветхая и потрепанная, похожая на старика, с висящими на нитках глазками-пуговками и разорванным до грязного пуха носом, — она внушает страх.

Обшарпанная дубовая дверь всегда закрыта, а за ней слышатся голоса — веселые беззаботные голоса подвыпивших гостей.

Ссутулившаяся фигура — одинокий старый человек уходит в сгущающиеся сумерки, прижимая к груди узелок с припасами. Старик боится оглянуться.

Фонарь, висящий на крюке, раскачиваясь, бросает последние отсветы на изгнанника. Его жалко, его ведь отчаянно жалко. Хочется подбежать, схватить за руку и извиниться.

Но нет. Нельзя. Старшие братья грозно смотрят на него сверху.

— Он злой человек, — говорит один. — Забудь.

— Не забуду, — еле слышно прошептал он. — Я найду его.

Дубовая дверь всегда закрыта. В углу вечно ждет старая унылая кукла-клоун.

Грогар опять вынырнул из небытия. Прямо перед ним висела большая луна.

— Здесь ты, неподалёку. — «Что со мной происходит?» — Я знаю. Смотришь, как я схожу с ума. Радуетесь? Нет?

Хочется подбежать, схватить старика за руку и извиниться.

И увидеть злорадную ухмылку дьявола.

Дубовая дверь. Старая кукла. Но стоит отвернуться, как она скалит зубы в своем темном углу.

34

Тихий меланхоличный голос. Он один звучит в пронзительной звенящей тишине, как будто Грогар находится в огромном куполе.

Она всегда была там. Я не мог выкинуть ее. Она была оберегом и в то же время проклятием. Однажды, в Адортуре, я убил комедианта. Просто так. Хотя нет, что это я... Он был похож на него. На этого дьявольского клоуна. Я не мог даже прикоснуться к нему. Я боялся его и в то же время боялся остаться без него. Ненавижу клоунов. Братья говорили мне: «Что ты, выкинь его». А я не мог. Я сам себя приговорил. Таков я.

Вот так я и рос. Любопытный, в меру порочный, со своими страхами и предпочтениями. Совсем как в поэме:

«Сном серебристым и виденьем строгим

Он вскормлен был. Тончайшим излученьем,

Изысканным звучанием питали

Земля и воздух избранное сердце...»

— Где ты? — спросил Грогар. — Покажись...

— *Однажды, — послышалось в ответ, — братья... у меня было два брата старше меня: на десять и четырнадцать лет, — и все мы были сиротами: родители погибли во время осады Бура войсками Вильгельма Пагоргского. Мы — последние отпрыски рода Саич... Так вот, братья повели меня на рынок. И там мы наткнулись на лавку книготорговца. Он предложил нам купить волшебную, по его словам, книгу сказок. И показал нам ее. «Откроешь ее один раз, — говорил он, — там одни сказки, откроешь в следующий — совсем другие».*

Если бы я знал, что она станет моим проклятием!

Той же ночью тот старик — книготорговец — вдруг, к величайшему моему изумлению, обнаружился в моей комнате. Удивительный был человек — скромный, щуплый,

образованный. Но я забегаю вперед. Итак, он спросил меня: «Хочешь познать истину?» — так и спросил. Я опешил и заплакал. Но потом вдруг — для самого себя, представляешь? — ответил: «Хочу!». Станный ответ для мальчика девяти лет.

Старик улыбнулся и исчез.

А спустя два дня мои братья привели ко мне учителя грамматики, и им оказался... тот самый старик.

Три месяца Белиар — так его звали — учил меня искусству магии. Книга, что он нам продал, оказалась и впрямь волшебной. Она называлась «Книга Гения». Белиар утверждал, что ее сочинил сам Безглазый. С годами я убедился, что таких шарлатанов, каким являлся Белиар, по нашей стране скитается немало. Отличие Белиара от других состояло в том, что в его руках была настоящая «Книга Гения» Элиазара Проклятого.

Хм, Белиар... Элиазар... Может, это он и был?

Но нам никогда этого не узнать, правда ведь?

— О чем ты? — прохрипел в ответ Грогар — Кто такой Элиазар? Это Гогош? Это... Боги, как же болит голова... Это Гарро? Дио? Лёлинг? О чем я? Что я плету? Это... это ты? Кто ты? Кто ты?!

— О самой книге чуть позже, а сначала обо мне — ведь ты же хочешь знать, кто я на самом деле? Мои братья вскоре прознали, что Белиар учит меня не совсем тому, чему надо, а именно — старик водил меня в лес и на примере кошек и собак показывал, как правильно приносить жертвы демонам, много рассказывал о Гогоше, Элиазаре и прочих.

Элиазар — это ученик Гогоша. Именно он написал книгу, которую приписывают Гогошу. Это так, к сведению.

Братья, пребывавшие в тот момент в самом расцвете юности, купались в роскоши и долгое время не желали слушать предостерегающих доносов прислуги, яростно невзлюбившей Белиара. А мы между тем активно готовились... к человеческому жертвоприношению, ибо близилось полнолуние — ночь всех демонов.

К счастью, до этого не дошло. Моя престарелая нянька Анна пала в ноги братьям прямо во время одной из вечеринок — бедняжка вбила себе в голову, будто мы ее хотим убить. Гостей, разумеется, позабавила эта сцена, и они возжелали посмотреть на смутьяна.

Белиара привели, и кто-то — не помню кто, кажется, один из чиновников магистрата — вспомнил, что данный субъект проходил лет десять назад у них по делу о самоубийстве трех девочек, которых он обучал словесности и литературе.

Вот так и изгнали старика-книготорговца из нашего дома. Не могу сказать, что сильно горевал по этому поводу, но все же был расстроен.

Юношей я активно изучал всевозможные науки,

Чем святы миф и быль, я постигал

И чувствовал: чуть повзрослев, покину

Свой очаг и дом, взыскав истин

Таинственных в неведомых краях...

Вот так примерно и было. Я испросил у братьев, бывших моими опекунами, разрешение попутешествовать, посмотреть мир и без промедления отправился, едва мне исполнилось семнадцать.

Пять лет бесцельных странствий. Я побывал в Этнойе, в Вольных Городах, в Аките и других центрах Южных островов, даже побывал на краю мира, в Пулне и Амароке. Сколько

людей самых разных цветов кожи, сколько верований и культов, сколько городов! Не могу не вспомнить строки из той же поэмы:

...он следовал, как тень
Природы, по стезям ее заветным
Туда, где багровеющий вулкан
Свои снега и льды овеял дымом
И пламенем; туда, где смоляные
Озера вечно гложут наготу
Утесов черных; видел он пещеры
Зубчатые, извилистые — вдоль
Опасных русл, в которых яд и пламя
Бушуют, чтоб корысть не заглянула
В звездистый храм, где золото, где алмазы,
Где залам нет числа...

А зачем? Что я искал? Знаний? Может быть, я хотел познать все тайны книги, всегда бывшей со мной? Скажу честно — меня тошнило от великого множества проходимцев, представлявшихся магами, знатоками, волхвами и прочее. Единственное, что я вынес из тех странствий — это обширные сведения об Элиазаре и его труде, да еще и страсть к поэзии и красоте. В южных странах красота — главное божество. В переносном смысле, конечно.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил Грогар. — Замолчи...

Монотонный, лишенный эмоций голос раздражал, давил всей громадой воображаемого купола; ярл чувствовал себя червем, ничтожеством.

Не берусь судить о себе — со стороны виднее, — но мне кажется, что я противоречив, двойственен. Я уже упоминал об этом, не так ли? Впервые мне сказал о моей противоречивости один из приятелей — эстетствующий мизантроп с душой поэта. Думаю, путешествие на юг помогло мне несколько иначе взглянуть на мир и привила моей пропитанной ядом натуре страсть к развлечениям и эротике.

Пришло время вернуться в родные края. И там меня ждало потрясение. Братья оказались по разные стороны баррикад: старший, Бартоломе, сохранил верность королю, средний, Горацио, примкнул к геньерам, сторонникам брата Кнуда Смутьяна Луи Великолепного. Как известно, геньеры проиграли, и Горацио был обезглавлен вместе с принцем и сорока другими бунтовщиками.

Бартоломе присутствовал на казни и делал вид, что радуется. Я застал его поздним вечером в его вилле на Набережной Дианы — он пребывал в глубокой тоске. Он оправдывался передо мной, говорил, что пытался образумить Горацио, но Горацио его не послушал. Меня он попросил уехать как можно дальше от столицы, что я вскорости и сделал.

Спустя полчаса после моего ухода Бартоломе повесился.

Сделавшись таким печальным образом единственным наследником огромного состояния (бедные братья мои, увлекшись политикой, дворцовыми интригами, распространенными во времена Кнуда Смутьяна, не торопились обзаводиться семьями), я уехал из столицы и обосновался здесь, в Цурке. Так возник этот замок и лабиринт — идея виконта Иара Кольгердбургского, великого выдумщика, — и все, что здесь есть.

Но самое главное — по пути сюда я встретил... ее. Прошу меня извинить, но ее

красоту лучше всего выразить строками из той же поэмы:

*...на звук он обернулся
И увидал при теплом свете жизни
Пылающие прелести ее
Сквозь покрывало, сотканное ветром,
Нагие руки, кудри цвета ночи,
Сияющие очи и уста
Отверстые, трепещущие пылко.*

Виктор надолго умолк. Повисла тягостная тишина. Но Грогар ждал, затаив дыхание. Он знал, что колдун еще не все сказал.

— Не знаю, довелось ли кому-нибудь из людей узнать, что тот, кого ты любил больше всего на свете, — не человек. Она поиграла мной и... прокляла. Хотя проклятие — не совсем верное слово. Скорее, она так поступила из любопытства.

Да, я собирался рассказать еще и об Элиазаре и книге... Нет. Не буду. Грустно мне стало. Прощай.

35

Грогар очнулся на земле, лежа лицом в серой угольной грязи... «Нет, в прахе», — подумал он.

Все та же ночь... или уже следующая — кто знает? Прежняя усталость никуда не делась, но в голове ошутимо прояснилось. Грогар перекатился на спину и вдруг обнаружил вокруг себя выщербленные, заросшие мхом, облепленные крапивой и ракитником стены лабиринта. Ему почудилось, будто он оказался в столичных трущобах, среди мусора и руин, — так реалистично и до безобразия уныло было длившееся всего несколько секунд видение.

Но оно исчезло, и все возвратилось на свои места: магическая поросль, большая луна, похожая на суровое око какого-нибудь божества, таинственный замок и ощущение чьего-то присутствия.

— Твоя слезливая история меня ничуть не тронула, слышь ты, поганец! — закричал с неожиданной для себя силой Грогар. — Пошел ты к черту, эстетствующий мизантроп с душой поэта! Я все равно до тебя доберусь и отберу у тебя Лилию! Трус ты, Виктор, или как тебя там?! Слышал я про твоих братьев! Забыл, кстати, как тебя зовут... В хрониках ведь имя твое мелькало... Виктор! Точно, Виктор! Эта история потрясла тогда многих! Вот только ты их недостойн, псевдо-колдун, псевдо-поэт и псевдо, черт побери, человек! Даже бездна отказалась тебя принимать, мизантроп! Проклятие Матери Гор, разрази меня гром! Ха-ха-ха!!! Почему она так поступила, как ты думаешь?

Злость придала Грогару сил. Он с трудом поднялся и, пошатываясь, пошел туда, где, как ему показалось, должен был быть Виктор — его и правда так звали, здесь Лёлинг не ошибся, хотя во всем остальном глубоко заблуждался. Интересно, про Хорна он сам выдумал или вычитал где-нибудь в Королевской библиотеке?

С каждым шагом в Хтойрдике закипала ярость. Он преисполнился мрачной решимостью довести дело до конца.

— Я буду бодаться, пока не сдохну! — прорычал Грогар и тут же попытался взять себя в руки: — Однако не надо сходить с ума. Хладнокровие, вот что необходимо мне сейчас.

Виктора нигде не было видно. Но Грогар о нем даже и не думал. Все мысли его занял лабиринт. Он задумчиво побродил по пустынным однообразным коридорам и неожиданно остановился.

— Пусти, — тихо сказал он.

Стебли дьявольского вьюнка змеились с прежней скоростью, издавая еле слышное потрескивание. Шумел ветер за рекой, мимо луны проплыла одинокая тучка.

— Пусти, — повторил Грогар. — Пусти! — произнес он громче. — Ты ведь живой? Тогда ответь мне, зачем я тебе? Ты же слышал его откровение? Неужели тебе хочется служить ему? Или ты служишь ей? И что же она тебе говорит обо мне? Убей его? Раздави его? Нет, нет! Пусти. Я не сдамся. Не знаю, чем я могу тебе навредить, но клянусь, я клянусь! Я найду способ!

Грогар напряженно всматривался в окружающее.

— К тебе никто не обращался с подобными словами? Ты был забавой даже для тех, кто умирал внутри тебя. Отпусти меня. Прошу.

Грогару показалось или выюнок действительно замедлил свое движение? Ярл сделал шаг, еще один. Свернул вправо. Еще десять шагов, еще раз вправо — и он вышел на широкую дорогу, пронзавшую весь лабиринт от реки до самого замка. Оставалось удивляться, как он не набрел на нее, когда обходил вокруг лабиринта. Он точно знал, что этой дороги не было — чтобы выяснить это, он затратил немало времени.

— Мистификация, — пробормотал Грогар.

Дорога — или же парадный подъезд — была выложена мрамором, причем во многих местах плитки отсутствовали или их попросту выкорчевали: на соседних треснутых кусках виднелись царапины от заступов и ломов. Это обстоятельство немало озадачило Грогара. По бокам дороги через каждые два метра чередовались друг с другом постаменты, по большей части пустующие, хотя кое-где еще сохранились сильно пострадавшие от времени статуи пухлых ангелочков с массивными чашами, в которых когда-то выращивали цветы. Сейчас в них поселились пырей, лебеда и осот.

— Мистификация, — повторил Грогар. — Чертовщина.

Он взглянул на замок, находившийся совсем рядом, и внезапно оробел. Странное возбуждение охватило мужчину. Вот он у цели — и страшится сделать шаг. Грогар еле слышно выругался и решительно двинулся к замку.

36

Как оказалось, лабиринт был довольно-таки широк — метров сто-сто двадцать. Замок, находившийся в центре этого «каприза», показался Грогару весьма неприветливым и мрачным. Ночь мешала рассмотреть цитадель во всех подробностях, но тем не менее ярлу сразу же стало ясно, что сие строение в полной мере вобрало в себя всю темную сторону души его хозяина.

Оказавшийся при ближайшем рассмотрении еще больше, чем выглядел, он походил на оцетинившегося многочисленными шипами дракона. Вокруг каждой из колонн — Грогар насчитал штук двадцать, — поддерживающих портик над входом, таилось искусно выполненное изваяние какого-нибудь сказочного чудовища. Были здесь покрытые бородавками инкубы, бесстыдно выставившие напоказ свое гениталии; василиски, все покрытые чешуей; волколаки с невероятно большими глазами; колябры — змееподобные духи-тени; анку — тощий старик, сидящий на куче черепов; виверны, гули, кобольды, додены, шнеи, бодахи, агурахи и, конечно же злой дух монтанов — тутеха, выполненная в виде барельефа прямо над парадными дверьми, испещренными какими-то зловещими надписями, явно не имеющими ничего общего с любовным стишком на глыбе. Причем — Грогар заметил — двери являлись точной копией Северных Врат, с той лишь разницей, что вместо образов святых там красовались изображения нечистой силы.

Стены замка также были покрыты фресками на тему монстров и чертей, перечислять которых не имеет смысла, ибо на столь мерзостные создания смотреть совсем не хотелось.

Чуть выше, прямо над забранными решеткой стрельчатыми окнами, стены переходили в острые зубцы, такие частые, что все башни, порталы и своды дворца становились подобием оцетинившегося копиями грозного войска, спускающегося с гор.

Словом, весь дворец состоял из острых углов, он улетал вверх, теряясь в сумраке, как огненный столб, выметнувшийся из бездны.

Двери были приоткрыты, и изнутри лился призрачный синеватый свет. Грогар заглянул — и тут же отпрянул, ибо увидел внутри с десятков чудовищ, полукругом столпившихся в

вестибюле. Все они, казалось, внимательно смотрели на него.

— Это уже слишком, — сказал Грогар, пятясь назад, подальше от замка. — Мне не справиться с таким количеством монстров.

Он остановился метрах в двадцати от дверей; было тихо; изнутри не доносилось ни звука — ни рычания, ни воя, ни топота ног, копыт, лап. «Они что, неживые?» — подумал Грогар и вспомнил странную неподвижность их неестественно скрюченных поз. Они не были статуями, но не были и живыми существами. Живое, разумное существо — его присутствие незримо ощущается, может быть, пресловутым шестым чувством: тебя охватывает трепет и ты знаешь, что сейчас, за углом, за дверью, за стеной ты кого-нибудь повстречаешь, и обычно оказываешься прав. Но не сейчас.

Сейчас лишь холод.

Грогар осторожно шагнул внутрь и снова отшатнулся, но усилием воли подавил в себе страх. Он ступил внутрь здания.

Вестибюль был хорошо освещен бледным туманным светом, источник коего ярл так и не рассмотрел. Вокруг причудливого каллиграфического знака посреди залы столпились престранные существа — без сомнения, порождения безумного и извращенного разума, которым мог быть только Безглазый.

С дрожью в ногах, преодолевая отвращение, борясь с желанием броситься наутек, подальше от этого дьявольского места, Грогар поочередно обошел всех тварей.

Слева, у дверей, стояла обнаженная девушка с очень и очень привлекательным телом и четырьмя безобразными щупальцами вместо головы, которые обвились вокруг девичьего стана, словно стремясь задушить. Около нее находился тонкий юноша с правильными, но несколько угловатыми чертами лица, напоминавшими Виктора. Его тело чуть ниже пояса плавно перерастало в металлическую клетку, в которой он и сидел, причем у юноши имелся огромный рот с большими зубами, похожими на обломки кирпичей, — ими он с выражением остервенения на лице вцепился в прутья клетки.

Дальше находилось валявшееся на полу бесформенной массой беспорядочное переплетение змей; рядом — ангел-младенец с черными, точно опаленными, крыльями — и лицом, как будто облитым кислотой. Толстый бородатый мужчина, одетый в суконный камзол и коричневые поношенные ботфорты, внешне не имевший никаких изъянов, примостился на полу, точно мешок с репой, и, похоже, спал. Но, приглядевшись, ярл заметил, что из его приоткрытого рта торчали черви.

Человек с ободранной кожей и расколотой надвое головой, битком набитой насекомыми. Невероятно уродливое существо, представлявшее собой четыре сросшихся человеческих тела, и еще несколько столь же мерзких и кошмарных созданий — все как на подбор одно страшнее другого. Венчал весь этот адский бал до боли знакомый жабообразный клоун с певучими волосами-колокольчиками.

Ярл, чувствуя, что его сейчас стошнит, торопливо взбежал по широкой раздваивающейся лестнице наверх.

Второй этаж — галерея с балюстрадой и множеством комнат — оказался пуст и заброшен, если не считать уже набивших оскомину статуй нимф и сатиров, стоявших в самых неожиданных местах и позах: страстно обнимаясь и даже совокупляясь; ржавых доспехов на страже у каждой комнаты; огромных темных, истлевших картин и сгнивших, осыпавшихся чучел трофейных животных: лосей, кабанов, тетеревов. Похоже, что Виктор внутреннее убранство замка выполнил в традиционном для аристократа ключе, приукрасив

фривольными сценками.

— Очень интересно было бы побывать здесь тогда, когда всё это еще жило, — проговорил Грогар, стараясь не смотреть вниз. — Сочетание демонизма с эротикой. Страх и возбуждение. Надо бы взять этот прием на вооружение.

Он принялся заглядывать во все комнаты, но не нашел там ничего интересного. В основном спальни, где присутствовал все тот же чувственный антураж, основательно подпорченный древесным жуком. Еще обнаружились пыльные кабинеты и одна библиотека, в которой царил невообразимый бардак.

— И здесь кто-то был и что-то искал, — задумчиво произнес Грогар, глядя на кучу сваленных книг.

Осмотрев каждую комнату, ярл по одной из четырех лестниц поднялся на третий этаж и очутился в коридоре, что полукругом примыкал к единственному помещению, в которое вело два входа. Одна двустворчатая дверь была заперта изнутри, другая нет, и Грогар поспешил зайти.

Внутри оказалось гораздо светлее, и свет — такой же холодный — исходил откуда-то сверху. Грогар поднял голову, но увидел лишь высокий сводчатый потолок, изукрашенный сценами из «Пиршества дураков» — легендарного сочинения, приписываемого королю Георгу Сумасбродному, подарившему Форнолду целых тридцать сыновей и не меньшее количество бастардов, свары которых привели к войне за престол, закончившейся отделением от королевства герцогств Вууденрох и Пагорг.

Вдоль стен помещения были развешены бордовые занавеси с вышитыми цветками. Грогар сразу же догадался, что это — миниатюрная копия лабиринта. Он бросился вперед, раздвигая тяжелые портьеры. Пару минут ярл отчаянно барахтался в них, пока наконец не достиг цели.

В центре комнаты, все убранство которой дышало свежестью, напротив окна с наглухо запертыми ставнями, стояла широкая кровать без балдахина, как будто хозяин хотел, чтобы его любовницы видели то бесстыдство, коим мог похвастать потолок. На ней лежала на спине, раскинув руки, Лилия, — девочка безмятежно спала. Неподалеку, в центре пентаграммы, нарисованной красной краской — а может, и кровью, — стоял на коленях обнаженный по пояс Виктор. В руках он держал инкрустированный драгоценными камнями кинжал с причудливо изогнутым лезвием. Колдун что-то бормотал, делая в воздухе странные пассы, и не сразу отреагировал на приход Грогара: до того был погружен в мистический транс. Но когда ярл, выпутываясь из вороха занавесей, с проклятьем споткнулся, колдун обернулся и метнул на нежданного гостя недоброжелательный взгляд.

— Ну вот и я! — выпалил Грогар первую пришедшую на ум фразу, разрывая тягостную тишину и с опаской поглядывая на девочку.

Виктор сухо рассмеялся, издав какой-то затхлый, неживой звук.

— Ты все-таки... дошел, — произнес он. — Что ж, это хорошо. Ты... не помешаешь.

— Помешаешь чему? — настороженно спросил Грогар.

— Сегодня полнолуние. Замечательная ночь, знаковая. Сегодня я попытаюсь... вновь. — Виктор поднял печальные глаза. — Когда-нибудь у меня получится, — сказал он. — И, может статься, это произойдет сегодня.

Грогар молчал, напряженно ожидая продолжения. Но хозяин замка не спешил откровенничать — он задумчиво уставился на пентаграмму, будто решая, что же делать дальше.

— Ну и? — не вытерпел Грогар. — Зачем же тебе я?..

Он хотел еще спросить о Лилии, но не успел: Виктор внезапно выпрямился и со страстью сказал:

— Я реален! Ведь так? Ты же видишь меня? Ты веришь, что я из плоти и крови?

Грогар открыл было рот, намереваясь возразить, но колдун властным жестом велел ему замолчать.

— При жизни я был никчемным ничтожеством, — продолжил он. — Но она... она одарила меня могуществом. Она предупреждала меня, что я слишком слаб и мелок, и понадобятся годы, чтобы в полной мере овладеть искусством. Она показала мне великие чудеса. Ты видел, во что превратился лабиринт? Это ее рук дело. А потом она ушла, сказав на прощанье: «Так надо!». Все эти годы я постепенно, шаг за шагом, вникал в тот дар, которым мне посчастливилось овладеть. Да, это правда, я никогда не был колдуном, но сейчас я могу колдовать, и ты это знаешь. Твой слуга наверняка рассказал тебе, как я похитил ее.

— Да, — мрачно ответил Грогар.

— Но единственная вещь мне неподвластна — настоящая плоть и кровь. Слышишь? Настоящая! На самом деле я — полуночное существо, призрак, как сказал бы ты. Я пребываю на границе меж двух миров — бытия и небытия. Мне нужно тело! И тогда я стану поистине велик! Я воскресну и покину эту проклятую долину. У моих ног будет весь мир!

— Вот оно что, — пробормотал Грогар. — Кажется, я понимаю, о чем ты...

— Да! — крайне возбужденно воскликнул Виктор. Удивительно, как в таком бледном, изящном юношеском теле мог кипеть такой огонь. — Ты правильно понял. Этой ночью ты станешь свидетелем обряда. Твоя вера в меня, твоя преданность этому ребенку, любовь отцовская или братская, — тут колдун попытался сочувственно улыбнуться, — всё это поможет мне. Юное дитя с чистой, незамутненной никакими пагубными страстями душой, и ты — сначала, признаюсь, я и правда хотел погубить тебя. Но ты выбрался, и это дополнительный плюс. Преодолею все препятствия. Ты поможешь мне. До сих пор я делал все один...

— Так это твоих рук дело? — спросил Грогар, указав рукой вниз. — Те несчастные в зале?

— Да, — нервно усмехнувшись, подтвердил Виктор. — Мои неудачные опыты... А все потому, что каждый из них был грязен! Их души были пропитаны нечистыми помыслами: похотью, алчностью, властолюбием!.. Но она, — указал он на Лилию, — она, я надеюсь, чиста.

— И что ты собираешься делать?

— Ты и правда хочешь знать это?

— Да.

— Я собираюсь... выпотрошить ее... сложить внутренности в центре знака Духа и в кульминационный момент... съесть... ее сердце.

Ничто в жизни так не ошеломляло Грогара, как только что услышанное.

— Ты... да ты безумен!

— Ее сердце, кишки — это... это переход духа в материю... это слияние душ... это энергия...

— О боги! — вскричал Грогар. — Она ведь еще ребенок! Да сам Безглазый вряд ли додумался бы до такой мерзости!

— Безглазый — это тупая и безмозглая скотина! Он думает только, как бы напакостить людям! Шкодливый мальчишка, вот кто твой Безглазый! Но она — Ассоль — есть богиня, с которой я — заметь! — имел честь быть вместе на протяжении года и делить с нею ложе. Она и только она — истинное воплощение мудрости, зла и добра! Ассоль учила меня, что магия невозможна без сильнейшего, катастрофического потрясения. Чтобы захотеть что-либо, нужно приложить нечеловеческие усилия, обряд должен ужасать, он должен разрушать всё, до основания! Хватит разговоров! Я начинаю.

И тут Грогар, ослепленный нахлынувшей яростью, кинулся на злодея, но, не добежав до него совсем чуть-чуть, был отброшен чем-то вроде воздушной волны: Виктор, почти не глядя, выбросил в его сторону руку с раскрытой ладонью. Ярл перекатился несколько раз и замер у занавесей. Приходя в себя, он с ужасом смотрел, как колдун, точно змея, приближается к ложу, к ничего не подозревающей девочке.

— Нет! — крикнул ярл, лихорадочно соображая, как помешать Виктору. — Постой! — Но колдун не обращал на него никакого внимания. — Что же делать, что же делать? Надо отвлечь его... книга! А как же книга?!

Виктор, уже опершись одним коленом о кровать, замер и с той же меланхоличной ухмылкой, сменившей лихорадочный блеск в глазах, посмотрел на ярла.

— Книга? Книга... Ассоль забрала ее себе.

— И что же она из себя представляла?

— Теперь это уже неважно.

— Постой, постой! — Грогар подался вперед и протянул руку, словно моля о чем-то. — А как же твоё тело? Я ведь похоронил его... и оно... оно читало стихи.

— Всякое тело обладает памятью. В этом нет ничего удивительного.

— Почему бы тебе не оживить его?

— Это невозможно.

— Но если, по твоим словам, ты так могуч...

— Нет, я умер. Воскрешения нет. Оно невозможно в принципе. Как говорил один мудрец: «Невозможно дважды войти в одну и ту же реку». Я умер на следующий день после того, как она покинула меня. Сердце отказало.

И он занес кинжал над девочкой, другой рукой нежно притронувшись к ее щеке.

— В живот, — прошептал он. — В сердце...

— Нет-нет! — взмолился Грогар. — Не надо. Возьми меня! Сделай это со мной! Не трогай ее, прошу тебя!

— Ты смеешься? Сделать это с тобой? Породить еще одно чудовище, в теле которого я вынужден буду выходить на белый свет?

— Нет...

Грогар готов был сдаться. Он почти почувствовал, как бессилие стиснуло его грудь мертвой хваткой. Он готов был завывать. Весь путь в замок промелькнул перед ним.

Чудовищное убийство Лилиной тетки. Пещера, в которой он не сразу заметил останки пиршества гармов, — и как он не увидел? Ночной путь по горам, тутеха, смерть Дьярва Лёлинга. Деревня и дом шультейка, где они прятались от жабы-клоуна. Призраки монахов-нечтецов, Маландро, Иерофант, который «так и не уверовал». Странные видения там, на опушке, и в лабиринте.

Выкорчеванные мраморные плиты.

Следы от заступа.

Бардак в библиотеке.

Разбойники, охотники.

«Он так и не уверовал».

Неожиданная догадка как громом поразила Грогара. Он вскочил и бросился к девочке, крича во все горло:

— Лилия! Проснись, Лилия! Проснись, тебе снится страшный сон!

— Нет! — донесся откуда-то издали глухой голос, и ярла снова отбросило в сторону.

— Лилия! — с трудом поднимаясь, кричал Грогар. — Вот он я! Я пришел за тобой, я с таким трудом нашел тебя! Как же ты могла уйти от нас? Лилия!!!

— У тебя ничего не получится! — Голос был все тише и тише.

Грогар закрыл глаза. «Ничего этого нет, — подумал он. — Это плод воображения. Или я пьян, или... О боги! Какую же злую шутку вы сыграли со мной. Ничего нет. Только пыль. Ничего. Ничего».

Грогар открыл глаза. Виктор стоял, одетый точно так же, как и при первой встрече, и смотрел на него с мрачной тоской. Лилия по-прежнему спала.

Грогар быстро подошел к окну, рывком открыл ставни, и в комнату влился холодный солнечный свет раннего-раннего утра.

— Я понял, — сказал он, оборачиваясь к колдуну. — Вся беда твоя в том, что в тебя никто до конца не верил. Ты — суеверие. Ты — игрушка, в тебя нравится играть, людям всегда нравилось ужасать себя, тешить страшными историями. И будет знамение — дочь Тьмы войдет в дом, впущенная... Нет, не Кукловодом, как мы думали, а Игрушкой, тем, кто несчастен в своих извечных стремлениях; тем, кто мечется меж Светом и Тьмой, меж выбором и проклятьем, меж игрой и плачем, вымыслом и реальностью... Так? Или нет? У поэта, чьи строки ты так часто повторял, в той же поэме есть и такие слова:

Неужто облик, только что дышавший,
Был мороком? И сгинул, сгинул, сгинул
В пустыне безысходно-тусклой сна
Навеки?

Виктор молча отступил на шаг. Закрылся руками.

— Сгинь! — крикнул Грогар. — Исчезни, несчастный! Тебя нет! Ты не существуешь!

И в это мгновение стоявший перед Грогаром человек стал таять, занавеси на глазах начали истлевать, кровать, на которой лежала девочка, покрылась плесенью — ярл торопливо подхватил ребенка на руки, — дерево ложа рассохлось, потемнело, матрац покрылся копошащимися червями...

Спустя минуту в комнате не осталось ничего, кроме пыли, потрескавшейся и полуосыпавшейся фрески на потолке и кучки ржавых гвоздей на месте, где только что стояла кровать.

— Логал, — пропищала Лилия. — Где мы?

Грогар не сдержался, и по его щеке стекла слеза.

— В одном очень нехорошем месте.

— А мне снился очень плохой сон! Тама злой вол... вол...

— Волшебник.

— Ага! Он хотел меня съесть, пледставляешь? Бр-р...

Грогар поцеловал девочку в лоб.

— Представляю. Пойдем отсюда, красавица.

37

Они вышли из замка — жалкого подобия ночного видения, — миновали лабиринт. Грогар, чувствуя изрядную слабость, выломал себе палку, намереваясь опереться на нее.

— Ну, как стальной дед! — не преминула пошутить над ним Лилия.

В какой-то момент Грогар ощутил на спине чей-то взгляд. Он обернулся и увидел женщину — молодую прекрасную женщину с длинными каштановыми волосами, одетую в белое, светящееся, точно само солнце, платье. Она смотрела ему в глаза, и Грогар прочитал в них интерес и еще что-то... он никак не мог понять.

Через несколько секунд женщина чуть стыдливо опустила очи, медленно развернулась и пошла прочь, и пока она шла, тело ее, роскошные волосы, платье — все превращалось в вихрящуюся серебристую пыль, что с жадностью подхватывал ветер и уносил ввысь.

— А кто это была? — поинтересовалась Лилия. — Ты слысысь, а, Логал?

— Я слышу, не дергай меня за рукав.

— Ну, кто это была такая?

— Не знаю. Может, Матерь Гор.

— О, ты ласкаешь мне эту сказку?

— Обязательно. Обязательно расскажу.

38

— Я так и думал, что тебя прибьют, — говорил Грогар, обгладывая жареную заячью ногу. — И точно — прибили!

Грогар сидел в темной избе, пропахшей потом, навозом, сеном и дымом, в компании своего слуги и еще трех человек.

Изба эта именовалась приказом, и в ней отцы деревни, расположенной в полумиле от Северных Врат, время от времени устраивали так называемый «круг» — собрание, на котором обсуждались проблемы, события и тому подобные вещи. Внутри приказа имелась каменная печька и большой топчан, устланный шкурами; стены были изукрашены резными дощечками, изображавшими богов Пантеона — их звали закоптёльшами. Закоптёльшей поставили на крохотные полочки, с которых свисали белые домотканые полотенца, вышитые замысловатым орнаментом. Кроме того, в подполе хранилось «священное пиво», а если честно (ярл уже успел испробовать сей напиток) — перебродившая сцежка из каких-то трав, грибов и бог знает чего еще. Препротивная штука.

Излишне напоминать, что путь до деревни дался Лунге с большим трудом. Вывихнутая конечность с каждым шагом все больше болела; утром следующего дня боль сделалась невыносимой, нога страшно распухла, и Лунга потерял сознание.

Очнулся он в этой самой деревне — оказалось, что его подобрали так называемые «старатели» из числа жителей деревни, — о них речь пойдет ниже.

Деревня сия, называвшаяся отчего-то Копотней, образовалась лет сто назад на склонах двух поросших лесом гор, и первыми ее обитателями стали жильцы, слуги и прочий люд из Круга Смерти, или Цурке. Со временем Копотня разрослась и превратилась в пристанище самого разношерстного народа: здесь можно было найти и горцев-монтанов, и охотников, и путешественников... Ученых, искателей приключений, беглых каторжников и так далее.

Особое место занимали старатели — люди, промышлявшие вылазками в логово колдуна в надежде чем-нибудь поживиться. На этот счет у них существовала целая наука, основанная на многолетнем опыте, — когда можно отправляться на промысел в проклятые земли, а когда нельзя.

К моменту, когда Лунга попал в Копотню, там постоянно проживало около ста человек и еще три сотни — временно; они, как правило, приезжали на сезон, который сейчас уже кончался.

Итак, добросердечные поселяне, посчитав Лунгу за «дикаря» (так назывались старатели, самовольно влезавшие в долину и не имевшие никаких контактов с жителями Копотни), отнесли его к местному знахарю. Знахарь вправил вывих, подлечил Лунгу, который, едва почувствовав себя лучше, поспешил исполнить повеление своего господина. Проблем не возникло — Грогара хорошо знали и были о нем высокого мнения, а в его щедрости ничуть не сомневались. Лунгу удивило то, что никто не изумился истории, им рассказанной — видно, здешний народ привык ко всему.

Именно так — ко всему.

— Итак, — сказал Грогар, вытирая руки о полотенце, — что случилось?

Лунга, под глазом которого пышным цветком расцвел здоровенный синяк, покосился на троицу, сидевшую напротив, и угрюмо сказал:

— Пускай они сами расскажут. Все равно вы, ваша милость, будете меня... надо мной... А! Не хочу даже и говорить.

— Так-так. Я все понял. Ты решил заделаться миссионером. Пролить свет истинной веры в темные головы здешних обывателей. Я угадал? А, любезнейшие?

Один из троицы, шультейк Копотни по имени Яков, важный толстяк в помятой плисовой шляпе, в засаленном кожаном камзоле и с курительной трубкой в руках (она, кстати, до рта практически не доходила, вследствие чего быстро тухла и Якову приходилось то и дело ее раскуривать), сказал:

— Э-э... вы почти угадали, сударь. В общем, как бы поделикатней... Гендрик, — обратился он к морщинистому сухопарому старику с всклокоченными бровями и налитыми кровью глазами на небритой физиономии, — может, скажешь, то бишь, расскажешь... про Йенса-то. Что он там учудил... ты ведь его дед, как-никак.

Гендрик грохнул кулаком по столу и сказал неприятным трескучим голосом, адресуясь к Лунге:

— Ты! Что гнёшься? Святоша нашелся! Развлекался парень, а ты? В жопе, что ль засвербило у ты при виде титек?

— Что ты, Гендрик! — усовестил его Яков. — Не надо так. Лучше я скажу, а то... как бы... Значит так, благородный сударь, у нас здесь, в избе, в самой избе-то, молодежь любит... того...

— Потрахаться, — подсказал Грогар.

— Э-э... да. Ну и тогда...

— Они втроем насильовали бедную девушку! — крикнул, вскочив, Лунга. — Безбожники! Насильовали прямо на этом столе! Я пытался вразумить их...

— Прямо на этом столе и втроем? — проговорил, вытаращив глаза, Грогар. — В... как там у вас это зданьице называется? Закон? Декларация?..

— Приказ, — подсказал третий старик, глава старателей — невозмутимый, прямой как палка; руки сложены на груди, в одном ухе серебряное кольцо — одним словом, монтан. И

имя у него было соответствующее — Умхаг Хосса, что в переводе значило Великий Коршун.

— Приказ, — повторил Грогар. — В приказе?

— В приказе, — невинно подтвердил Яков. — А что тут такого?

— Мне нравится ваш подход, любезнейший. Действительно, а что здесь такого?

Шультейк робко улыбнулся и часто заморгал, видимо, силясь понять, шутит господин ярл или нет.

— К слову. Не найдется ли у вас... м-м-м... девушки... попригожей? Чтобы кровь с молоком! А лучше двух!

Шультейк улыбнулся шире.

— А то я устал, видите ли. И пошла вашего налейте — как оно у вас называется? Священное пиво? Ха, шутники.

Шультейк продолжал улыбаться.

— Ну все. Можете идти.

Троица чинно поднялась и двинулась к выходу.

— Одну минуту! — сказал Грогар. — Гендрик, голубчик, ты слышишь меня? Мы ж не поставили точку в истории с моим слугой. Передай своему Йенсу и всем остальным, что, если с головы моего слуги упадет хоть волос, Рийго обезглавит его самого. Понял?

Гендрик хотел, наверное, ответить Грогару в том же духе, но Великий Коршун бесцеремонно вытолкнул Йенсова деда из избы и ответил за него:

— Он все понял, хозяин. — И, чуть помедлив, добавил: — Но слуга ваш... прославился на всю деревню.

— Эх, приятель. Таков уж он. Ничего с ним не поделаешь.

Лунга проводил старейшин Копотни высокомерным взглядом.

— Только не начинай, — предупредил его Грогар.

— Если б вы видели...

— Дурак ты, Лунга. Пойди лучше проследи за Лилией. Как она там, накормили ее или нет? Завтра, дадут боги, выезжаем. Когда за Рийго послали? Три дня назад? Может, встретим его по дороге...

39

Оставшись один, Грогар предался размышлениям вслух, что, наверное, со стороны выглядело немного странно.

— И все-таки я счастливчик! — сказал он, с отвращением потягивая «священную» пакость и вспоминая последние часы, проведенные в Круге Смерти.

Ассоль исчезла, оставив после себя страшную усталость. Грогар сделал несколько шагов и понял... что не дойдет.

— Что с тобой, Логал? — поинтересовалась Лилия. — Почему ты сел на семлю?

— Не могу, — ответил он. — Я устал, красавица. Не могу идти.

— И что же делать? — заплакав, спросила девочка.

— Не знаю...

Она так и сидела около него, лежавшего в пыли на обочине дороги согнувшись и сжимая кулаки, впериw взгляд в одну точку...

Грогар очнулся от крика Лилии. С трудом поднявшись, он обнаружил четырех всадников в кожаных куртках, в сапогах с отворотами, с мушкетами за спиной и топорами за поясом. С ними была оседланная лошадь.

Во главе их ехал величавый бронзоволикий старик — Умхаг Хосса.

— Вставай, — сказал он, с любопытством разглядывая его и прижавшуюся к нему девочку. — Мы за тобой.

— Кто вы?

— Друзья. Лунга сказал, где искать тебя. Рад, что вы оба живы, даже удивлен, что вы, судя по вашему виду, так легко отделались. Вирай, помоги ему. В седле усидишь?

— Усiju.

Один из всадников спешил и помог Грогару забраться на коня, а потом посадил к нему Лилию.

— На, держи. — Хосса кинул ярлу сверток и фляжку. — Выпей и подкрепись.

В обратный путь тронулись немедленно; спасители Грогара и Лилии оказались крайне немногословными и невозмутимыми ребятами. Они часто останавливались на привал, во время которого тихо и коротко переговаривались, при этом внимательно глядя по сторонам.

Грогар в крайне ослабленном состоянии все привалы спал так крепко, что его с трудом поднимали; он клевал носом даже верхом на лошади, что причиняло большие неудобства Лилии. Хосса, заметив это, посадил ее к себе, невзирая на протесты и брыкания; впрочем девочка быстро к нему привыкла и даже, в свойственной ей манере, приставала с расспросами, но старик упорно молчал, напуская на себя строгий вид, хотя тень улыбки предательски выдавала его. Он заговорил с ребенком только после того, как поздним вечером они благополучно миновали Северные Врата; да и остальные его спутники заметно приободрились.

— Чтоб я еще раз без Рийго сунулся в какую-либо авантюру... — подвел итог своим раздумьям Грогар. — С другой стороны, кого я обманываю? Самого себя?

Тут раздался стук в дверь.

— Да-да! — крикнул Грогар, думая, что явился Яков с обещанными девицами. Однако это оказался здоровенный бритоголовый детина в кожаном жилете поверх просторной белой рубахи с широким воротом, под которой виднелась волосатая грудь. Он шумно протопал к столу и с размаху поставил на него трехлитровую бутылку, доверху наполненную мутной жидкостью.

— Привет! — грохнул он. — Меня звать Йенсом, мать твою!

— Ого! — произнес Грогар в ответ. — Что ж, привет! С чем пожаловал?

— Бить не буду, не бойся! — улыбнувшись во весь рот, сказал Йенс, заметив, как напрягся ярл.

— Так это ты отделал моего слугу?

— Я и есть.

— О! — только и успел сказать Грогар, потому что в этот момент дверь распахнулась и в избу влетел Гендрик, а за ним и шультейк Яков.

— Не дури, Гендрик! — сопел Яков. — Ну-ка, уймись! Не хватало еще!..

— Эй, ты! — заорал Гендрик внуку. — А ну вон отседава!

— Заткнись, деда! — небрежно бросил Йенс, даже не обернувшись.

— Как ты со мной разговариваешь, щенок?! — завопил Гендрик, грозно сдвинув брови — это получалось у него весьма выразительно. Позади него в отчаянии заламывал руки Яков.

— Ежели не уйдешь — прибью, — спокойно отвечив на это внук, придвинувшись поближе к Грогару и бесцеремонно возложив ручищу ему на плечо.

Но настырный Гендрик не успокоился и, схватив внука за ворот, оттащил от Грогара. Яков бросился разнимать их, однако его старания привели к тому, что все трое повалились на пол. Йенс, падая, задел стол, и вся снедь, вместе с бутылью, с грохотом рассыпалась по устланному свежей соломой полу.

Грогар, небрежно ковыряя тростинкой в зубах, с насмешкой наблюдал за ними.

Йенс, как самый молодой, вскочил, взял обоих стариков за шиворот и как котят вышвырнул их вон из приказа. Но и тут Гендрик не успокоился и с завидной для его возраста прытью снова набросился на внука, но, наткнувшись на могучую грудь, остановился, глядя на него снизу вверх.

— Я что сказал?! — проревел Йенс.

— Ты не понимаешь! — пропищал дед. — Он же ярл! Ежели ты причинишь ему вред, то яво люди сожгут всю Копотню! Иль ты о судьбе Тёрок не слыхал?

— Уймитесь, оба! — верещал Яков.

— Я хочу поговорить! — громовым голосом заорал Йенс, перепугав этим, кажется, всю деревню. — У меня проблема, и я хотел всего лишь испросить совета у господина Грогара! А вы чего ко мне привязались? С ума, что ль, походили?

Оба старика застыли с открытыми ртами.

— Ну, чего вылупились? Пошли вон!

— Да от греха... — проямлил Яков. — Как бы чего...

— Идите-идите, любезнейшие, — сказал Грогар, отодвигаясь от Йенса, вознамерившегося крепко, по-мужицки, обнять его. — Ты убрал бы лапы свои, приятель, а то я, знаешь ли, предпочитаю миловаться с девушками.

— Ага, — ответил Йенс. — Понял. Так. Э-э... Ты знаешь, что натворил твой слуга?

— Знаю. Он прочел вам проповедь о губительной природе греха и объявил, что разврат, по словам Брейха Благочестивого, открывает врата в ад...

— Он заморочил голову моей невесте!

— А вот это уже интересно.

— Агнешка видеть меня не хочет! И все бежит к нему... как его... Лунге! Она считает его святым и без конца молится всяким там... Она совсем спятила! Да я уж тыщу раз пожалел, что треснул ему по морде! Не надо было его трогать, авось Агнешка и не обратила б на него внимания.

Йенс умолк и немного погодя чуть не плача dokonчил:

— Она ведь сказала, что не выйдет за меня замуж! И это после побратанья!

— После... чего?

— Побратанья!

— А что такое побратанье?

— Ну... во время побратанья жаних, значит, э-э-э... выставляет свою невесту напоказ.

— Не понял. Напоказ? Голую, что ли?

— Да. И дружки мои, значит, могут попробовать ее.

— Попробовать?

— Попробовать. Оценить. Как она — хороша али нет, крепка ли тазом, ну и... Друзья всегда скажут, стоит ли жаниться на ней. А что, у вас нет такого?

— Нет, этого прекрасного обычая у нас нет.

— Хе-хе-хе. А у нас есть.

— Завидую вам, приятель. Побратанье! Изумительно!

— Что же делать-то мне? Я ведь ее... того... люблю.

— А побратание-то как прошло?

— В целом хорошо, пока этот гаденыш не вмешался. Простите, Лунга то есть.

— Хм... даже не знаю, чем тебе помочь. Скажу, пожалуй, вот что. Ты, конечно, с дружками побратался на славу — обычай ведь, и все такое... Но, видно, ей это пришлось не по вкусу, иначе она не заблажила бы. Уж ты поверь моему богатому опыту.

Видя, что парень не до конца вник в сказанное, Грогар добавил:

— Она хотела подарить себя тебе одному, а ты вместо этого... сколько вас было?

— Я и еще двое...

— Вот-вот. Ты, как распоследний идиот, наградил ее тремя немытыми херами. Эх ты! Надо же понимать, что женщина — это не дыра, куда можно сплавлять свое семя. Женщина... Ах, женщина! Это же поэзия! Да что тебе говорить, разве ты поймешь...

— Значит, промашка вышла с побратанием-то?

— Значит, вышла. Ты не замечал — куда уж тебе, — но она, может, тихонько плакала и, может, даже просила тебя: «Не надо, не надо»... А ты со своим побратанием как медведь в огород!

Йенс заметно приуныл.

— Слушай меня, Йенсик. Иди-ка ты к ней и попроси у нее прощенья. И постарайся отнестись к ней, как к человеку. Понял?

— Понял! — немного просветлел Йенс.

— Покумекай башкой! Башка-то у тебя не для того, чтоб об стенку биться и туда кушать. Нежнее будь. Скажи ей, что она у тебя одна и ты никому ее не отдашь, даже лапоть никому не позволишь. А насчет Лунги не беспокойся — завтра мы уедем. Все, иди и позови Якова.

Яков не замедлил явиться.

— Ну? Где же услада моя?

— Чего?

— Я спрашиваю, будут ли девицы?

— А-а! Да вот они — эй, Марьяна, Тирлея! Подите-ка сюды!

В избу вошли две пухленькие и весьма пригожие девушки — они скромно улыбались и теребили платье. Грогар довольно потер руки и сказал:

— Свободен, Яков. Ну-ка, идите ко мне, красавицы мои! Сейчас добрый дядя вас приголубит!

Едва забрезжил рассвет, как Грогар с Лунгой и, естественно, Лилией отправились в путь. Провожать его вызвались Умхаг Хосса со своим сородичем, мрачным парнем со странным именем Хайо-Хайо. К ним присоединился также Петер Нирмайер, охотник, — не удивление обходительный молодой человек, оказавшийся сыном бедного дворянина из окрестностей Корнелиуса. Шультейк Яков снабдил путников провизией, новой теплой одеждой и подарил Грогару свой личный мушкет.

Грогар чувствовал себя отлично и пребывал в таком же отличном настроении. Не последнюю роль в этом сыграла ночь, проведенная с двумя теплыми, мягкими, забавными простушками — Марьяной и Тирлеей. Они развлекали его глуповатыми шутками и деревенскими сплетнями, послушно хохотали над его остротами, даже не понимая, о чем речь, и умилительно нелепо смущались, проделывая с ним те фокусы, которые он так привык проделывать с более прогрессивными в этом плане столичными партнершами.

В то ясное прохладное утро приключение, а скорее, злоключение в Круге Смерти показалось Грогару необычайно увлекательной авантюрой, он был доволен собой, и воспоминания о днях, проведенных там, тешили его самолюбие. Лишь одно омрачало его радужное настроение — это сам колдун. Любая мысль о нем была крайне неприятна.

Дорога их проходила по дну живописнейшего ущелья вдоль лениво журчащего ручья, то и дело скрывающегося в зарослях куманики и барбариса. Возвышающиеся с обеих сторон горы сплошь поросли лесом, расцвеченным осенними красками.

Лунга казался погруженным в свои мысли, и Грогару хотелось думать, что в них нашлось-таки место Агнешке; Лилия, сидевшая вместе с ним, беззаботно напевала что-то себе под нос, играя с деревянными фигурками животных, подаренными ей Яковом. Монтаны хранили величественное молчание и восседали на конях, точно короли, а Петер Нирмайер с увлечением рассказывал об окружающих их местах:

— Слева — Чертовы горы: так мы называем горную цепь, ограждающую Круг Смерти. Справа — горы Шаангсо Уудари, в переводе с языка монтанов — Земля отцов. За ними — вон там, видите? — снежные вершины, словно бы окутанные дымкой? Это Сумрачные горы. А вот за этой скалой, — Петер указал на возвышающийся чуть впереди каменистый пик, похожий чем-то на толстяка со шлемом на голове, — она называется Лысая гора; так вот, за ней открывается проход во владения монтанов. Их поселения находятся на широкой равнине, которую они зовут Дзехен. С трех сторон она окружена горами, с одной — восточной — омывается водами большой реки Хоомай. Если плыть по ней, то через день можно попасть в знаменитый Черный залив — место, славящееся своим суровым климатом и бесчисленным количеством тюленей, моржей, морских котиков и прочей живности. К слову, этот путь — единственный проход в залив, и немало людей сложили головы, пытаясь пробраться туда.

— Немало людей? — переспросил Грогар.

— Да, немало, — подтвердил Петер. — Монтаны — они не любят чужаков и почти всегда убивают их. Не привечают и соседей: родственные племена либо поселенцы с юга, такие как мы, одинаково раздражают их. К примеру, у Лысой горы, — смотрите, там еще сохранились какие-то руины, — была деревня когда-то давно, лет, может, сто назад, а то и

больше. Так вот, монтаны убили их всех. Напали ночью и вырезали подчистую всех до единого, не пощадили даже детей. Поговаривают, призраки несчастных до сих пор тревожат по ночам своим жутким воем немногих путников, коим случается бывать здесь. Что же касается тех, кто отваживается на свой страх и риск идти в залив — а это в основном охотники, промысловики, рыбаки, — то я могу похвастать неплохим знанием нескольких потаенных тропок. Собственно, этим я и занимаюсь — провожаю, за вознаграждение, конечно, всех желающих к реке. Не знаю, но порой мне кажется, что именно опасность так повлияла на репутацию залива. На мой взгляд, ничего особенного там нет.

— А как же... — Грогар с опаской посмотрел на Хоссу и его спутника.

Заметив это, старик-монтан сказал:

— Мы вдвоем — другое дело. Нас изгнали.

— Ах, вот оно что. А почему же твои... соплеменники, уважаемый Хосса, не нападают на Копотню?

— Все очень просто, — ответил за него Петер. — У нас дурная репутация.

— Колдун. Из-за него?

— Из-за него.

— Тогда скажите мне, как получилось, что вы, почтеннейший... Коршун? Разрешите мне так вас называть?

— Пожалуйста.

— Что вы, господин Коршун, покинули родной народ, да еще и стали «старателем»?

— Я потомственный шаман, — ответил он. — Мне открылись тайны, которые мои братья не захотели принять. По-моему, они просто испугались. Поэтому мне пришлось уйти. Но я не соглашусь с Петером, описавшим монтанов как кровожадных чудовищ. Сегодня боевой дух монтанов сильно приугас, не то что раньше. И причины этому более чем прозаические. Ты, наверное, забыл, Петер, что королевский экспедиционный корпус под командованием генерала Гаэтано спустя год после резни у Лысой горы побил немало наших людей, и не только. Досталось и баахам, и метреханцам, и разнообразному бандитскому отребью, скрывавшемуся в горах. В результате похода генерала Гаэтано здешние места стали гораздо безопасней, что, кстати, и позволило поселиться здесь Виктору Сацичу.

— Да-да, ты прав, Коршун, — с улыбкой согласился Петер. — Я хотел лишь немного... нет, не припугнуть. Показать местный колорит, знаете ли. Но все-таки идти без сопровождения через Дзехен не советую.

— Нет уж, увольте, — сказал Грогар. — Я сыт по горло вон тем колоритом. — Он махнул в сторону Чертовых гор. — Кстати, Яков упоминал некие Тёрки...

— Излюбленная страшилка здесь, — улыбнулся Петер. — В первые годы пребывания в этом богами забытом краю Виктора Сацича местный люд из числа форнолдцев — те, кто пережил рейд генерала Гаэтано — начал роптать. Они поселились неподалеку от нынешней Копотни, к северу, и их селение звалось Тёрками. Эти несчастные исподтишка терроризировали окружение Виктора, говоря, что это их земля и чужакам здесь не место. В ответ Виктор во главе сотни своих латников вторгся в Тёрки и жестоко расправился со всеми. Только это ничем не подтвержденная легенда. Может, и не было такого.

За такими вот неспешными беседами прошел день. На ночь расположились прямо на обочине, у ручья. Развели костер; Петер с мрачным парнем Хайо-Хайо зажарили на углях завернутую в травы тушу молодого кабана — получилось вкуснейшее блюдо, которое вкупе с бутылкой крепкого местного вина придало вечеру привкус романтики.

— Это ничего не значит, — сказал Коршун, внимательно выслушав рассказ Грогара о его приключениях и встрече с колдуном. — Он существует. Колдун существует. Это так.

— Но как же объяснить его исчезновение? — спросил Грогар. — Стоило только захотеть — и он пропал.

— Так все просто? — с легкой усмешкой поинтересовался Коршун. — Щелкнули пальцем, и все?

— Нет, — смущенно признался Грогар. — Это... было непросто.

— Вы даже не представляете, какой опасности вы себя подвергли. Когда мы вас с девочкой, — старик кивнул на спящую Лилию, — нашли, вы были... на последнем издыхании. И вообще, мне кажется, что здесь замешана Силла. Я думаю, это она вам помогла — и то, что вы ее видели, это подтверждает. Вы освободились, потому что вы этого сильно захотели — очень сильно, потому что иначе могло бы произойти непоправимое. Как сам колдун вам сказал, нужно было сильнейшее потрясение — и ваше перевесило его, вы понимаете? Но стоило бы вам расслабиться, как это произошло бы вновь. Вот в чем беда.

— Опять это имя — Силла, — покачал головой Грогар. — Ничего не понимаю. Может, расскажете о ней? Кто она такая? Колдун что-то про нее говорил, но, если честно, я плохо помню. Кажется, он называл ее Ассоль. Это она — Матерь Гор?

Костер отбрасывал дрожащие блики на бронзовое, все в мелких морщинках, лицо Коршуна. Глубоко посаженные глаза скрывались в тени надбровных дуг, черные зрачки блестели во тьме.

— Силла и есть Матерь Гор, — торжественно произнес он. — В отличие от верований северных народов, наши просты. Мы верим в духов земли, воздуха, в предков, охраняющих нас. У каждого растения, камня, у воды есть свой дух-покровитель. Мы не верим в подземный мир и чудовищ, населяющих его. Зло, по-нашему, исходит от человека. Но когда появилась Силла, что на нашем языке означает «чужая», я был сбит с толку. Во время камланий она являлась ко мне, хотя я ее не призывал. Мне стало казаться, что я схожу с ума. В поисках ответа на вопрос, кто же она такая, я отправился путешествовать. Побывал за Великим хребтом, общался с северными племенами, о которых среди нас было распространено мнение, будто они высотой в два, а то и три человеческих роста, имеют шесть рук и питаются только камнями, а пьют облака. Я многое узнал о ней и вернулся с этими сведениями в Дэехен, но... старейшины прогнали меня, посчитав за безумца.

— Скажите, Коршун, — задумчиво поинтересовался Грогар. — Вы не были знакомы с человеком по имени Дьярв Лёлинг?

— Лёлинг? А-а! Да, бывал у нас этот чудак.

— Чудак?

— Чудак. Мне показалось, что он немного не в себе.

— Господин Лёлинг, — вмешался Петер, — большой мастер фантазировать. Он несколько раз бывал у нас, и каждый раз рассказывал о себе и своих приключениях разные истории.

— Неужели? — спросил потрясенный Грогар. — А мне он показался нормальным человеком...

— Престранный субъект, — кивнул Петер. — И именно потому, что производит впечатление совершенно нормального человека.

— Он говорил вам о Силле, да? — спросил Коршун Грогара. — Рассказывал, что побывал у северян? А Сагхе он не упоминал?

— Упоминал.

— Что ж... Дьярв, в общем-то, неплохой человек. Добрый, безобидный. Не знаю, где он сейчас...

— Он погиб, — сказал Грогар. — Там, за Чертовыми горами. Он был со мной. Погиб.

— Погиб? — вскинул бровь Коршун. — Жаль... Но вернемся к Силле. Силла — нечто другое. Она из... соседнего мира. И никто не знает, что там — там, откуда она пришла. О, я вижу, как у вашего слуги загорелись глаза. Знаете, уважаемый Лунга, слишком просто объяснить появление Силлы происками Безглазого. Каждый народ, каждое вероучение постарается привязать ее к своим собственным понятиям. Но это неправильно. Подумайте, что скажут о ней гараты? Этнойцы, грунды, ольханы? Какое будет мнение бхаавов Акшты? Випашьянов из Пулны? Хетов из Медда?

Старик тяжело вздохнул.

— За это меня и изгнали, — сказал он с болью. — Сведения, которые я собирал так долго, оказались выше их понимания. С тех пор я стал «старателем».

Воцарилось молчание, которое прервал Грогар, неожиданно сказав:

— Она не будет сидеть здесь вечно. Она пойдет дальше, на юг. Если и была у нее любовь к Виктору, то она уже прошла. Нельзя вечно любить неудачника и марионетку. Что толку?

Коршун пожал плечами.

— Не знаю. Ее стремления и желания мне непонятны.

— И тем не менее это желания... женщины.

Коршун усмехнулся.

— А кто такие тутехи? — внезапно спросил Грогар.

— Не знаю, — ответил Коршун. — В первый раз слышу.

Грогар переглянулся с Лунгой.

— Еще один вопрос. Та старуха, у узкого ущелья — я рассказывал вам о ней, — кто она?

— Я слышал о ней, — отозвался Петер.

— Неужели, по словам Лёлинга, это мать колдуна?

— Вздор. Скорей всего, какая-нибудь спятившая бабка.

— А не может быть она одним из воплощений Матери Гор?

— Может. Все может быть.

41

Наутро Грогар расстался с провожатыми, и дальше отправились втроем.

— Куда мы едем? — спросил Лунга.

— В Старый Вяз. Нанесем давнишним друзьям визит.

— Не слишком ли опрометчиво с нашей стороны? Зачем нам туда? Все же закончилось.

— Не совсем, друг мой, не совсем. Но успокойся, без вооруженного отряда я туда не сунусь. Расположимся неподалеку и будем ждать Рийго или Ладислао. Что-то они не торопятся, лодыри.

Ближе к обеду, там, где местность уже приобретала знакомые очертания, путники увидели повешенного на дереве человека, а под деревом труп коня. Лилия, едва разглядев разорванное птицами лицо и залитую кровью грудь, завизжала что есть силы и зажмурилась.

— Сдается мне, что это наш гонец, — мрачно проговорил Грогар, глядя на ворон, с недовольным карканьем кружащих над ними. — Вот сволочи. Убив гонца, посланного

тобой, — теперь я не сомневаюсь, что это он и есть, — они надеялись, видимо, напугать нас. И еще... я думаю, они наблюдают за нами.

— Наблюдают?

— Воронье. Они подняли шум. Лучшего способа заявить, что мы приехали, не найти.

Так, нам надо спрятаться.

Они завели коней подальше в чащу, чтобы те ржанием не выдали себя, а сами схоронились в придорожных кустах, строго-настрого приказав девочке молчать.

Скоро послышался частый стук копыт, а над деревьями взвилась пыль.

— Едут, — шепнул Лунга.

Грогар напряженно слушал.

— Да там целая армия. У них и коней-то столько не найдется.

— Подождем. Может, это не они.

— А кто же тогда?

— Не знаю.

Наконец показались закованные в доспехи, вооруженные до зубов воины — всего человек тридцать, — возглавляемые могучим бородатым мужчиной в вороненой кирасе и позолоченном морионе с вытравленным на нем рисунком. Вид бородача был надменен и суров. Проницательным взглядом окинув окрестности, предводитель поднял руку, призывая к вниманию, вынул устрашающего вида пистоль и негромко произнес:

— Я вижу тебя. Выходи.

Грогар не спеша вышел из убежища, и сияющая улыбка озарила его лицо.

— Ладислао, черт тебя дери! Ну наконец-то! Где ты пропал?

У Ладислао вытянулось лицо, и он, сильно покраснев, спросил:

— Господин Грогар, вы ли это?

— Собственной персоной. Ты не представляешь, как я рад видеть твою хмурую физиономию!

Ладислао срыгнул с коня, торопливо снял кольчужную перчатку и с чувством пожал ярлу руку.

— Рад видеть вас живым и невредимым, и тебя, Лунга, тоже. Ну и напугали же вы нас. Куда запропастились? Что с вами произошло? А это кто? — он указал на девочку, которая тут же показала ему язык.

— Это долгая история, некогда рассказывать. Отъедем отсюда, а то воняет.

Ладислао с подозрением посмотрел на покачивающийся труп, но ничего не сказал.

— Слушай меня внимательно, Ладислао, — сказал Грогар, пока они ехали в деревню.

— Да, господин.

— Ты помнишь, как мы гуляли на свадьбе этого... как его? Туин, Дуин? Черт, никак не могу вспомнить...

— Траинт, господин.

— Во-во! У него еще был такой мерзкий слуга, со шрамом на подбородке. Помнишь?

— Да, что-то такое припоминаю, но имя его... нет, позабыл.

— Это не важно. Главное, что ты понял, о ком речь. Кто еще из парней знает его?

Ладислао обернулся, внимательно посмотрел на воинов, почесал бороду.

— Шандор, ты был, кажется, со мной тогда? На свадьбе господина Траинта?

— Да, был, командир, — ответил молодой человек с сальным лицом, на котором красовались короткие усики.

— Очень хорошо, Шандор, — сказал Грогар. — Возьми с собой десяток и скачи в деревню вниз. Хватайте там шультейка и этого типа, слугу... Труина, Дуруина... Он должен быть в доме, что стоит особняком, на холме.

— Рядом с ним растет вяз? — уточнил Шандор.

— Да-да-да! Вяжите типа и бабу, которая с ним, и ждите нас. — Тут Грогар повернулся к Ладислао. — А вы что, уже побывали там?

— Мы вас ищем, — немного обиженно ответил он. — Госпожа Миранда места не находит от волнения. Мы здесь были уже дней пять-шесть назад и вот опять... Я намеревался дойти до Копотни, там поспрашивать.

— А Рийго где?

— Сейчас должен быть в Хюге, с госпожой. Мы с ним обшарили все окрестности.

— Вы думаете, это был он? — тихо спросил Лунга у Грогара. — Тот, который... про которого ходят такие слухи?..

— Я все думал, где же слышал этот голос, — ответил Грогар. — И все больше убеждаюсь, что тут не все чисто.

42

На небольшом пустыре перед таверной, принадлежавшей мешковатому субъекту с лицом, похожим на оплывшую свечу, собралась вся деревня. Посреди пустыря стоял на коленях, молитвенно сложив руки, дрожащий и обильно вспотевший, несмотря на прохладную погоду, шультейк Старого Вяза, которого, как оказалось, звали Хельмут. Его сторожили два алебардиста в морионах и панцирях, украшенных гербом дома Хтойрдов — парящим орлом.

— Ну, любезнейший, — нарочито спокойно произнес прохаживающийся взад-вперед перед шультейком Грогар, — не снизойдет ли твоя милость до беседы с «дураком» и «горлопаном», которого ты хотел, по твоему образному выражению, «едрыть в жопу» — так, кажется? Я правильно выразился?

Хельмут пробормотал в ответ что-то нечленораздельное. Грогар окинул быстрым взглядом собравшихся жителей деревни. Женщины перешептывались, вытирая натруженные руки о передник; мужчины, устало облокотившись о лопаты, с интересом наблюдали за происходящим, дети шныряли промеж взрослых, с раздражением покрикивающих на них; хозяин таверны стоял, прислонившись к косяку у входа в свое заведение и жевал тростинку, и по его лицу, которое, казалось, вот-вот стечет на грудь, никак нельзя было понять, радуется он или печалится.

И все они глядели на шультейка с неодобрением.

— Говори! — велел Грогар. — Как звать тех мерзавцев, скрывавшихся за масками? Владыку леса и его подругу-владычицу?

— А? Чего? — Хельмут поднял на Грогара глаза и тут же боязливо отвернулся.

— Не прикидывайся идиотом, голубчик. Ты знаешь, о ком я.

Но шультейк молчал, оглядываясь с затравленным видом, и один из алебардистов решил поторопить его с ответом, легонько ткнув того пикой в бок.

— Э-э-э... я не знаю...

— Я знаю! — сказала дородная женщина из толпы. — Мужика звали, кажись, До или Доо — как-то так, а подругу его — Тиша.

— Тиша и Доо, — задумчиво повторил Грогар, почесав уже изрядно отросшую

бороду. — Странное имя — Доо. И куда они делись?

— Убёгли, — ответила та же женщина. — Как увидели этих, — она мотнула головой в сторону Ладислао, стоявшего позади ярла с чрезвычайно важным и сосредоточенным видом, — так и в лес. А с ними и те два быка, племяннички мудака вот этого.

Услышав это, Хельмут метнул на женщину яростный взгляд и сразу согнулся.

— Они и не ждали никого такого, — продолжала крестьянка. — Они, видимо, дожидались вас — всё глядели в ту сторону, где того бедолагу повесили. А тут они, да и вы подоспели. Доо с Тишей растерялись: поняли, подлецы, что им несдобровать, и были таковы.

— Куда они подались, не знаете? В какую сторону?

— Кто ж их знать.

— Ладно. Ладислао.

— Да, господин.

— Отправь пару-тройку бойцов из тех, у кого кони порезвей, в Хюг. Пусть велят Рийго с парой дюжин ребят скакать в Худшгадт. Там встретимся.

— Слушаюсь, господин.

— Спасибо тебе, женщина, за ценные сведения. Лунга, отсыпь-ка ей пару золотых.

— У нас нет денег, ваша милость.

— А где они?

— Их у нас отняли. Что, забыли?

— Ах да. Хорошо. Пойди-ка с кем-нибудь и возьми деньги в доме этого слизняка. — Он кивнул на шультейка. — Заодно и наши заберешь. И книжку прихвати.

— Какую книжку?

— Ну, ту, про которую ученый упоминал перед смертью. Пригодится. Почитаем.

— Понял, ваша милость. Его записи.

— Добрая женщина! — обратился Грогар к дородной селянке.

— Да, господин.

— Откуда они знали, те подлецы, что мы идем?

— Смеетесь, господин? Да у них всюду доносчики. Они уж давно проведали, что вы в Копотне.

— И вы тоже об этом проведали.

Женщина испуганно округлила глаза и поспешно пробормотала:

— Да ведь слухи-то идут... Где петух пропоет, там и уши...

Грогар усмехнулся и брезгливо посмотрел на распростершегося перед ним человека.

— Что ж, — сказал он. — Теперь займемся тобой. Властью, данной мне королем, я — ярл Грогар Хтойрдик — буду вершить суд, и вы, почтенные господа, — он посмотрел на присутствующих, — будете свидетелями. Итак, я обвиняю тебя, Хельмут, в соучастии, либо в организации, либо в преступном попустительстве страшным злодеяниям, творившимся в подначальственной тебе территории. Самые легкие и незначительные из них — оскорбление меня словом и действием — а кто я такой, ты хорошо знаешь. Уже за это полагается смерть, причем по закону. Также на твоей совести гибель божьего человека Филалея, старика по имени Илмар и Инесс, тетки вот этой девочки, и она была зверски растерзана на глазах у всей деревни. Достаточно?

Хельмут заплакал и дико затрясся.

— Сжальтесь, — наконец выдавил он из себя. — Я не виноват... я не виноват...

— Это не все! — крикнул кто-то из толпы. — А сколько наших сгубили, поганцы! И еще избили и кинули в то бесовское место одного богача, а трех его слуг убили — прямо там, у ущелья, как и Инесс.

— Как он выглядел, этот богач, можете сказать?

— Ну... толстый такой, важный. Усатый — усищи-то пышные, ажн страсть! Все орал, как оглашенный, карами всякими грозился...

— Так-так... — произнес Грогар, нахмурившись. — Все как я и предполагал.

— Я не виноват, — Хельмут подполз к ярлу и потряс его за штанину. — Не виноват...

Грогар с отвращением отпихнул его от себя.

— Как я уже говорил, — сказал он, возвысив голос, — свидетелями твоих преступлений стала вся деревня. Так что не будем медлить. Шандор, принеси пенек. Найди где-нибудь. Давай, быстрее.

При этих словах Хельмут перекосялся от ужаса. А когда Шандор, пыхтя от натуги, приволок огромный пень, шультейк повел себя, точно дикое животное. Он зарычал, завизжал, из носа его потекли сопли, из глаз слезы, рот вспенился слюной; он попятился назад, но алебардисты ухватили его за одежду и, словно собаку, подволокли к месту казни.

— Именем короля, — заговорил Грогар, стремясь поскорее закончить с этим, — ты приговариваешься к смертной казни через усекновение головы. Приговор привести в исполнение немедленно.

— Разумно ли это, мой господин? — спросил Ладислао.

— Что именно?

— Повесить подлеца и дело с концом!

— Разрешите мне! — попросил покрасневшийся Шандор. — У меня это хорошо получается.

— Вот видишь, как ребятки оживились! А ты — повесить! Я, может быть, этому негодяю оказываю честь! Исполняйте!

— Не надо! Не надо! Пощадите.

Вконец обезумевший шультейк верещал, вопил, вырывался, брыкался, поднимая тучи пыли, и никак не хотел успокаиваться. Его подтаскивали к пню, били, а Шандор в нетерпении крутился около них с глевой в руках.

— Да умри же с достоинством! — воскликнул Грогар, но Хельмут едва ли услышал его.

Он окончательно потерял человеческий облик. Шандор с яростью сдвинул шультейку шею и с силой ударил его лбом о пень. Шультейк без чувств упал.

— Ну? — зарычал Шандор. — Что же ты?

Схватив беднягу за волосы, палач пристроил его бессильно болтающуюся голову на пень, но тот снова сполз, ткнувшись залитым кровью лицом в землю.

— Сознание потерял, стервец, — сказал Шандор, вытирая пот. — Ну-ка, ребята, поддержите его.

— Смотри, руки нам не отруби! — сказали они, придерживая Хельмута.

— Не бойсь!

— Руби!

— Стоп! — внезапно сказал Грогар.

— Чего, господин?

— Стоп, говорю. Я его пощажу. Я ведь... человеколюбец, сострадалец и все такое... Думаю, с него достаточно. Думаю, он запомнит это на всю свою никчемную жизнь. Да и кто

он есть? Мелкая сошка. Настоящего злодея еще найти надо. Как вы думаете, добрые люди?

Народ угрюмо молчал.

— Зря, — наконец сказал кто-то из толпы. — Нужно было все-таки оттяпать башку этому ворюге.

В Худштадт скакали почти весь день. За это время погода испортилась и прошел сильный дождь, превративший дорогу в окрестностях замка барона Фрейра в болото. Огромные лужи посреди разбитого тракта; шаткие и черные одинокие халупы, судя во виду — давно покинутые; голые кривые деревья; грязно-желтая, бурая, медная увядающая трава; низко нависшие тучи, — всё это усилило горечь Грогара.

Путь к жилищу барона вел через обширный сад. По обе стороны когда-то ухоженные клумбы одичали, всюду валялся мусор и попадались следы пикников.

Окруженный крепостной стеной замок оказался громоздким старомодным сооружением с бочкообразными башнями и крохотными круглыми окошками. Часть восточной стены обрушилась, и едва ли не половина двора заполнилась водой из рва, который питала Тавка, — река капризная, непредсказуемая, извечная проблема Худштадта. Такое удручающее положение дел говорило только об одном: дамба — предмет постоянных забот всех Гудштайнов — разрушилась, что неудивительно, учитывая бедственное положение дел барона Фрейра.

Едва отряд достиг стен замка, как сзади послышался шум, и, к безмерной радости всех и Грогара в особенности, их взору предстала во всем своем сияющем блеске величественная, царственная Миранда, признаваемая во всем королевстве одной из красивейших женщин. Тонкие выразительные черты лица; в узких голубых глазах, придающих ее слегка высокомерному и холодному облику шарм и обаяние южанки, светился острый ум и расчетливость. Буйные каштановые кудри непослушно выбивались из-под черной беретки, украшенной золотой брошью в виде орла. Одета девушка была по-мужски: в кожаный, тончайшей выделки, черный колет; поверх него отороченная мехом алая накидка; плотно облегающие брюки, заправленные в высокие замшевые сапожки. Ее сопровождали две служанки и высоченный лакей, имевший такой заносчивый и неприступный вид, что ему мог бы позавидовать сам королевский судья герцог Алоизио. И, конечно же, тут был эскорт — тридцать латников под командованием того самого Рийго.

Рийго выглядел полной противоположностью Ладислао — низкорослый, рыжебородый, коренастый, кривоногий, с пивным брюшком и взглядом старого ворчуна и упряма. Одет в простой засаленный ватник; на голове — старинный шишак, смахивающий больше на помятую миску, каковой он, кстати, и являлся во время привалов.

Миранда, опершись о руку лакея, грациозно спрыгнула с коня, стянула перчатки, подошла к Грогару и скептически оглядела его с ног до головы.

— Боги! — У Миранды был чарующий, бархатный, глубокий голос. — Ты ли это, братец мой? На кого ты похож? Что это на тебе за одеяние? — Она потрогала кончиками пальцев камзол грубого покроя, подаренный ему кем-то в Копотне. — Это что, тулуп? Ах, а бородой оброс! Какой кошмар! И от тебя так воняет... Грогар, милый мой, ненаглядный, ты похож на мужика.

— Сестрица! — Грогар улыбался, точно мальчишка. — И я рад тебя видеть! Дай я тебя поцелую!..

— Не надо! — взвизгнула она, но было уже поздно: Грогар схватил ее в охапку, закружил и крепко поцеловал в щеку.

Миранда отскочила как ошпаренная и принялась отряхиваться и старательно тереть щечку перчаткой.

— Больше так не делай! — нахмурилась она.

— Так-то ты встречаешь единственного брата, который едва не погиб?

Миранда посмотрела на него, и взгляд ее смягчился.

— Ну не сердись, — сказала она. — Ты же знаешь меня. А где же Лунга? Ах, вот он. Лунга, бедненький, ты-то в порядке? Надо же, ты тоже зарос бородицей по уши. И как ты плохо, неопрятно одет! Лунга, да твое платье в грязи!

— Моя госпожа, — пробормотал он, преданно глядя на нее. Он готов был разрыдаться.

— Все уже позади, — ласково сказала Миранда, погладив его по щеке. — Верно?

— Да-да...

— Лунга спас мне жизнь, — сказал Грогар. — Он герой.

— Никогда в этом не сомневалась, в отличие от тебя... Да, Лунга, а где твоя шляпа?

— Точно, дорогой мой Лунга, шляпы-то нет!

Лунга растерянно огляделся.

— Наверно, потерял.

— И не заметил?

Лунга был потрясен.

— Не заметил.

— Представляешь, сестрица, что мы пережили, если Лунга даже не заметил, как потерял шляпу? То-то и оно!

Пока брат с сестрой разговаривали, а Лунга, преисполненный самых высоких чувств, боролся с желанием расплакаться и, пав на колени, вознести горячую молитву небесам за чудесное спасение, Рийго, перекинувшись парой слов с Ладислао — с которым он, кстати, не очень хорошо ладил, — дал приказ оцепить замок.

— Встаньте у воды, там, где пролом, — ворчливо командовал он. — Если кто высунется, стреляйте, мать вашу!

— Эй, вы! — раздался голос с крепостной стены. Все подняли головы и увидели двух неопрятных, взлохмаченных мужчин, говоривших развязно и с неохотой. — Вы кто? Чего вам надо?

— Открывайте ворота, дурни! — заорал в ответ Рийго. — И спускайте мост! Живее!

— Еще чего! С какой это стати?

— Открывай ворота, иначе мы возьмем эту трухлявую груду камней приступом!

— Да пошел ты к такой-то матери!

Рийго побагровел и вытащил пистоль.

— Стоп, — сказал Грогар, перехватив его руку. — Не кипятись, ворчун.

— Я убью его! — прорычал Рийго, глядя на Грогара залитыми кровью глазами.

— Эх, стареешь, ворчун. Нервишки сдают, да?

В ответ раздалась порция грязных ругательств.

— Все, хватит, — властно произнес Грогар. — Тут надо дипломатично. — Он повернулся к людям на стене. — Э-э-э...

— Только не говори им «любезнейшие», — раздраженно прошептала Миранда.

— Любезнейшие!..

— О боги...

— Вы знаете, кто я... кто мы такие?

— Сборище расфуфыренных и чванливых придурков!

— Но-но! Ты поаккуратней-то с выражениями!

Один из помятых субъектов, тот, кто помоложе, собрался было ответить, но старший товарищ потянул его за рукав и, указав на Миранду, что-то взволнованно зашептал ему на ухо.

— Ого! — сказал Грогар, пристально за ними наблюдая. — Как всегда, моя дорогая сестрица, тебя заприметили первой.

— А разве может быть иначе? — кокетливо поинтересовалась она.

— Я что-то не расслышал ваших имен! — прохрипел старший.

— Лично я — ярл Грогар Аурелио Бранд-и-Дьюрсон, из рода Хтойрдов, а это — моя несравненная сестра Миранда собственной персоной!

— И чего вам надо?

— Да чтоб вас! — крикнул, начиная терять терпение, Грогар.

— Чего-чего?

— Слушай, любез...

— Не называй его «любезнейшим»! Какой он тебе, к чертовой матери, «любезнейший»? И почему ты всякое отребье всегда называешь «любезнейшими»? «Любезнейшие», «любезнейшие»!.. Что, больше слов нет?

— Не мешай мне, пожалуйста. Любезнейший, не испытывай мое терпение, открой ворота, мы хотим сейчас же поговорить с вашим хозяином, господином Фрейром, об очень важном деле.

— Он спит.

— Что? Я не понял, что ты сказал?

— Спит он.

— Как спит? Среди бела дня?

Старший равнодушно пожал плечами.

— Ну так разбуди его, идиот! Чего ты стоишь? Или хочешь пулю в лоб? Пошевеливайся, пошевеливайся, сукин сын! — Грогар окончательно вышел из себя. — Если через пять минут не будут открыты ворота, вы оба будете болтаться на вот этой березе!!!

Он указал на чахлое деревце неподалёку, которое вряд ли бы выдержало даже ребенка, не то что двух взрослых мужиков. Однако угроза подействовала, ибо парочка тут же исчезла. Но ждуть, когда же, наконец, опустится мост и отворятся злосчастные ворота, пришлось еще с полчаса. Грогар удержал на месте свое пышущее жаром воинство только потому, что внутри слышалась какая-то возня: лязгали цепи, скрипели механизмы, доносилась приглушенная ругань. За это время Грогар вкратце поведал Миранде о своих приключениях и о том, что намерен делать дальше.

Но вот мост с чудовищным грохотом рухнул на противоположный берег, при этом раздались проклятия и одна из цепей, в руку толщиной, лопнула, ее часть вылетела через паз в стене и опустилась сначала на мост, а потом ссыпалась в вонючие, стоячие воды рва.

Скрытый в надвратной башне барабан продолжал с жалобным визгом крутиться.

— И крепость пала, — подытожил Грогар, пришпорив коня.

Створки ворот медленно отворились, явив зрелище одновременно занимательное и удручающее.

Половина внутреннего двора была залита водой, там ходили, приподняв полы платья, женщины, дети и что-то искали. На другой, сухой половине, громоздился разнообразный

мусор: расщепленные доски, битая посуда, ворохи тряпья, бутылки из-под вина; на куче гниющего сена, у входа в конюшню, валялся какой-то нечистый субъект.

Их недавние собеседники, от которых жутко несло дешевым вином, неловко поклонились.

— Ну... милости просим... э-э...

— Никого не впускать и не выпускать, — приказал Грогар Рийго. — Коли увидите, что кто-то пытается улизнуть, хватайте немедля. Где барон? — обратился он к парочке.

— Ждет, — ответил старший. — Насилу разбудили. Напился намеднись, старая пья... то есть я хотел сказать... плохо себя чувствует. Идите за мной.

В темной прихожей донжона Грогар незаметно подозвал одну из служанок Миранды.

— Люсия, где Лунга?

— Тут он.

— Я здесь, — не замедлил отозваться тот.

— Слушайте меня оба. Берите Лилию... где Лилия?

— Она со мной, мой господин.

— Хорошо. Так, дуйте с ней куда-нибудь в помещение для слуг или там еще что-нибудь — вам виднее. Отмойте ее. Расчешите, приведите в порядок. Думаю, у барона должны были сохраниться наряды его внучки — оденьте ее пороскошнее. В общем, Люсия, сделаешь ее красавицей, поняла? Я хочу представить ее моей сестрице во всем великолепии.

— Я все поняла, господин, — кивнула Люсия. — Будет исполнено.

— Чтобы не возникло недоразумений, прихватите трех-четыре парней — пусть бьют всех, кто попытается помешать.

— Хорошо.

— С кем ты там шепчешься, братец? — спросила Миранда, поднимаясь наверх.

— Ни с кем, дорогая. Так, организационные вопросы.

— С каких это пор ты стал заниматься организационными вопросами?

— Ну... когда-то же надо начинать.

— Ты меня пугаешь, Гроги.

В этот момент во дворе раздались крики.

— Эй, Андрос! — обратился Грогар к одному из солдат. — Это ты? Ты — Андрос?

— Так точно, ваша милость.

— Не вижу ни хрена: темно, хоть глаз выколи. Иди, глянь, что там.

Андрос выглянул на улицу.

— Толкотня какая-то, — доложил он. — Баба с мужиком приволокли лодку. Захотели, видать, улизнуть под шумок. Наши забагрили лодку гизармами. Во — Рийго парню в зубы дал.

Грогар торжествующе улыбнулся.

— Попались, голубчики! Андрос!

— Слушаю, ваша милость.

— В цепи их — и наверх, в кабинет барона. Мы желаем побеседовать с ними.

Барон Фрейр, совсем недавно разменявший седьмой десяток, когда-то был писанным красавцем, ускользящая тень благородства и аристократизма еще блуждала по его сильно постаревшему и изможденному лицу. В слезящихся глазах под вспухшими веками застыло

выражение не то глубокой задумчивости, не то пьяного тупоумия; физиономия заросла редкой колючей бородой; на щеках играл лихорадочный румянец; шею прочертили рыхлые складки; давно немые седые волосы были всклокочены.

Он обнаружился в библиотеке, за дубовым столом, с полупустой бутылкой вина. Сидел в просторной, давно не стираной белой рубашке с широкими разодранными рукавами, в глубоком кресле. Единственное окно здесь давно покрылось толстым слоем пыли и сажки, отчего в зале царил полумрак.

— Ох, как же вы ужасно выглядите, барон, — сказал Грогар, присаживаясь на оттоманку, обитую крокодиловой кожей. Миранда, брезгливо оглядев ее, последовала его примеру.

— Чего вам от меня надо? — медленно поинтересовался барон. — Зачем пожаловали? Деньги требовать? Их у меня нет и не будет.

— Не шумите, дорогой барон. За такими пустяками, как возврат долгов, коими вы обросли по уши, мы бы прислали своего представителя вместе с судебным исполнителем. Мы же пришли... — Грогар прислушался к шагам и бряцанию цепей на лестнице за дверь. — Мы пришли потребовать у вас объяснений.

— Каких еще объяснений?

— Сейчас все узнаете. Введите их!

Двери распахнулись, и в помещение вошли алебардисты, ведя за собой насквозь мокрую, скованную общей цепью пару — мужчину и женщину.

Смуглая черноволосая девушка брыкалась, плевалась и шипела на солдат, ее большие черные глаза буквально метали молнии. Грогар, едва увидев ее, сразу же подумал, что уже где-то с ней встречался.

Одетый по-крестьянски, ничем не примечательный, незаметный мужчина лет сорока в обычной ситуации вряд ли привлек бы чье-то внимание. Правильные черты лица, бледность, спокойствие и маленькие серые, совершенно невыразительные глаза.

Холод, безликость, бессердечие.

Маленький косой шрам на подбородке.

— Что уставился, ублюдок?! — закричала девушка Грогару. — Как будто не узнаешь? Все вы такие, подлецы...

Грогар внимательно поглядел на девушку.

— Постой... — проговорил он. — Как же... так ты же... Тиша! Это ты? Как же так, Тиша? Эх, ты...

— Только не надо жалеть меня! Пес смердячий! Когда я сосала тебе член, ты гладил меня по голове и обещал сделать фрейлиной королевы! А теперь, глядите-ка, нос воротишь и вздыхаешь. «Как же так, Тиша?» «Ах, как мне жаль!» Ты бросил меня, сволочь! Когда меня привязали голой к позорному столбу, ты с дружками смотрел, как меня забрасывают дерьмом, и смеялся, и еще пальцем указывал! Ненавижу тебя!

— Не надо было воровать. И, кстати, где мое кольцо?

— Пойди поищи в блошином конце в Протэосе, может, какая-нибудь больная шлюха его и носит!

— А ведь то подарок моей матушки на мое пятнадцатилетие...

— Ха! Да у тебя их полно, козел! Мог бы и поделиться.

— На мое пятнадцатилетие, — с деланным огорчением повторил Грогар. Он поднялся с оттоманки, подошел к Тише и посмотрел ей в глаза.

— У тебя что, денег не было? — спросил он. — Голодные детишки? Большой отец? Еще что-то? Ты была популярной куртизанкой. Ни в чем не нуждалась. Поклонники, подарки, светские мероприятия. И тайная страсть к чужим драгоценностям. Поделом тебе, сука, не будешь воровать у тех, кто тебя кормил.

Грогар взглянул на мужчину, все это время стоявшего неподвижно с видом полнейшего безразличия к происходящему.

— Рад, что ты скоро умрешь, дьявол, — сказал ярл. — И я попрошу палача продлить твою агонию как можно дальше. Уведите их и не спускайте с них глаз.

— Чтоб ты сдох, паскуда! — донесся до него истошный вопль Тиши.

— К чему все это представление? — насмешливо спросил барон, приложившись к бутылке.

— А я вам объясню, причем с удовольствием, — ответил Грогар. — Давно, знаете ли, об этом мечтал. Может, в чем и ошибусь, так как недостаток фактов вынужден был восполнить домыслами, основанными, впрочем, на закономерностях, так что, думаю, суть будет верна. Всем известно, дорогой барон, что вы в долгах как в репьях. Ваши слабые и неумелые попытки поправить существующее положение дел успехом не увенчались. И тогда вам на помощь пришел бывший слуга вашего зятя... э-э-э... вот опять! Забыл имя. Трури... Дури...

— Траинт, Гроги, Траинт, — подсказала Миранда.

— Ага, Траинт. Черт, надо запомнить... Значит, слуга, коего вы имели удовольствие лицезреть только что...

— Я видел, вообще-то, двух, — посмотрев на Грогара с прищуром, перебил барон.

— Ее зовут Тиша, — сказал Грогар, — а его — Доор, верно?

— Доор.

— Ага, вы его знаете! Превосходно! Доор подлейший человек!.. Кстати, это правда, что он съел свою мать?

Барон в ответ презрительно фыркнул.

— Не знаете... ну ладно. Так вот, Доор, потеряв своего внезапно умершего хозяина (слишком уж внезапно, вы не находите?), стал служить вам и постепенно подчинил вас своей воле. Об этом говорит хотя бы то, что вы — человек деловой, целеустремленный и в вопросах чести и долга щепетильный — в одночасье полностью забросили свое родовое имение, влезли в долги и так далее. Высосав из вас все соки, предприимчивый Доор покинул Худшгадт и какое-то время странствовал, но, не стяжав нигде успеха, вернулся, привлеченный слухами о некоей Матери Гор, легенда о которой, стараниями ученого из королевского университета по имени Дьярв Лёлинг, приобрела повсеместную известность. И пожаловал он не один, а с подругой. Интересно, а почему именно Тиша? Ты веришь в совпадения, Миранда?

— Нет, — сухо ответила она.

— И я нет. Может, она направлялась сюда, чтобы мне отомстить? Пошантажировать меня? Хм, как говорится, вор вора видит издалека. Черт с ними. С вашего позволения я продолжу. Доор — напомню, премерзейший тип — в полном соответствии со своей садисткой и извращенной натурой возжаждал власти и поклонения, с каковой целью и устроил в селении Старый Вяз, близ Круга Смерти, языческий культ. В жертву божеству, роль которого исполняла некая обезумевшая старуха, дикарем обитавшая в горах, приносились люди. Перебив половину деревни, Доор подумал-подумал и явился к вам с предложением. Может, он хотел загладить свою вину... ведь это по его вине вы обнищали?

Барон поднял на ярла мутные глаза, кашлянул и снова согнулся.

— Он предложил вам избавиться от кредиторов, так? — спросил Грогар. — Тихо и незаметно. Первым на очереди стоял виконт Стефан Скеленстен, фюрст Онке и Дука, хозяин Вековечного Древа, ваш самый крупный кредитор — человек, как известно, жадный и весьма охочий до денег. Он приехал к вам — по вашему приглашению или нет, неважно. Состоялся нелегкий разговор. В его результате, полагаю, было достигнуто соглашение. Виконт пообещал подождать с долгом, а некую сумму списать в обмен на позволение поохотиться в ваших девственных лесах. Вот он и поохотился, на свою голову.

— Чушь, — буркнул барон.

— Отнюдь, отнюдь. Вы же должны ему? Должны. И мне должны — факт неоспоримый. Во время моего плена в Старом Вязе — бывшем логове прохвоста Доора — я услышал из уст одного местного болтуна такую фразу: *«Тот чудной, с брюшком и жидкой такой бородежкой, болтал, шо он бекон и перст и живет на дереве»*, — это и сказал, мой слуга подтвердит.

— Я гляжу, — буркнул барон, — вы большой фантазер...

— Ничем не обоснованное обвинение, — парировал Грогар. — Ничем, дорогой барон. Во-первых, я узнал голос — он показался мне до боли знакомым. Узнал и костяной нож, коим он зарезал бедную Инесс — это во-вторых. Это был Доор, хоть он и скрывался под маской. После того, что я пережил, сложить всё воедино и прийти к выводам, которые я вам в данную минуту излагаю, не так уж и трудно. А сегодня утром один из жителей той же деревни, куда мы с Лунгой и Ладислао мимоходом заглянули, в точности описал мне внешность виконта. Виконт Стефан, мой дорогой барон, был жестоко умерщвлен Доором и его приспешниками, и не стоит делать вид, будто вы не знали об этом. Спустя некоторое время вы прислали и мне приглашение посетить ваш замок, но я, помня о том убожестве, что здесь царит по сию пору, не поехал...

— У вас нет привлекательной дочки, — ввернула Миранда, усмехнувшись.

— Да, нет, — поддакнул Грогар. — А вот у виконта...

— Что? — удивилась Миранда. — Ты и с ней переспал? С Актосией?

— Как будто ты не знала.

— С этой глупой коровой?

— Девушка с изюминкой...

— И где же затаилась ее изюминка? Ты хоть добрался до неё, до изюминки? Наверное, все складки перебрал в поисках.

— Ничего ты не понимаешь, сестрица.

— Ты много понимаешь, кобель.

— Я вам, случаем, не мешаю? — раздраженно поинтересовался барон Фрейр.

— А, вы хотите узнать, что же дальше? — спросил Грогар. — Не волнуйтесь, осталось немного. На чем я остановился? Ах да, вспомнил. Ну так вот, вы не смогли заманить меня в свой замок. Тогда хитрец Доор начал распространять слухи о якобы редких и диковинных птицах, обитающих в ваших владениях.

— И ты, как дурачок, клюнул, — сказала Миранда.

— И я клюнул, — со вздохом подтвердил Грогар. — Но выбрался. Выбрался ценой больших усилий. И вот я здесь. Добро победило, и зло наказано.

Барон молчал.

— Ну и? — наконец спросил он. — Что вы хотите? Арестовать меня? Заключение под

стражу? Вы не имеете права. И у вас нет никаких доказательств моей причастности к этой истории. Она ничего не стоит, эта ваша... интересная история.

— Доказательств нет, но они могут появиться, — сказала Миранда.

— В результате пыток может появиться что угодно.

— Нам, Хтойрдам, а также Скеленстенам и другим, о которых мы, вполне возможно, ничего не знаем, «чего угодно» будет достаточно, — парировала Миранда. — Наши семьи обладают немалым влиянием, чтобы обернуть дело в свою пользу.

— Вы только представьте себе, — добавил Грогар. — Иар Скеленстен ничего не знает о судьбе покойного родителя, главы рода. Какова будет его реакция, если я расскажу ему эту, по вашим словам, «чушь»? А бедняжка Актосия! Как она, должно быть, страдает...

— Ой-ой-ой! — передразнила его Миранда. — «Как она страдает»! Да как ты вообще мог возлечь с этой короной? Она же полная дура!

— Что ж ты такая злая, сестрица? Всё тебе не нравится. Оттого, наверное, у тебя нет женихов, что ты их поедом ешь?

— Хватит! — рявкнула она в ответ и отвернулась.

Грогар посмотрел на сестру, улыбнулся ей и вздохнул.

— Поверьте, барон, — проговорил он с грустью в голосе, — дела ваши и впрямь плохи. Скеленстены придут в ярость, узнав о случившемся. Они, верно, до сих пор его ищут.

Барон приуныл еще больше, если такое вообще возможно. Он с надеждой посмотрел на Миранду...

— Нет, — безжалостно покачала она головой. — Мой дражайший братец, конечно, изрядный фантазер, но не поверить ему я не могу. Когда пропал виконт, поднялся большой шум, а тут еще исчез и Грогар. Это же невиданный скандал! Дело может дойти до короля. Ваша и без того подмоченная репутация падет ниже некуда. Никто не поверит в вашу невиновность. Никто.

Эти слова, произнесенные ледяным тоном, окончательно сломили старика. Он взглянул на бутылку, нерешительно взял ее и, давясь, допил вино. Осторожно поставил назад. Вытер рукавом рот.

— Взгляните, — срывающимся, надтреснутым голосом проговорил он, указав на нее. — Этому вину триста лет. Его всегда пили только по большим праздникам. Красное худшпадское. Когда-то его подавали на стол короля. Это легенда. История.

Барон, тяжело опершись о стол, с трудом поднялся и сразу же пошатнулся. Стол чуть сдвинулся. В полнейшей тишине бутылка упала, покатилась, соскользнула на пол и разбилась.

Грогар с Мирандой посмотрели сначала на нее, а потом на барона.

— Уходите? — нарочито небрежно поинтересовался Грогар.

— А что? — зло ответил он. — Хотите, чтобы я сознался в злодеяниях? Покаялся в грехах? Исповедовался?

— А почему бы и нет?

— Да что вы знаете о жизни, молодой человек?! — трясясь, как осиновый лист, вскричал барон и так побагровел, что ярл испугался за него. — У вас одно на уме — развлечения, любовницы, пирушки! А вот поживите с моё!

— Зря вы так... — тихо произнес Грогар, опустив глаза, но старик, услышав его, пришел в еще большую ярость:

— Двадцать лет назад моя жена умерла, рожая эту потаскуху Алисию! А шесть лет

назад моя отрада, моя красавица-дочь Кира прыгнула со скалы в море. А почему? А потому что ваш дружок, мерзавец Лоуренс Дукгорский, посмеялся над ее стихами!

— Никакой он мне не дружок...

— Неважно! Все вы одного поля ягоды! Распутники! Себялюбцы!

И барон заплакал.

— Вы не представляете, — всхлипывал он, плюхнувшись назад в кресло, — как мне было плохо. К счастью, осталась у меня внучка. Я чудом сумел вырвать ее из загребущих лап этого негодяя Лоуренса, вашего дружка...

— Да не дружок он мне...

— Это я виноват, — глядя затуманенным взором в окно, сказал барон. — Пригрел на груди дьявола. Думал, он хороший парень, этот Доор. Сделал его своим управляющим. — Барон помолчал, затем добавил: — Он шантажировал меня. Он спрятал ее и держал на цепи.

— Кого, внучку?

Барон кивнул.

— И где же она сейчас? Она, кажется, умерла от чахотки...

— Доор убил ее. Да, Доор. Я не дал ему денег, и он убил ее. И принес мне ее изувеченное тело. Швырнул прямо в ноги.

Грогар переглянулся с сестрой. Барон горько рыдал, размазывая слезы по дряблым щекам.

— Ваше место в тюрьме! — неожиданно выпалила Миранда.

Грогар взглянул на нее с недоумением.

— Да-да! Думал разжалобить нас?

— Миранда...

— Не получится! Мы с братом не так давно перенесли трагедию почище вашей! Мы потеряли всех — родителей, сестру, друзей, — всех! Но мы живем и радуемся жизни!

— Вы молоды... — пробормотал барон.

— Жалей себя! Жалей! Тебе нравится играть эту роль, ведь так? Вообразить себя мучеником.

— Миранда, успокойся, — попытался утихомирить ее Грогар.

— Нет, я скажу! Уверена, ты и в долговой тюрьме будешь себя вести так же. Обвинять весь белый свет в своих бедах. Мне тебя несколько не жалко, старик!

Барон неспешно встал и, спотыкаясь, побрел к выходу.

45

— Зря ты так, — сказал Грогар, когда они остались одни.

— Может быть, — проговорила Миранда, теребя свои перчатки. «Нервничает, — подумал Грогар. — Вспылила. Зря вспылила».

Он приобнял ее.

— Будь что будет, — произнес он.

— Будешь судиться с ним? — Миранда подняла на него глаза, в которых сейчас не было ничего, кроме усталости.

— Я вынужден. Иар в любом случае узнает правду. Он нас не поймет.

Миранда кивнула.

Тут дверь приоткрылась, и в библиотеку вошла, сопровождаемая служанкой, прехорошенькая девочка в белом кружевном платье. Волосы, закрученные в локоны,

россыпью легли на плечики. Она испуганно обвела глазами помещение, опрометью бросилась к Грогару и прижалась к нему, уткнувшись лицом в грудь и недоверчиво поглядывая на Миранду.

— Кто это? — поинтересовалась она. — Откуда это прелестное дитя?

Грогар поцеловал Лилию в лоб и с неожиданной теплотой ответил:

— Это? Это... моя дочь.